

ISSN 2219-6838

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ

Основано в 2010 году

3/2019

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. I. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of legal sciences, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **O. V. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of legal sciences, prof.); **E. R. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Yu. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. A. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. D. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. V. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. V. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. N. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. V. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. U. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. V. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. E. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Yu. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of legal sciences, prof.); **T. V. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. M. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. I. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
 редакция «Российского юридического журнала».
 Тел./факс (343) 375-54-20.
 E-mail: ruzh@usla.ru,
electronic.ruzh.org.
 Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Толстых В. Л. (Новосибирск) Пять уровней международно-правовой мифологии 5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Александрова Л. А., Никифорова Е. Ю. (Екатеринбург) О некоторых проблемах защиты интересов третьих лиц в уголовном судопроизводстве 19

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Драпкин Л. Я., Грицаенко П. П., Шуклин А. Е. (Екатеринбург) Доказательственные и поисковые возможности судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы 24

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Незнамов А. В. (Екатеринбург) О классификации цифровых технологий в гражданском процессе 27

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Осинцев Д. В. (Екатеринбург) Уголовная и административная ответственность: союзники или антагонисты? 36

Попов А. В. (Омск) Некоторые вопросы привлечения граждан к административной ответственности за незаконное предпринимательство 51

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Ергашев Е. Р., Бобина Р. В. (Екатеринбург) Проблемы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних 59

Оносов Ю. В. (Екатеринбург) Юридическая практика удовлетворения требований прокурора 64

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Терентьев А. В. (Санкт-Петербург) Корпоративные споры в современном российском законодательстве 69

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Левитан К. М. (Екатеринбург) О векторах эволюции российского юридического образования 75

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Мотревич В. П. (Екатеринбург) Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел ГААОСО) 83

Овчинникова О. А., Морева О. В. (Екатеринбург) «Книжные редкости» в составе фонда научной библиотеки Уральского государственного юридического университета 92

ХРОНИКА

Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право: обзор международной научной конференции 104

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V. (Novosibirsk)* Five levels of international legal mythology 5

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Aleksandrova L., Nikiforova E. (Yekaterinburg)* On some problems of protecting interests of third parties in criminal proceedings 19

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Drapkin L., Gritsaenko P., Shuklin A. (Yekaterinburg)* Evidentiary and search capabilities of a forensic medical molecular genetic examination 24

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Neznamov A. (Yekaterinburg)* On the classification of digital technologies in civil process 27

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Osintsev D. (Yekaterinburg)* Criminal and administrative responsibility: allies or antagonists? 36
- Popov A. (Omsk)* Some issues of bringing citizens to administrative responsibility for illegal entrepreneurship 51

PROCURACY SUPERVISION

- Ergashev E., Bobina R. (Yekaterinburg)* Problems of preventing family distress, neglect and juvenile delinquency 59
- Onosov Yu. (Yekaterinburg)* Legal practice of meeting the prosecutor's requirements 64

ECONOMICS AND LAW

- Terentyev A. (St. Petersburg)* Corporate disputes in modern Russian legislation 69

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

- Levitan K. (Yekaterinburg)* On the vectors of the Russian legal education evolution 75

PAGES OF HISTORY

- Motrevich V. (Yekaterinburg)* Destinies of the prisoners of World War I who remained in the USSR (based on the materials from the SAAASR archives) 83
- Ovchinnikova O., Moreva O. (Yekaterinburg)* «Book rarities» as a part of the fund of the scientific library of the Ural State Law University 92

CHRONICLE

- Information space of knowledge, digital world and constitutional law:
a review of the international scientific conference 104

ПЯТЬ УРОВНЕЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МИФОЛОГИИ

Толстых Владислав Леонидович

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук (Новосибирск),
e-mail: vlt73@mail.ru

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология», в которой утверждается, что дескриптивные идеи, используемые международным правом, искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней. На первом, базовом, уровне находятся идеи суверенитета и прав человека, которые имеют основу в христианском учении о воле и были окончательно утверждены при переходе от Средних веков к Новому времени (XVI–XVII вв.). На втором уровне находятся либеральные идеи XIX в.: мирного разрешения споров, международного управления, свободы торговли, гуманного ведения войн и самоопределения. На третьем уровне находится идея международного преступления, сформулированная после Второй мировой войны и применимая к действиям государств (агрессивная война) и действиям частных лиц (терроризм). На четвертом уровне находятся неолиберальные идеи второй половины XX в.: общего суверена, общего права, запрета применения силы, устойчивого развития, общего наследия и др. На пятом, формирующемся, уровне находится идея технологий. В данной статье рассматриваются особенности каждого уровня: культурологические и политические предпосылки его формирования, связь с другими уровнями, свойства организованного на его основе порядка, содержание и логические дефекты образующих его мифов, характер их деструктивного воздействия и др.

Ключевые слова: познание, международное право, мифология, суверенитет, права человека, история права, политика

FIVE LEVELS OF INTERNATIONAL LEGAL MYTHOLOGY

Tolstykh Vladislav

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences,
e-mail: vlt73@mail.ru

This article continues the article «International Law as a Mythology», which states that the descriptive ideas used by international law distort reality and are, therefore, myths. The mythological structure of international law consists of five levels. At the first (fundamental) level, there are the ideas of sovereignty and human rights, which have a basis in the Christian doctrine of the will and were finally approved during the transition from the Middle Ages to the Modern history (the 16th and 17th centuries). At the second level, there are the liberal ideas of the 19th century: peaceful settlement of disputes, international governance, free trade, humanization of war and self-determination. At the third level, there is the idea of international crime, formulated after the Second World War and applicable to acts of states (aggressive war) and acts of individuals (terrorism). At the fourth level, there are neoliberal ideas of the second half of the 20th century: common sovereign, common law, prohibition of the use of force, sustainable development, common heritage, etc. At the fifth (emerging) level, there is the idea of technology. The article discusses the features of each level: the cultural and political prerequisites of its formation, the relationship with other levels, the characteristics of the order organized on its basis, the content and logical defects of the relevant myths, the character of their destructive impact, etc.

Key words: cognition, international law, mythology, sovereignty, human rights, history of law, politics

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология»¹, в которой была изложена общая теория вопроса. Основные постулаты этой теории состоят в следующем.

Международное право оперирует не только прескриптивными, но и дескриптивными идеями, которые описывают и объясняют реальность. Дескриптивные идеи искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Дескриптивная структура международного права состоит из пяти уровней: первый образуют идеи суверенитета и прав человека, второй – либеральные реформаторские идеи XIX в., третий – идея международного преступления, четвертый – неолиберальные идеи второй половины XX в., пятый – идея технологий. Эта структура по большей части совпадает со структурой внутреннего права, поскольку в основе теории международного права лежит внутренняя аналогия, согласно которой международный порядок, как и внутренний, является результатом договора между индивидами, стремящимися к безопасности.

Правовые мифы нередко формулируются частными лицами, которые действуют под влиянием личной ситуации, но претендуют на объективную оценку исторических фактов. Они обычно вводятся с целью разрешения острого политического кризиса, сопровождающегося обесцениванием старых идей. Правовой миф опирается на все три способа легитимации, но прежде всего на харизматическую легитимацию, которая состоит в апелляции к естественным законам, вытекающим из человеческой природы.

Негативное воздействие мифа осуществляется по нескольким направлениям: во-первых, миф формирует ограниченный и закрытый дискурс; во-вторых, порождает логические противоречия; в-третьих, разрушает социальную реальность; в-четвертых, является инструментом господства; в-пятых, отчуждает от экзистенции; в-шестых, сцепляется с другими мифами, образуя мифологическую структуру. Реальность сопротивляется воздействию мифа. Когда сопротивление достигает критического уровня, миф перестает справляться с функцией организации порядка и мифологическая структура вынужденно трансформируется. Данная трансформация означает не гибель мифа, а его мимикрию или формирование защитного мифа.

Миф может быть разоблачен, хотя это является крайне сложной интеллектуальной задачей. Разоблачение не предполагает выхода из пространства мифа; человек, осознающий несовершенство мифа, остается привязанным к нему личной судьбой. В связи с этим важно сконструировать институциональный уровень преодоления мифического. Особая актуальность мифического обусловлена тем, что человечество находится в преддверии грозных событий, контуры которых еще не определены до конца.

В настоящей статье приведенные тезисы иллюстрируются применительно к отдельным уровням мифологической структуры.

Первый уровень: мифы о правах человека и миф о суверенитете. Миф о правах человека и миф о суверенитете объединены идеей индивидуальной воли, которая делает акцент на способности субъекта принимать самостоятельные решения и воплощать их в жизнь. Индивидуальная воля ценна не сама по себе, а как проявление более глубокого качества – достоинства, которое представляет собой способность субъекта к индивидуализации, т. е. к созданию собственного, отдельного «я» (в интеллектуальном, социальном, экономическом и иных смыслах). Поскольку неограниченная реализация воли приводит к хаосу, необходим общественный договор, согласующий отдельные воли (свободу) и общий интерес (порядок). Будучи заключенным между людьми, он создает государство, будучи заключенным между государствами – международный порядок.

Идея прав сдерживает тоталитаристские устремления отдельных государств, возлагая на них обязанности по учреждению демократической системы и защите прав, и одновременно консолидирует международный порядок. В последнем случае она формулируется как главная задача глобального суверена, не подверженного болезни тоталитаризма, и определяет возникновение права на сецессию, режим санкций, вопросы признания, действие договоров и оговорок к ним, действие суверенных иммунитетов и др. Идея суверенитета присутствует на всех уровнях международного права; она определяет момент возникновения государства, толкование правовых принципов

¹ Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 32–47.

(запрет вмешательства понимается как запрет препятствовать отправлению власти; равенство – как одинаковая субъектность правительств и т. д.), разрешение территориальных споров (принцип эффективной юрисдикции), критерии справедливой войны, позитивный характер источников (договор и обычай рассматриваются как соглашения правительств) и т. д.

Родословная обоих мифов уходит в глубь веков. Античная культура объясняла возникновение мира действием космических стихий, персонифицированных лишь условно¹. Олимпийцы, управлявшие миром, не сотворили его и поэтому в своих поступках были ограничены его общими законами (*Δίκη*)². Действие этих законов распространялось и на социальную жизнь. Одним из них было стремление людей к общению и совместной деятельности, в результате которого было образовано государство – высшая форма жизни людей, связанных общим интересом³. Государство не рассматривалось как особый субъект, противостоящий остальному населению; такое понимание противоречило бы самой идее общения; оно трактовалось как *res publica* – общее дело, в котором может и должен участвовать каждый свободный человек⁴. Другим законом была справедливость, служащая мерилom достоинства и связывающая людей друг с другом⁵. Справедливость выражалась не только в законах, но и непосредственно, например в пророчествах пифии или через жребий.

Христианство отменило эту парадигму. Согласно Ветхому завету мир не возник стихийно, но был сотворен единым Богом: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Бытие, 1:1). Бог, таким образом, был возвышен: он перестал быть значимой частью порядка, подчиненной его законам, но сам стал его единственным творцом и управителем. Вместе с Богом был возвышен и человек, признанный богоподобным: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Бытие, 1:27)⁶. Новые смыслы были выражены непосредственно в Священном Писании, что придало им неоспоримый характер и высшую силу. Ранняя христианская доктрина, сформулированная в период распада Римской империи, в лице Августина проводила довольно резкую границу между двумя градами – Небесным и земным, допуская тем самым их организацию на основе различных принципов⁷. Новые политические условия, однако, требовали новых идей, а христианство и взаимодействующие с ним античные системы были единственным источником, откуда эти идеи могли быть почерпнуты.

Первой такой идеей стала идея персонифицированной власти. Она была неизвестна в эпоху принципата, когда власть императора основывалась на сочетании различных магистратур (трибуна и пр.), и стала проявляться лишь в эпоху домината. При Диоклетиане она исходила из отождествления императора и бога – традиции, привнесенной с Востока и поэтому искусственной и непрочной. Константин Великий и

¹ Так, Гомер говорит о «бессмертных отце Океане и матери Тетиде» (Гомер. Илиада. М., 2000. С. 225).

² Пифия в одном из прорицаний провозгласила: «Предопределенного Роком не может избежать даже бог» (Геродот. История. Л., 1972. С. 40).

³ По Аристотелю, «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага» (Аристотель. Политика. М., 2012. С. 22). По Цицерону, «государство [*res publica*] есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» (Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 20).

⁴ Р. Хайнце пишет: «Для римлянина *res publica* идентична *res populi*, «вещи» народа, но в гораздо большей степени под *res populi* понимается не конкретное имущество, а некое абстрактное общенародное „дело“, включающее в себя все интересы народного сообщества» (Хайнце Р. Ректорская речь в Лейпциге, 1921. Цит. по: Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия. СПб., 2009. С. 172). Латинский термин «*res publica*» если не тождествен, то близок терминам «общность» и «общая польза», используемым Платоном и Аристотелем, и, таким образом, отражает не сугубо римское, но общее для античной цивилизации понятие (Платон. Законы, или О законодательстве // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. С. 1196; Аристотель. Указ. соч. С. 103).

⁵ По словам Аристотеля, «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (Аристотель. Указ. соч.). Э. Аннерс характеризует греческое право как «комплекс этических правил, воплощенных в понятии *to dikaion* (справедливость)» (Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 44).

⁶ Античная культура использовала метафоры, связанные с богоподобием, только как риторическое украшение и только в отношении выдающихся личностей – Геракла, Ореста, Одиссея (см. «Илиаду» и «Одиссею» Гомера).

⁷ Августин Аврелий. О граде Божием. Минск; М., 2000.

Феодосий I, однако, смогли разглядеть потенциал христианства и, встав на его защиту, заложили основу для нового типа легитимации, базирующегося на идее катехона (*ὁ κατέχων*) – субъекта, противостоящего злу и защищающего церковь. Переход к новому типу был отсрочен распадом империи, но Карл Великий (800 г.) и Оттон I (962 г.) завершили его, получив императорскую корону из рук римских пап. Согласно иной точке зрения персонификация власти была обусловлена тем, что завоеванная варварами земля переходила в руки отдельных вождей (а не всего племени)¹. Как бы то ни было, в Средние века политическая власть была уже полностью персонифицирована².

Другой идеей стала идея достоинства и личной свободы. В античной культуре эти понятия имели преимущественно политические коннотации, в христианской культуре они приобрели онтологическое значение. У Августина свобода воли дается Богом для того, чтобы человек мог заслужить награду или воздаяние, в которых выражается божественная справедливость³. Ренессансные гуманисты предложили несколько иное понимание, делающее акцент не на последствиях свободы воли, а на ее неограниченности. Этот акцент синтезировал идеи богоподобия человека и вездесущности Бога: будучи богоподобным, человек, как и Бог, может присутствовать в любых вещах, хотя и не во всех сразу. Результатом стало понимание достоинства как уникальной способности человека самостоятельно формировать свою личность и выбирать свой путь (быть индивидом, непохожим на других)⁴. Это понимание было отражено в программной работе Дж. Пико делла Мирандолы «*Oratio de hominis dignitate*» (1496 г.)⁵. Подорвав возможности морали, эта идея заложила основу для будущей экспансии права.

Еще одним важным следствием синтеза богоподобия и вездесущности стало изменение функции денег. В античном обществе и раннем Средневековье критерием социального статуса личности был вклад в общее дело или происхождение; деньги лишь усиливали возможности, связанные с этим статусом. В современном обществе роль денег стала определяющей. Речь идет не об установлении корреляции между деньгами и личными заслугами (трудолюбием, талантом, родословной и т. п.) и не о восхищении человеком, имеющим и потребляющим материальные блага, недоступные другим⁶, но об уважении, проявляемом к *потенции* богатого человека, т. е. к его способности стать кем угодно, купив что угодно. Эта потенция есть не что иное, как

¹ П. Андерсон пишет: «Все сохранившиеся договоренности между римлянами и варварами о разделе земли касались только двух человек – провинциального землевладельца и какого-то одного германского партнера; хотя позднее *sortes* обрабатывались многими германцами. Поэтому, скорее всего, земли присваивались клановыми оптиматами, а затем заселялись рядовыми соплеменниками, становившимися их арендаторами или, возможно, небогатыми мелкими землевладельцами» (Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007. С. 113).

² Ф. Граус отмечает «персонализм средневековых воззрений на государство, т. е. концентрацию внимания на персоне государства как носителя суверенитета, полное отождествление королевства с персоной короля» (Цит. по: Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 8).

³ Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли / под ред. С. С. Неретиной. СПб., 2001. Отсюда – идея двух свобод: подлинной (от греха), приближающей человека к Богу, и животной, которая состоит в следовании своим дурным желаниям и отдаляет человека от Бога.

⁴ По словам Л. М. Баткина, до Ренессанса отдельность Я оценивалась отрицательно; Я воспринималось не само по себе, а лишь в контексте причастности к некой общности. Индивид усматривал высшее достоинство в том, чтобы следовать образцу и как можно меньше быть этим. В эпоху Ренессанса произошел переход к обоснованию индивидуальности из нее самой; жизнь и смерть потрясают отныне не повторяемостью, а уникальностью (Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 3–31). См. также: Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61).

⁵ Согласно Мирандоле, когда Бог создал человека, все прообразы уже были распределены. Тогда он придал человеку неопределенный образ: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» (Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 1. С. 248–265).

⁶ Еще А. Смит писал, что богатые «потребляют не более, чем бедные» (Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 185).

претензия на богоподобие. Корни капитализма в этом смысле уходят гораздо глубже в историю, чем полагал М. Вебер¹, и отражают не столько веру нововременной буржуазии в свою богоизбранность, сколько саму суть христианства, возвысившего человека над миром².

Для феодализма были характерны множественность и пересечение юрисдикций: власть на одной территории осуществлялась сразу несколькими субъектами (папой, императором, монархами, феодалами, цехами и муниципалитетами), находившимися в сложных отношениях взаимозависимости. В XVII в. эта структура перестала соответствовать экономическому базису и была разрушена буржуазией, заинтересованной в защите от произвола аристократии и создании единого рынка. Идеологией разрушения стала Реформация, которая призвала к прямой связи с Богом, не требующей посредничества священников, т. е. распространила идею свободы, инспирированную Церковью, на отношения внутри самой Церкви. Этот лозунг обесценил претензии Церкви на экономические преференции и легитимацию власти. Другим инструментом стали права человека, способствовавшие распаду феодальных корпораций³. В итоге феодализм был заменен новой структурой, характеризующейся верховной и исключительной властью монарха (суверенитетом) в пределах крупных политико-территориальных образований (государств).

Эта новая структура была обоснована в рамках теории общественного договора Т. Гоббса. Согласно данной теории в естественном состоянии люди пользуются неограниченной свободой, но их безопасность находится под угрозой⁴. Движимые врожденным стремлением к миру, они заключают коллективный договор, в котором учреждают государство и передают ему право управлять собой, получая взамен гарантии прав. Государство – это не просто объединение людей, но особый субъект, возвышающийся над своими подданными: «искусственный человек», «смертный Бог», «Левиафан»⁵. Данная теория, таким образом, предложила новое объяснение политической власти, ограничила круг ее носителей, отделила идею позитивного права от идеи естественного права, «приземлила» понятие достоинства, придав ему политическое измерение в виде прав человека, и определила принцип отношений между государством и его подданными. Она, однако, не затронула сам принцип активной и творящей воли, ограничившись лишь заменой субъекта воли с Бога на человека, т. е. секуляризацией старого мифа.

Впоследствии мифология Нового времени была развита и дополнена. Дж. Локк усилил роль прав человека и обосновал право народа на восстание; Г. Гегель подверг критике идею общего договора, основанного на индивидуальной воле, и выдвинул идею субстанциальной воли; И. Кант дал более точное определение достоинства (способность разумного существа самоопределяться и мыслить долг в качестве цели) и т. д. Создавая видимость дискуссии по существу, все эти концепции не преодолевали древний и буквально врезанный в общественное сознание религиозный миф о воле,

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2017.

² К. Маркс пишет: «*Деньги, обладающие свойством все покупать, все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, предмет в наивысшем смысле... То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это – я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои – их владельцы – свойства и сущностные силы... И разве я, который с помощью денег способен получить все, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями?» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 616, 618). Та же мысль есть и у У. Шекспира, процитированного Марксом: «Тут золота достаточно вполне, // Чтоб черное успешно сделать белым, // Уродство – красотой, зло – добром, // Трусливого – отважным, старца – юным, // И низость – благородством. Так зачем Вы дали мне его? Зачем, о боги?» (Шекспир У. Тимон Афинский // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1960. Т. 7. С. 480).*

³ По словам К. Маркса, признав за жизненной деятельностью лишь индивидуальное значение, права разрушили феодальные сословия, корпорации и цеха, разбили гражданское общество на эгоистических индивидов и тем самым приобщили их к государственному целому (Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 382–413).

⁴ Здесь налицо скрытая отсылка к феодализму и праву частной войны (Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 91–92).

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.

но лишь адаптировали его к новым обстоятельствам и защищали от по-настоящему состоятельных альтернатив. Среди классических философов, пожалуй, только К. Маркс смог обнаружить глубинное зло, содержащееся в государстве и капитализме, определив его как отчуждение от родовой жизни¹. Заявив о предстоящем *отмирании* государства, он, однако, не объяснил достаточно четко, каким образом оно произойдет и как будет выглядеть будущее политическое устройство.

В версии Т. Гоббса общественный договор регулировал только внутреннее устройство; международные отношения считались сферой господства хаоса². Другие авторы, однако, перенесли принципы внутреннего устройства на данные отношения, представив международный порядок как глобального суверена. Такая *внутренняя аналогия* была осуществлена уже в начале XVII в. Ф. Суаресом³, спустя столетие его поддерживал К. фон Вольф. Международное право редко апеллирует к этой аналогии, но она прямо следует из его содержания (его принципы = личные права; его процедуры и организации = порядок). Наличие двух параллельных договоров порождает важную перверсию: суверенитет, олицетворяющий порядок внутри государства, в международных отношениях выражает свободу, и наоборот, права человека, изначально выражавшие идею свободы, в международных отношениях олицетворяют порядок. Несоблюдение прав в связи с этим рассматривается как акт, доказывающий, что государство не способно распоряжаться своей свободой должным образом⁴.

Недостаточность объяснения природы государства и человека через призму индивидуальной воли очевидна. Действительно, государство – это не только правительство, принимающее властные решения, но также способ обеспечения общего блага (Платон), социальная коммуникация (Аристотель), сфера действия общей воли (Ж. Ж. Руссо), продукт исторической эволюции и воплощение субстанциальной воли (Г. Гегель), культурное и языковое пространство (В. Гумбольдт), национальное образование и др.⁵ Аналогично человек – это не только индивид, стремящийся выбирать, но также член коллектива, испытывающий потребность в признании (консерватизм); существо, отчужденное от труда и родовой жизни (марксизм); верующий, стремящийся избежать греха (раннее христианство) и покорный божественной воле (ислам); тот, кто испытывает постоянные страдания и стремится спастись от них (буддизм); жертва цивилизации, угнетенная потоками информации и необходимостью постоянного выбора (Ж. Бодрийяр, С. Жижек), и др.⁶

В силу диспозитивности международного права действие мифа о суверенитете не является абсолютным, но, скорее, образует презумпцию, применяемую в отсутствие специальных норм. К числу таких норм относятся нормы, содержащие оценочные ка-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. С. 517–642.

² «Короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны». В связи с этим государства подчинены только естественным законам, запрещающим делать то, что пагубно для жизни или лишает средств ее сохранения (Гоббс Т. Указ. соч.).

³ По словам Ф. Суареса, «хотя все человечество и не было объединено в одно политическое целое, а разделено на различные сообщества, тем не менее, дабы эти сообщества могли помогать друг другу и жить друг с другом в справедливости и мире (что необходимо для всеобщего блага), следовало, чтобы соблюдались некие общие для всех нормы, как бы по взаимному договору и согласию. И это есть то, что называется международным правом» (Цит. по: Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 72–74).

⁴ Современная доктрина пытается обосновать эту связь, представляя суверенитет не как верховную власть государства, а как его обязательство обеспечивать права человека (Peters A. Humanity as the A and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. 2009. № 3. P. 514–544).

⁵ А. Карти пишет: «Принцип эффективности, связанный с порядком и безопасностью, определяет систему и технику международного права. Однако доктрины *failed states*, опыт современной Африки и другие многочисленные и острые неразрешенные конфликты (например, в Чечне, Кашмире, Палестине, Тибете и т. д.) показывают, что, хотя международное право обеспечивает правовой ответ, оно делает это, основываясь на исторических правовых традициях, которые являются анахроническими и неполными» (Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007. P. 92).

⁶ Э. Берк писал: «Природа человека сложна и противоречива, цели общества тоже чрезвычайно сложны, поэтому примитивная диспозиция и примитивная власть не могут соответствовать ни человеческой душе, ни делам человека» (Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6–7. С. 122).

тегории («угроза миру и безопасности»), регулирующие самоопределение, действующие в интеграционных порядках и др. Напряжение между этими нормами и волевыми мифами обычно снимается консенсуальным способом: в случае затруднений действует квалификация, одобряемая большинством. Многие решения в связи с этим имеют характер *ad hoc* и не обеспечивают требуемой определенности. Аналогично акцент на личных правах человека не исключает учета других аспектов, которые могут защищаться «рикошетом» или определять политику международных институтов (например, занимающихся беженцами). С этими средствами, однако, не следует связывать больших надежд: исправляя некоторые негативные последствия волевых мифов, они не посягают на их идеологическое господство.

Деструктивное воздействие волевых мифов проявляется в следующем.

Во-первых, они создают монохромную картину, на которой бытие человека и государства сводится к акту воли; доктрина, опирающаяся на нее, оперирует узким кругом аргументов и не способна к объемному видению реальности.

Во-вторых, они порождают логические противоречия: идея суверенитета не объясняет природу норм *jus cogens*, связанность государств собственной волей, момент возникновения государства и пр. Идея прав в свою очередь не адаптирована к конфликтам частных лиц; беспомощна в ситуациях добровольного отказа от прав; не справляется с ролью общего стандарта; неэффективна, если индивид оторван от коллектива (парадокс Арендт). На внутренние дефекты накладывается борьба данных идей друг с другом: в отсутствие третьей силы конфликты между ними не имеют логического решения и могут быть преодолены только политически (отсюда неясность таких вопросов, как влияние прав человека на иммунитеты или оговорки).

В-третьих, волевые мифы разрушают реальность. В своем внутреннем аспекте идея суверенитета действует как мощное средство отчуждения народов от политики (своего рода нормативный *Священный союз*) и неиссякаемый генератор гражданских конфликтов; в своем международном аспекте она ориентирует международное право на обслуживание интересов политических и экономических элит. Идея прав монополизировала ценностную основу сотрудничества и, как результат, блокирует реальную кооперацию в сфере преодоления бедности, защиты окружающей среды, политического строительства и т. п. Ее вклад в реальное благополучие людей нельзя отрицать полностью, однако он меркнет на фоне вызванных ею катастроф.

В-четвертых, волевые мифы используются как инструмент подчинения и господства. Идея суверенитета позволяет распространить капиталистическую модель на незападные общества и включить их в глобальный рынок, а идея прав создает абсолютную *justa causa*, опираясь на которую, Запад разжигает гражданские войны, вмешивается во внутренние дела и разрушает целые страны.

В-пятых, данные мифы отчуждают от экзистенции. Идея суверенитета уничтожает многоплановость, присущую любой нации, превращая ее из субъекта политики, культуры и истории в объект власти – в набор заданных коллективных реакций на исходящие от правительства раздражители. Аналогично права человека создают новый вид человека – *человека выбирающего (Homo Elehit)*, не способного раскрыть свое естественное начало и увидеть подлинную природу вещей. К тому же предлагаемый ими выбор является обманом: предметы потребления, культурные феномены и политические идеи мало чем отличаются друг от друга и, кажется, созданы как множественность лишь с одной целью – удерживать внимание.

В-шестых, волевые мифы образуют основу других уровней мифологической структуры: каким бы смелым или образованным ни был человек и как бы далеко ни зашел в борьбе с глобальным обманом, в итоге он всегда оказывается перед противником, которого победить не в состоянии, – собственной самостью.

Второй уровень: либеральные мифы. Второй уровень образован мифами о мирном разрешении споров, международных конгрессах и организациях, свободе торговли, гуманном ведении войны, самоопределении и др. Одна их часть создает фикцию общего суверена, выполняющего те же функции, что и внутренний суверен: определение общей воли, содействие общему благу и защита нарушенных прав. В отличие от внутреннего суверена этот общий суверен не обособляется организационно и функционирует по образцу античной республики: его представителями явля-

ются все государства¹. Другая их часть выступают в качестве велений общего суверена, регулирующих международные отношения на неконсенсуальной основе; прежде всего это касается принципов международного права. Постулируя общего суверена, данные мифы дополняют внутреннюю аналогию, первый элемент которой (государства как свободные индивиды) был создан мифом о суверенитете, и одновременно опровергают тезис Гоббса, согласно которому государства пребывают в постоянном противостоянии.

Данный уровень был сформирован в результате либеральной реформы, осуществленной буржуазией в конце XVIII – начале XX в. и включавшей не только международные, но и внутригосударственные мероприятия (введение республиканского правления, всеобщего избирательного права, разделения властей и др.). Целями реформы выступали уничтожение остатков старого порядка, установление контроля за государством, утверждение капитализма как единственной политической и экономической модели и формирование глобального рынка. Важнейшими историческими событиями, на фоне которых она проходила, были Война за независимость США, Великая французская революция, Франко-прусская война и Первая мировая война. Идеологической основой реформы стала концепция общественного договора в версии Дж. Локка, согласно которой человек уступает государству лишь естественное право наказывать нарушителей и сохраняет все иные права². Этот тезис усилил идею свободы и способствовал дальнейшему отчуждению человека от государства и государства от общего порядка³.

Благодаря новым мифам крупная буржуазия смогла овладеть механизмом государства, распространить капитализм по всему миру, создать международные институты управления, подавить политические альтернативы, захватить новые рынки и сформировать глобальный рынок; а выражавшие ее интересы западные страны – перейти от колониализма, основанного на прямом насилии, к неоколониализму, основанному на экономическом господстве. Либеральная мифология объединила мир в единое целое: того, чего Запад не мог добиться при помощи крестоносцев, миссионеров и конкистадоров, он добился при помощи мифов. Этот результат был достигнут благодаря полной *секуляризации* мифологии, которая была проведена в XIX в. в рамках Просвещения (*Lumières*) – европейского интеллектуального движения, подчеркивающего значение разума и науки. Просвещение само является мифом: сведение мира к совокупности математических формул и физических законов обедняет не только мир, но и само мышление⁴.

Влияние Просвещения имело два важных следствия. *Во-первых*, поскольку конечная цель науки состоит в улучшении жизни людей, либеральные мифы изначально были созданы как инструменты реформ: они не только объясняли реальность, но и ставили задачу ее преобразования. Предметом дискуссии отныне стало не сущее, но должное, а в ряду аргументов на первое место вышли аргументы телеологические.

¹ Наиболее точно эта идея была передана Ж. Сселем, сформулировавшим два закона международного порядка. В соответствии с *законом иерархии порядков* глобальный интерес человеческого сообщества синтезирует интересы государственных сообществ и разрешает противоречия между ними. Это означает, что государство не может быть сувереном. В соответствии с *законом функционального дублирования* законодательная, исполнительная и судебная власть в рамках международного порядка осуществляется национальными правительствами, действующими и от своего имени, и от имени международного сообщества (Scelle G. *Manuel de droit international public*. P., 1948).

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 311, 334, 363.

³ Б. Констан пишет: «Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников – безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» (Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2. С. 101).

⁴ Т. Адорно и М. Хоркхаймер пишут: «Редукция мышления к математическому аппарату включает в себя применение принудительных санкций по отношению к миру в качестве его собственного мерила. То, что кажется триумфом субъективной рациональности, подчинение всего сущего логическому формализму, покупается ценой покорного подчинения разума непосредственно данному... Тем самым Просвещение отбрасывается вспять, в мифологию, от которой ему так никогда и не удалось ускользнуть. Ибо мифология в своих фигурах отображает эссенциальность существующего – цикличность, роковую неизбежность, господство мира – как истину и отказывает в надежде» (Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997. С. 42–43).

Во-вторых, либеральные мифы апеллировали не только к очевидным и априорным законам, но также к научным законам, устанавливаемым на основе профессионального анализа. Это предопределило участие в их разработке не только политических мыслителей – И. Бенстама, Дж. Милля, Б. Констана, А. де Токвиля, но и узких специалистов – экономистов А. Смита и Д. Рикардо, философов И. Канта и Г. Гегеля, естествоиспытателя Ч. Дарвина и др. Научный характер либеральных мифов обеспечил их более прочную легитимацию и защитил их от критики, основанной на здравом смысле, – любая содержательная дискуссия отныне требует специальных познаний.

В генезисе данных мифов также приняли участие государства, закрепившие их в договорах и решениях конгрессов, что придало международному праву неведомое ранее нормативное измерение. Идея правосудия была установлена в Договоре Джея 1794 г.; идея международной организации – в Трактате об учреждении Священного союза 1815 г. и Уставе Лиги наций 1919 г.; идея свободной торговли – в Договоре Кобдена-Шевалье 1860 г.; идея гуманизации войны – в Гаагских конвенциях 1899–1907 гг. Харизматическая легитимация мифов, таким образом, была дополнена рациональной легитимацией, предполагающей признание со стороны государств и народов. Правовая доктрина отреагировала на это с некоторым опозданием и вплоть до середины XIX в. ограничивалась описанием актуального порядка; после этого на смену юристам-догматикам (профессионалам) пришли юристы-реформаторы, которые занялись не только разработкой политических проектов, но и их реализацией – в качестве консультантов правительств, международных служащих и судей¹.

В отличие от волевых мифов либеральные мифы редуцируют не свойства субъекта, а свойства порядка, т. е. важные закономерности общественных отношений. Применительно к конкретным мифам механизм искажения действует следующим образом.

Мирное разрешение международных споров на первый взгляд построено по внутригосударственной модели и должно обеспечивать такой же результат: предотвращение нарушений, исключение частной войны и восстановление справедливости. Процедуры разрешения международных споров, однако, задействуются только с согласия обеих сторон спора; если оно не достигнуто, потерпевший вправе лишь применить контрмеры, т. е. воздействовать на нарушителя своими силами. В связи с этим нарушитель почти всегда может заблокировать мирные процедуры, предложить одностороннюю квалификацию и остаться безнаказанным, лишив тем самым потерпевшего не только возмещения, но и самой возможности быть услышанным. Помимо этого, существуют частные дефекты: зависимость судейского корпуса, отсутствие инстанционности и др.

Миф о международных конгрессах и организациях выражает идею суверена, опирающегося на демократические процедуры и защищающего порядок. Образ заботливого суверена всегда идеален, его расхождение с действительностью в международном порядке, однако, еще заметнее, чем во внутреннем порядке. Международные процедуры не соответствуют стандартам демократии: право вето и взвешенное голосование отражают идею олигархического правления и лишают большинство государств возможности повлиять на решение. Некоторые решения, будучи принятыми, так и остаются мертвой буквой по причине их саботирования крупными странами и отсутствия принудительных механизмов. В результате международные организации выступают проводниками интересов сверхдержав, крупных корпораций и формирующегося на их основе нового класса международных бюрократов², а присутствие в них

¹ М. Коскенниemi пишет, что современное международное право не началось в Вестфалии: профессиональный подход Гроция и Ваттеля отличается от реформистского подхода, возникшего в конце XIX в. как часть европейского либерализма. Реформистский подход перестал вызывать энтузиазм в районе 1960 г. и был заменен деполитизированным прагматизмом (Г. Лаутерпахт) и подходом, отражавшим имперские интересы (Г. Моргентгау) (*Koskenniemi K. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001*).

² Ф. Аллот пишет: «Международная политика XXI века увидела восхождение международного правящего класса, беспрецедентного с точки зрения размера, власти и высокомерия... Новая международная *Hofmafia* включает *noblesse de cour*, состоящую из национальных политиков и старших национальных и международных чиновников, которые совещаются по поводу глобального публичного интереса в своих Олимпийских конклавах. Она включает *noblesse de robe* – всех публичных служащих (и профессионально практикующих международных юристов), посвятивших себя благополучию народа мира, несмотря на

всех остальных стран призвано лишь создавать иллюзию плюрализма и придавать легитимность принимаемым решениям.

Режим свободной торговли в теории уменьшает издержки коммерсанта и увеличивает его прибыль, что ведет к насыщению рынка, усилению конкуренции и снижению цен; государство теряет доходы от пошлин, но компенсирует их налогом с оборота; экономический рост способствует внутренней и международной стабильности¹. Некоторые факторы, однако, корректируют эту модель. В силу фактора *монополий* коммерсант поддерживает цены на прежнем уровне и выводит получаемую сверхприбыль из страны. В силу *разности потенциалов* коммерсант, вошедший на чужой рынок, вытесняет конкурентов и уничтожает национальную промышленность. В силу *глобальной экономики* от снижения пошлин выигрывают только экспортно-ориентированные отрасли; остальные, наоборот, терпят убытки; результатом является прогрессирующая однопрофильность. Кроме того, повышая средний уровень потребления, свободная торговля необязательно решает проблемы технологической отсталости, бедности, зависимости и коррупции; некоторые из них она усугубляет².

Миф о *гуманном ведении войны* требует соблюдения принципов избирательности и необходимости, объясняя их заботой о человеческой жизни и межгосударственным характером конфликта. Этот благой посыл, рассчитанный на применение в условиях равного поединка двух законных врагов (*justus hostis*), был извращен в результате распространения модели дискриминационной войны, предполагающей квалификацию противника как врага человеческого рода (*hostis humani generis*), крайнюю жестокость по отношению к нему во время сражения и расправу над ним в случае победы³. Требование гуманности, таким образом, стало *односторонним*, т. е. адресованным только проигравшему или заведомо более слабому противнику; юридическая оценка действий победителя при этом полностью исключается. Этот переход от феодальной модели войны как дуэли стал прямым следствием либерализма, допускающего манипулирование *общечеловеческими* ценностями⁴. Первая мировая война стала первым опытом применения новой модели; последующие войны утвердили ее окончательно.

Еще одна трансформация состоялась в конце XX в., когда западные страны достигли подавляющего превосходства в военной технике, позволяющего уничтожать живую силу и ресурсы противника быстро, эффективно и без физического присутствия в районе боевых действий (*«no boots on the ground»*). В результате возникшей асим-

то что народ мира мало знает и ценит их работу. Он также включает тех, кого можно назвать *noblesse de plume*, – историков дипломатии, академических международных юристов, различных международных комментаторов и аналитиков, а также специалистов в так называемых „международных отношениях“. Они оказывают интеллектуальную поддержку и психологическую помощь тем, кто несет груз международного правления» (*Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004. P. 396–397*).

¹ Лидер английских фритрейдеров Р. Кобден (1804–1865) заявлял: «В принципе свободы торговли я вижу силу, которая в нравственном мире будет действовать так же, как закон всемирного тяготения во Вселенной, – сближая людей, устраняя вражду, вызываемую различием рас, религий и языков, соединяя нас узами вечного мира» (Цит. по: *Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2006. С. 108*).

² Отсутствие корреляции между расширением потребления и проблемой бедности было доказано Р. Пребишем, по мнению которого, рациональное накопление капитала могло бы повысить эффективность производства при одновременном втягивании в него огромных масс населения, но имитация стандартов потребления развитых стран препятствует такому накоплению: «Общество потребления несовместимо с целями искоренения общества недопотребления» (*Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52; Его же. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М., 1992*).

³ К. Шмитт пишет: «Такие войны – это войны, по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умалять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое должно быть не только отогнано, но окончательно уничтожено...» (*Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. С. 140*).

⁴ Э. Юнгер пишет: «В наше время ни одна держава не осмеливается открыто заявить о нападении на другую державу, а наоборот, говорит об оборонительной войне, целью которой провозглашается не победа, а мир, прогресс, цивилизация или любая другая гуманитарная ценность... Получается так, что противник выступает не как враг в естественном или рыцарском смысле, а именно как противник всех вышеупомянутых ценностей, то есть как противник человечества как такового. Отсюда вытекает подлая и (в ином, не гуманитарном смысле) бесчеловечная ложь» (*Юнгер Э. Введение к фотоальбому «Здесь говорит враг» (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008. С. 249*).

метрии война перестала быть противостоянием не только юридически, но и фактически, став актом правосудия в отношении беспомощного врага (чем-то вроде дезинфекции). В этих условиях все доступные слабому способы борьбы предполагают сознательное и системное нарушение международного права¹, а последнее, требуя от жертвы уважения по отношению к палачу, утрачивает какую-либо связь со справедливостью. В итоге основная функция данного мифа сегодня состоит в дополнительной дискредитации врага, позволяющей организовать тотальную борьбу с ним, исключить встречные обвинения и легитимировать политическую власть в государствах, осуществляющих вмешательство.

Миф о самоопределении требует, чтобы правительство учитывало волю народа, и наделяет нацию правом на сецессию. После Первой мировой войны он был использован для расчленения проигравших империй и установления нового баланса сил в Европе²; в дальнейшем – для проведения деколонизации и закрепления результатов распада СФРЮ и СССР. С самого начала его действие было ограниченным. *Во-первых*, он не предоставляет внутренних гарантий (права на язык и др.), предлагая принять презумпцию внутреннего самоопределения (соответствия текущего статуса нации ее потребностям). *Во-вторых*, право на сецессию действует лишь в случае непредставления нации правительством³; в силу неопределенности этого критерия его применение зависит от позиции большинства государств, а не от желания самой нации⁴. *В-третьих*, самоопределение может быть реализовано только в форме создания буржуазного демократического государства⁵. *В-четвертых*, часть доктрины ограничивает его действие сферой внутреннего порядка⁶ или сферой индивидуальных прав⁷.

Деструктивное воздействие либеральных мифов проявляется в следующем.

Во-первых, внутренняя аналогия учитывает лишь внешнее сходство международных и внутренних институтов и игнорирует глубокие различия между ними; создаваемое

¹ По словам М. Шмитта, «противник может быть настолько неспособен военным способом противостоять своему врагу, что нападения на защищаемых лиц и объекты становятся доктриной» (*Schmitt M. N. Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // International Humanitarian Law Facing New Challenges / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007. P. 39*).

² Пункт 5 Программы В. Вильсона устанавливал, что «при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены» (Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. // Системная история международных отношений. 1918–2000: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 2: Документы 1910–1940-х гг. М., 2000. С. 27–28).

³ Декларация о принципах международного права 1970 г. содержит так называемую защитную оговорку: «Данный принцип [самоопределения] не должен истолковываться как санкционирующий или поощряющий любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

⁴ По мнению Дж. Крофорда, принцип самоопределения используется как право после того, как субъект самоопределения был установлен путем применения соответствующих норм; признание наций, борющихся за самоопределение, как субъектов международного права в связи с этим носит конститутивный характер (*Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976. Vol. 48. № 1. P. 108–109 and 160–161*).

⁵ Б. Чимни пишет: «Образование буржуазного демократического государства при неподходящих социальных условиях трансформирует соответствующее общество в зависимую и подчиненную социальную формацию, главной функцией которой является облегчение присутствия и функционирования транснационального капитала» (*Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008. P. 59*).

⁶ В решении от 20 августа 1998 г. по делу об отделении Квебека Верховный суд Канады указал, что принцип самоопределения создает права только «в рамках существующих суверенных государств и при условии сохранения территориальной целостности данных государств». См. также: *Klabbers J. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 1. P. 186–206*.

⁷ В контексте прав человека самоопределение понимается как относящееся к отдельной личности, как «определение принадлежности к тому этническому, религиозному или языковому сообществу, к которому он или она желает принадлежать» (*Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994. P. 474–475*). См. также: *McCorquodale R. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43. P. 857–885*.

мый ею дискурс крайне схоластичен и закрыт (отсюда – критика международного права как неправа).

Во-вторых, либеральные мифы порождают режимы, которые выглядят целостными только при условии принятия ряда презумпций и исключения критики извне. Некоторые из них автономны (*self-contained*), т. е. выстроены на основе собственных принципов, расходящихся с принципами общего права (право ВТО и др.). К этому добавляются дискурсивные противоречия, например между обязанностью мирного разрешения споров и принципом свободы выбора средств.

В-третьих, либеральные мифы не в состоянии обеспечивать порядок, поскольку не решают ряда политических и экономических проблем, а некоторые из них, например проблемы экономического неравенства или политической зависимости, наоборот, усугубляют.

В-четвертых, они используются как инструмент неокOLONиализма: давая ложное обещание защиты общего интереса, они включают страны и народы в глобальную капиталистическую иерархию; предоставляя формальный статус полноправных субъектов международного права, они запрещают использовать альтернативные средства сопротивления; не предоставляя эффективных гарантий против злоупотреблений, они санкционируют принуждение со стороны тех, кто находится на вершине иерархии¹.

В-пятых, они исключают возможность объединения человеческого сообщества на основе иной, более устойчивой и гармоничной, парадигмы, основанной не на признании господства правящих элит и принятии противоречивых и оторванных от жизни концепций, а на уважении к каждой отдельной культуре, подлинном сотрудничестве и преодолении онтологических вызовов².

В-шестых, либеральные мифы создают противовес волевым мифам и совместно с последними формируют устойчивую и способную к саморазвитию мифологическую структуру.

(Продолжение статьи будет опубликовано в 4-м номере журнала за 2019 год)

Список литературы

Августин Аврелий. О граде Божием. Минск; М., 2000.

Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли / под ред. С. С. Неретиной. СПб., 2001.

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997.

Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007.

Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

Аристотель. Политика. М., 2012.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6–7.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2017.

Геродот. История. Л., 1972.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.

Гомер. Илиада. М., 2000.

¹ По словам К. Маркса, «при столкновении двух равных прав решает сила» (Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 246). Эта мысль была развита Ч. Мьевиллем, по мнению которого, принуждение является необходимым в международных отношениях, где нет верховной власти, соответствующей буржуазному государству в рамках внутреннего порядка и где аппарат насилия управляется самими государствами-нациями. В этом смысле международное право является правом в наиболее чистой форме, глубоко укорененным в империализме и войне (Miéville Ch. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005).

² Ф. Аллот, например, предлагает девять принципов нового порядка: 1) международное сообщество является сообществом человеческой расы; 2) его членами являются как отдельные люди, так и их сообщества; 3) оно имеет конституцию, учреждающую и распределяющую социальную власть; 4) его органами являются государственные сообщества и международные организации; 5) его правом является международное право; 6) его конституция является динамичной; 7) государственные и иные сообщества несут ответственность за злоупотребление делегированной властью; 8) международное право является динамичным; 9) международное сообщество и международное право стремятся обеспечить выживание и процветание человечества. Для того чтобы прийти к этому мироустройству, необходимо совершить революцию «не на улицах, а в головах» (Allott Ph. Op. cit. P. 420–421).

- Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2.
- Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2006.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 3.
- Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23.
- Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 1.
- Платон. Законы, или О законодательстве // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013.
- Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6.
- Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М., 1992.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
- Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2.
- Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2.
- Фердросс А. Международное право. М., 1959.
- Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.
- Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. // Системная история международных отношений. 1918–2000: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 2: Документы 1910–1940-х гг. М., 2000.
- Шекспир У. Тимон Афинский // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1960. Т. 7.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
- Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
- Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия. СПб., 2009.
- Юнгер Э. Введение к фотоальбому «Здесь говорит враг» (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008.
- Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004.
- Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008.
- Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. 1976. Vol. 48. № 1.
- Klabbers J. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // Human Rights Quarterly. 2006. Vol. 28. № 1.
- Koskenniemi K. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001.
- McCorquodale R. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43.
- Miéville Ch. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005.
- Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994.
- Peters A. Humanity as the α and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. 2009. № 3.
- Scelle G. Manuel de droit international public. P., 1948.
- Schmitt M. N. Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // International Humanitarian Law Facing New Challenges / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007.

References

- Adorno T., Khorkkhaimer M. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M., SPb., 1997.
- Allot Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge, 2004.
- Anderson P. Perekhody ot antichnosti k feodalizmu. M., 2007.
- Anners E. Istoriya evropeiskogo prava. M., 1994.

- Aristotel'. Politika*. M., 2012.
- Avgustin Avrelii*. O grade Bozhiem. Minsk; M., 2000.
- Avgustin Avrelii*. O svobode voli // *Antologiya srednevekovoi mysli* / pod red. S. S. Neretinoi. SPb., 2001.
- Batkin L. M.* Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
- Berk E.* Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1991. № 6–7.
- Carty A.* *Philosophy of International Law*. Edinburgh, 2007.
- Chetyrnadsat' punktov prezidenta SShA V. Vil'sona ob usloviyakh mira iz ego poslaniya Kongressu ot 8 yanvarya 1918 g. // *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. 1918–2000: v 4 t.* / pod red. A. D. Bogaturova. T. 2: Dokumenty 1910–1940-kh gg. M., 2000.
- Chimni B. S.* An outline of a Marxist course on public international law // *International law on the left: re-examining Marxist legacies* / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008.
- Crawford J.* The Criteria for Statehood in International Law // *British Yearbook of International Law*. 1976. Vol. 48. № 1.
- Ferdross A.* *Mezhdunarodnoe pravo*. M., 1959.
- Gerodot*. *Istoriya*. L., 1972.
- Gobbs T.* *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* // *Gobbs T. Sochineniya: v 2 t.* M., 1991. T. 2. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.
- Gomer*. *Iliada*. M., 2000.
- Klabbers J.* The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law // *Human Rights Quarterly*. 2006. Vol. 28. № 1.
- Konstan B.* O svobode u drevnikh v ee sravnenii so svobodoi u sovremennykh lyudei // *Polis*. 1993. № 2.
- Koskenniemi K.* The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge, 2001.
- Lindsi B.* Globalizatsiya: povtorenie proidennogo. Neopredelennoe budushchee global'nogo kapitalizma. M., 2006.
- Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii // *Lokk Dzh. Sochineniya: v 3 t.* M., 1988. T. 3.
- Marks K.* Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. // *Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedenii*. M., 1956.
- Marks K.* K evreiskomu voprosu // *Marks K., Engel's F. Sochineniya*. M., 1955. T. 1.
- Marks K.* Kapital. T. 1 // *Marks K., Engel's F. Sochineniya*. M., 1960. T. 23.
- McCorquodale R.* Self-Determination: A Human Rights Approach // *International and Comparative Law Quarterly*. 1994. Vol. 43.
- Medvedev I. P.* Nekotorye pravovye aspekty vizantiiskoi gosudarstvennosti // *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.)*. L., 1990.
- Miéville Ch.* Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Leiden, 2005.
- Opinion No. 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia – Paris, 11 January 1992 // *Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolution* / ed. by S. Trifunovska. Dordrecht; Boston; L., 1994.
- Peters A.* Humanity as the α and Ω of Sovereignty // *European Journal of International Law*. 2009. № 3.
- Piko della Mirandola Dzh.* Rech' o dostoinstve cheloveka // *Estetika Renessansa: v 2 t.* / sost. V. P. Shestakov. M., 1981. T. 1.
- Platon*. Zakony, ili O zakonodatel'stve // *Platon. Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome*. M., 2013.
- Prebish R.* Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya // *Latinskaya Amerika*. 1977. № 6.
- Prebish R.* Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa. M., 1992.
- Scelle G.* Manuel de droit international public. P., 1948.
- Schmitt M. N.* Asymmetrical Warfare and International Humanitarian Law // *International Humanitarian Law Facing New Challenges* / ed. by W. H. von Heinegg, V. Epping. Berlin; Heidelberg; N. Y., 2007.
- Shekspir U.* Timon Afinskii // *Shekspir U. Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t.* M., 1960. T. 7.
- Shmitt K.* Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum. SPb., 2008.
- Shmitt K.* Teoriya partizana. M., 2007.
- Shyurbaum V.* Tsitseron: De re publica // *Res publica: istoriya ponyatiya*. SPb., 2009.
- Smit A.* Teoriya npravstvennykh chuvstv. M., 1997.
- Tolstykh V. L.* Mezhdunarodnoe pravo kak mifologiya // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2019. № 2.
- Tolstykh V. L.* Renessansnoe ponimanie dostoinstva i ego vliyanie na sovremennuyu kontseptsiyu prav cheloveka // *Pravovedenie*. 2016. № 2.
- Tsitseron*. O gosudarstve // *Tsitseron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh*. M., 1966.
- Veber M.* Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M., 2017.
- Yunger E.* Vvedenie k fotoal'bomu «Zdes' govorit vrag» (1931) // *Yunger E. Politicheskie stat'i 1923–1933*. M., 2008.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Александрова Людмила Анатольевна

Доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: ml1970@yandex.ru

Никифорова Елена Юрьевна

Доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: advokatunix@yandex.ru

Не все лица, участвующие в производстве по уголовному делу, имеют процессуальный статус и единое терминологическое обозначение. Тем не менее законодатель признает интересы лиц, чьи права затрагиваются принимаемыми процессуальными решениями или действиями. В статье обозначена проблема отсутствия механизма правовой защиты таких лиц, а также проведена аналогия с положением третьих лиц в гражданском судопроизводстве, поскольку интересы, о которых идет речь, формируются в сфере отношений собственности. В связи с этим авторы затрагивают вопрос о преюдициальной силе приговоров, на основании которых принимается решение в порядке гражданского судопроизводства при рассмотрении исков о возмещении вреда, причиненного преступлением. Спрогнозированы процессуальные последствия ничтожности таких решений при дальнейшем рассмотрении иска в порядке гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: интересы собственников при производстве по уголовному делу, процессуальный статус, гражданский иск, преюдициальность приговоров

ON SOME PROBLEMS OF PROTECTING INTERESTS OF THIRD PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Aleksandrova Lyudmila

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: ml1970@yandex.ru

Nikiforova Elena

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: advokatunix@yandex.ru

Not all persons involved in criminal proceedings have a procedural status or a common terminological designation. Nevertheless, the legislator recognizes the interests of persons whose rights are affected by procedural decisions or actions. The article identifies the problem of the lack of a legal protection mechanism for such persons, and also draws the analogy to the position of third parties in civil proceedings, since the interests concerned are formed in the sphere of property relations. In this regard, the authors raise the issue of prejudicial force of sentences on the basis of which the decision is made in civil proceedings when considering the civil claims for damages caused by a crime. The authors forecast the procedural consequences of the nullity of such decisions in the further consideration of the civil claim.

Key words: owners' interests in criminal proceedings, procedural status, civil claim, prejudice sentences

Уголовно-процессуальное законодательство не знает термина «третьи лица». Тем не менее некоторые нормы закрепляют гарантии прав тех, кто не связан непосредственно с преступлением, но чьи законные интересы были затронуты действиями или решениями, принятыми в рамках производства по уголовному делу. Так, согласно ст. 389.1, 401.2 и 412.1 УПК РФ право обжалования судебного решения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке имеют, помимо участников уголовного судопроизводства, и иные лица в той части, в которой оказались затронутыми их права и законные интересы. В ст. 115–116 УПК РФ говорится о лицах, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или несущих материальную ответственность за их действия. Чаще всего эти интересы формируются в сфере имущественных прав, поэтому целесообразно обратиться к понятию третьих лиц, предусмотренному в гражданском законодательстве.

Исходя из смысла ст. 42 и 43 ГПК РФ третьи лица – субъекты гражданских процессуальных правоотношений, вступающие в производство по гражданскому делу для защиты своих прав и интересов, которые могут не совпадать с интересами истца или ответчика. Как и в гражданском процессе, в уголовном третье лицо вовлекается в процесс волей иных лиц и чаще всего поднимается вопрос о праве собственности на арестованное имущество, о возможности им распоряжаться. Так или иначе, участие в уголовном процессе не связанных напрямую с совершенным преступлением лиц, чьи интересы затрагиваются при производстве по уголовному делу, следует обозначить как участие третьих лиц.

Обойти вниманием этот термин не получится и в связи с развитием и расширением в уголовном судопроизводстве института гражданского иска. Законодатель (ст. 44 УПК РФ) и Пленум Верховного Суда РФ¹ прямо указывают, что гражданским истцом признается лицо, которому ущерб был причинен непосредственно преступлением, однако практика показывает, насколько неоднозначной может быть сложившаяся ситуация.

Приговором Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 10 июня 2015 г. Т. и М. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Из текста данного судебного решения следовало, что гражданский иск в связи с совершением преступления заявлен не был. Однако существовало еще одно уголовное дело в отношении других соучастников мошенничества, приостановленное производством. В связи с этим судья оставил без изменения принятые ранее меры обеспечения возможного гражданского иска, не определив судьбу вещественных доказательств². В этой части приговор был обжалован собственниками арестованного имущества – по существу, третьими лицами, чьи интересы были затронуты при разрешении уголовного дела.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает перечень вопросов, которые должны быть разрешены при постановлении приговора, и в этот перечень входят вопросы о гражданском иске и вещественных доказательствах. В связи с этим можно было бы считать приведенное выше решение суда ошибкой правоприменителя, однако если обратиться к уголовным делам, материалы которых были выделены из основного производства в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, то приговоры по итогам их рассмотрения в порядке сокращенного судопроизводства преюдициальной силой не обладают. Это может повлечь пересмотр основного факта – виновного причинения вреда – в порядке гражданского судопроизводства.

Глава 40 УПК РФ, регламентирующая особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, исключает исследование и оценку доказательств судьей в судебном заседании, однако ничего не говорит о разрешении вопроса гражданского иска. В п. 12 постановления от 5 июня 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «Если по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, предъявлен гражданский иск, то при наличии соответствующих оснований он может быть оставлен без удовлетворения, производ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

² Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга.

ство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменения фактических обстоятельств дела».

В теории права фактическими обстоятельствами дела считаются явления действительности, образующие фактическую основу применения права¹. Совершенное преступление, расследование которого отражено в материалах уголовного дела, не может измениться при любом результате рассмотрения гражданского иска о возмещении причиненного им вреда в порядке гражданского судопроизводства. В то же время принятое решение может повлиять на оценку произошедшего события. Если приговор, постановленный в результате рассмотрения уголовного дела в сокращенном судебном разбирательстве, не обладает преюдициальной силой (ст. 90 УПК РФ), то это равносильно утверждению о неустановленном факте: обстоятельства, установленные таким приговором, не могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом в судебном разбирательстве в порядке гражданского судопроизводства могут быть установлены новые обстоятельства, а принятое решение, согласно ст. 90 УПК РФ, уже будет обладать преюдициальной силой. Судебная практика знает случаи несовпадения оценки обстоятельств при рассмотрении материалов об одном и том же факте в порядке уголовного и гражданского судопроизводства.

Приговором Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 28 июня 2012 г. Х. признан виновным в совершении мошенничества группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере и осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ. В основу обвинения был положен вывод о якобы совершенном злоупотреблении доверием совета директоров ОАО и продаже имущества предприятия по заниженной цене. Х., являясь генеральным директором ОАО, по предварительному сговору с соучастниками под видом гражданско-правовых сделок купли-продажи похитил право на имущество предприятия – офисные нежилые помещения. Мошенническими были признаны сделки купли-продажи недвижимости, отраженные в соответствующих договорах².

Между тем выводы о законности сделок были ранее сформулированы в многочисленных решениях арбитражных судов, куда ранее обращались представители ОАО после смены совета директоров предприятия и изменения его финансовой политики. Более того, имеется решение Арбитражного суда Свердловской области от 10 июня 2003 г. о государственной регистрации перехода права и права собственности покупателя на спорные нежилые помещения, принятое по делу № А60-8638/2003-С1 по иску к ОАО и Учреждению юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории Свердловской области. Этим решением суд обязал предприятие-продавца зарегистрировать переход права собственности на недвижимое имущество к покупателю. Последующими постановлениями арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций решение суда первой инстанции было оставлено без изменения. На основании этих решений переход права собственности на нежилые помещения, согласно заключенным договорам, был зарегистрирован Учреждением юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории Свердловской области.

Напрашивается вывод, что рассмотрение вопроса гражданского иска до разрешения основного уголовного дела приведет к вторжению гражданского права в сферу уголовного судопроизводства, что может повлечь путаницу в предмете и переоценку одних и тех же фактических обстоятельств в порядке иного судопроизводства. Однако Конституционный Суд РФ предложил свою формулу определения пределов доказывания в подобных случаях: выводы суда, отраженные в его решении, не имеют силы только в случаях, если судебные акты отменяются в процедурах арбитражного судопроизводства либо лицо обвиняется в преступлении против правосудия (включая фальсификацию доказательств при рассмотрении арбитражного дела)³.

¹ Мелехин А. В. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 36.

² Архив Кировского районного суда.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко.

Основное уголовное дело может быть приостановлено, а вопросы имущественного характера нужно решать в силу необходимости защиты права собственности лиц, пострадавших от преступления, либо совершенно не причастных к нему. Представляется, что невозможно полностью исключить параллельное рассмотрение этих вопросов в порядке гражданского судопроизводства. Можно было бы редактировать ст. 90 УПК РФ, раскрыв свойства приговора, постановленного в сокращенном судебном разбирательстве, тем более что в порядке гл. 40 УПК РФ рассматриваются не только уголовные дела, материалы которых выделены из основного производства. Такой приговор можно признать не имеющим преюдициальной силы только по отношению к основному уголовному делу, из которого выделены рассматриваемые материалы. Во всех остальных случаях, в том числе при рассмотрении иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства, принятое решение должно быть преюдициальным.

Немаловажен вопрос и о характере преюдициальной связи: приговор по уголовному делу не всегда может предопределять решение по гражданскому иску, рассматриваемому в порядке гражданского судопроизводства. Известно, что все подходы к возмещению вреда, предусмотренные гражданским законодательством, не могут учитываться уголовно-процессуальным правом, особенно если речь идет о таких участниках правоотношения, как юридические лица. Например, согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Подобные нормы, в смысл которых судья, ведущий уголовное судопроизводство, не должен углубляться, создают возможность оставления иска, рассматриваемого в гражданском судопроизводстве после вынесения приговора, без удовлетворения. В одном из таких решений Арбитражного суда Свердловской области сказано, что истец в нарушение ст. 65 АПК РФ не представил доказательств того, что именно действия АО «АМЗ „В-М“» причинили ему имущественный вред, а также доказательств наличия у ответчика неосновательного обогащения¹.

Такие решения встречаются, поскольку обвиняемым (подсудимым) может быть только физическое лицо; юридическое лицо в производстве по уголовному делу может участвовать как гражданский ответчик. При производстве по уголовному делу доказываемая вина физического лица. По гражданскому иску, вытекающему из него, в гражданском судопроизводстве требования могут предъявляться юридическому лицу. В данном случае преюдициальная связь опосредованна.

Е. В. Меженина описывает ситуацию, когда, согласно приговору, лицо «имеет право на удовлетворение иска», а при разбирательстве по иску в порядке гражданского судопроизводства выясняется, что истец не имеет право на имущество, которое мошенническим путем было присвоено осужденным. Нельзя не согласиться с выводом автора: как решение, вынесенное в порядке гражданского (арбитражного) судопроизводства, не предрешает вопроса о виновности обвиняемого, так и приговор не должен предопределять итог разбирательства по гражданскому делу².

Конечно, гипотетически сохраняется возможность оправдания подсудимых по основному делу, что может повлечь пересмотр приговора, постановленного в порядке ст. 317.7 и 316 УПК РФ. При этом ГПК РФ предусмотрен порядок пересмотра решений по новым обстоятельствам (ч. 4 ст. 392). Представляется, что совершенно избежать этого не получится, иначе разрешение гражданского иска может затянуться на неопределенное время в зависимости от того, на какой срок будет приостановлено производство по основному уголовному делу.

Таким образом, нельзя не признать существование в правовом поле уголовного процесса участников, по всем признакам относящихся к категории третьих лиц, не причастных к преступлению, чьи права (как правило, имущественные) затрагиваются при принятии процессуальных решений. Назрела необходимость законодательно учесть возможность защиты их интересов в гражданском судопроизводстве при при-

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 26 июня 2017 г. по делу № А60-4770/2016.

² Меженина Е. В. Уголовно-процессуальная политика применения межотраслевой преюдиции в Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 3. С. 155–161.

остановлении производства по уголовному делу и наличии неразрешенных вопросов имущественного характера. Также для беспрепятственного разрешения этих вопросов можно было бы признать приговоры, постановленные в порядке ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, имеющими преюдициальную силу в случаях рассмотрения иска в порядке гражданского судопроизводства.

Список литературы

Меженина Е. В. Уголовно-процессуальная политика применения межотраслевой преюдиции в Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 3.

Мелехин А. В. Теория государства и права: учеб. М., 2007.

References

Melekhin A. V. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. M., 2007.

Mezhenina E. V. Uголовno-protsessual'naya politika primeneniya mezhotraslevoi preyarditsii v Rossiiskoi Federatsii // Sibirskie uголовno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. Vyp. 3.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ И ПОИСКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Драпкин Леонид Яковлевич

Профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, e-mail: ruzh@usla.ru

Грицаенко Петр Петрович

Старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), судебно-медицинский эксперт высшей категории, e-mail: breze41@yandex.ru

Шуклин Александр Евгеньевич

Старший эксперт отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета России по Свердловской области (Екатеринбург), кандидат юридических наук, e-mail: alexshuklin@mail.ru

В статье рассматриваются криминалистические аспекты использования результатов судебно-медицинской молекулярно-генетической экспертизы, ее преимущества перед традиционной судебно-медицинской экспертизой объектов биологического происхождения, а также ее доказательственное значение. Авторы рассматривают производство экспертных исследований данного вида как один из этапов тактической операции, направленной на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, раскрытие преступлений, доказательство, следы биологического происхождения, идентификация, достоверность

EVIDENTIARY AND SEARCH CAPABILITIES OF A FORENSIC MEDICAL MOLECULAR GENETIC EXAMINATION

Drapkin Leonid

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, e-mail: ruzh@usla.ru

Gritsaenko Petr

Senior lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg), forensic expert of the highest category, e-mail: breze41@yandex.ru

Shuklin Aleksandr

Senior expert, Investigative Department of the Sverdlovsk Region Investigative Committee of the RF (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, e-mail: alexshuklin@mail.ru

The article discusses the forensic aspects of using the results of a forensic molecular genetic examination, its advantages over a traditional forensic medical examination of objects of biological origin, as well as its evidential value. The authors consider the molecular genetic examination as one of the stages of a tactical operation aimed at establishing the circumstances to be proved in a criminal case.

Key words: molecular genetic examination, crime detection, evidence, traces of biological origin, identification, reliability

Молекулярно-генетическая экспертиза вещественных доказательств является исключительно эффективным видом экспертных исследований, который позволяет успешно раскрывать не только текущие преступления, но и те криминальные деяния, расследование которых было приостановлено ранее, до внедрения данного метода в криминалистику и судебную экспертизу.

Объектами молекулярно-генетической экспертизы могут быть любые биологические следы человека, содержащие ДНК, а в целях производства сравнительных исследований, как правило, используют образцы крови или же буккального (щечного) эпителия.

Производство молекулярно-генетической экспертизы разрешает следующие вопросы следователя:

1. Имеются ли кровь, слюна, сперма, мышцы, кости, другие ткани в исследуемом объекте?
2. Принадлежат ли кровь, кости, мышцы, другие ткани либо выделения человеку или животному?
3. Могли ли следы крови, выделений (спермы, слюны, пота), а также кости, другие ткани и органы человека, волосы произойти от конкретного лица?
4. Принадлежат ли кровь, выделения, кости, прочие ткани человека мужчине или женщине?
5. Являются ли части трупа останками одного и того же человека?
6. Могла ли наступить беременность у конкретной женщины от определенного мужчины?¹

Разумеется, эти же вопросы могут быть разрешены в процессе производства традиционной судебно-медицинской экспертизы объектов биологического происхождения, однако рассматриваемые разновидности экспертных исследований технологически значительно отличаются. Традиционная судебно-медицинская биологическая экспертиза исследует различные вещества: белки, гликопротеины, гликолипиды, синтез которых детерминирован генами, т. е. проводится опосредованный анализ генетической информации, тогда как при молекулярно-генетическом анализе исследуют непосредственный носитель наследственных признаков – ДНК. При этом информативность анализа существенно повышается. Кроме того, для получения достоверных ответов молекулярно-генетическая экспертиза требует значительно меньшего количества исходного материала.

Таким образом, молекулярно-генетическая экспертиза превосходит традиционную биологическую экспертизу в вопросах идентификации. В данном случае можно говорить не просто об установлении групповой принадлежности объекта, а о его идентификации по конкретным, частным признакам.

При производстве молекулярно-генетической экспертизы должны быть соблюдены два принципиальных условия: высокая индивидуальность ДНК, приближающаяся к 100 %, и достаточное число локусов² и аллелей³, содержащихся в молекулярно-генетическом материале, для проведения молекулярно-генетического тестирования. При соблюдении названных условий следователь получит достоверный ответ на вопросы, поставленные перед экспертом.

Чаще всего молекулярно-генетическая экспертиза проводится в рамках уголовных дел об убийствах и изнасилованиях и позволяет с высокой степенью вероятности доказать наиболее латентное обстоятельство, которым, как правило, является виновность конкретного лица в совершении определенного криминального деяния.

Чтобы прояснить данные теоретические положения, приведем в пример уголовное дело об изнасиловании и убийстве несовершеннолетней М., совершенных Ч.⁴

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 526.

² Локус – месторасположение гена на соответствующей генетической структуре клетки. Размер локусов определяется количеством генетического материала, содержащегося в том или ином гене (Гиляров М. С. Биологический энциклопедический словарь. М., 1986. С. 329).

³ Аллели – различные формы состояния гена, определяющие общность развития того или иного признака (Там же. С. 18).

⁴ Уголовное дело № 2-3/2019 (1-44/2018) // Архив Свердловского областного суда за 2019 г.

С первых дней расследования до момента предъявления обвинения (следствие длилось более 5 лет) по данному делу было проведено порядка 3 тыс. различных молекулярно-генетических исследований. Именно результаты комплекса этих исследований стали одним из неопровержимых доказательств виновности Ч.

Производство молекулярно-генетической экспертизы, а также использование ее результатов в ходе расследования осуществляется в два этапа.

Первый (экспертный) этап заключается в назначении и производстве молекулярно-генетической экспертизы. Так, в число лиц, которые могли совершить изнасилование и убийство М., входил не только Ч., но и все его родственники по патрилинейной¹ (мужской) линии наследования. Вероятность происхождения биологических следов, обнаруженных на теле и одежде потерпевшей, от Ч. или от мужчин, состоящих с ним в патрилинейном родстве, составила не менее 99,99696731 %.

Второй этап производства молекулярно-генетической экспертизы состоит в установлении всех родственников подозреваемого, находящихся с ним в патрилинейном родстве. Оно осуществляется путем производства следственных действий, вспомогательных оперативно-розыскных и поисковых мероприятий, направленных на получение и анализ различных документов и справок, других необходимых материалов. Число выявленных родственников подозреваемого может быть различным. В частности, у Ч. было выявлено 11 патрилинейных родственников, 7 из которых на момент расследуемых событий уже умерли, один родился позднее совершенного преступления, еще один проживал на территории другого государства, а оставшиеся двое не проживали на территории Свердловской области в момент совершения преступления. Следовательно, совершение изнасилования и убийства М. кем-либо из патрилинейных родственников Ч. было полностью исключено.

Двухэтапная структура молекулярно-генетической экспертизы свидетельствует о том, что перед нами – комплексное процессуальное мероприятие. Его основная цель реализуется лишь на втором этапе, тогда как на первом готовятся все условия для ее достижения. Оно имеет оригинальный характер и отличается как от традиционных следственных действий, так и от судебных экспертиз. Это тактическая операция, структурные элементы которой последовательно усиливают доказательственные и тактические возможности основного следственного действия.

Представляется, что в ходе развития доказательственных возможностей сложных видов экспертиз подобные многоэтапные процессуальные образования будут возникать и в других ситуациях раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

Гиляров М. С. Биологический энциклопедический словарь. М., 1986.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.

Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.

References

Gilyarov M. S. Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. M., 1986.

Its R. F. Vvedenie v etnografiyu. L., 1991.

Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse. M., 2005.

¹ Патрилинейность – в этнографии: унилинейное правило счета родства, учитывающее из поколения в поколение связи детей только с отцом. Связь предка и потомка «линии» поддерживают только мужчины (Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 74).

О КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ*

Незнамов Александр Владимирович

Старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук,
e-mail: kafedra.gp@gmail.com

Сегодня цифровые технологии являются не будущим, а настоящим гражданского судопроизводства, что обуславливает актуальность исследований в данном направлении. В то же время некоторые из фундаментальных проблем остались вне пределов внимания научной общественности. Одной из них является проблема классификации цифровых технологий в гражданском судопроизводстве. На основе инструментального и генетического подходов к пониманию цифровых технологий делается вывод о том, что наиболее существенным их признаком выступает способность опосредовать взаимодействие участников судопроизводства с информацией, а дифференцирующим признаком служит та функция, которую выполняет технология в процессе взаимодействия с информацией. Исходя из этого среди цифровых технологий, используемых в гражданском процессе, предлагается выделять: а) технологии фиксации, хранения и отображения (воспроизведения) информации; б) технологии передачи информации; в) технологии обработки информации. Каждой из этих групп дается краткая характеристика. Представленная классификация может служить основой для более систематизированного обсуждения влияния цифровых технологий на суть гражданского судопроизводства. В частности, указывается, что вопросы фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации являются для гражданского процесса традиционно более «технологическими», в то время как вопросы обработки информации – более концептуальными.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, цифровые технологии, классификация цифровых технологий, информация, правоприменительная деятельность

ON THE CLASSIFICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CIVIL PROCESS

Neznamov Alexandr

Senior lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: kafedra.gp@gmail.com

Digital technologies are no longer the future but are the present of civil proceedings. That is why any research in this direction seems to be relevant. At the same time, some of the fundamental problems remain unattended by the scientific community. One of these problems is the problem of classification of digital technologies in civil proceedings. On the basis of instrumental and genetic approaches to the understanding of digital technologies, it is concluded that their most significant feature is the ability to mediate the interaction of participants in legal proceedings with information; their differentiating feature is the function performed by a particular technology in the interaction with information. On this basis, it is proposed to distinguish the following groups of digital technologies in civil proceedings: a) technologies of recording, storing and displaying (reproducing) information, b) technologies of transferring information, c) technologies of processing information. A brief description is given to each of the groups. Presented classification could serve as a basis for a more systematic discussion of the impact of digital technologies on the essence of civil proceedings. Particularly,

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта РФФИ «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия» № 18-29-16070.

it is pointed out that issues of recording, storing, reproducing and transferring information are traditionally more «technological» for civil process, while issues of information processing are more conceptual.

Key words: civil procedure, digital technologies, classification of digital technologies, information, law enforcement process

Проблемы и перспективы информатизации и цифровизации правосудия являются для доктрины гражданского процесса одной из наиболее актуальных и потому востребованных тем. Исследованию подвергаются самые разные аспекты внедрения в правосудие цифровых технологий: от использования в процессуальной деятельности отдельных технологий¹ и цифровизации отдельных процессуальных действий² до рассмотрения вопросов влияния таких технологий на суть судопроизводства³.

В то же время цифровые и информационные технологии в гражданском судопроизводстве не являются более вопросом будущего. То, что еще в конце прошлого века воспринималось как нечто экзотическое, перспективное и требующее дальнейшего изучения (использование компьютеров⁴, доказательства в электронной форме⁵), сегодня стало для гражданского процесса абсолютно обыденным.

Практическое внедрение в цивилистический процесс цифровых и информационных технологий произошло настолько стремительно и в то же время рутинно, что данный процесс оказался лишен твердого доктринального фундамента. Как следствие, некоторые из ключевых проблем остались вне внимания научной общественности. Одной из таких проблем, полагаем, является проблема классификации цифровых технологий в гражданском судопроизводстве.

Классификация является традиционным методом научного познания, ее достоинства широко известны и вряд ли требуют дополнительных пояснений. Однако, полагаем, следует обосновать саму необходимость использования метода классификации применительно к заявленной теме.

В соответствии с одним из наиболее популярных определений классификация представляет собой «распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место»⁶. В дополнение к этому указывается на то, что классификация используется «как средство для установления связей между... понятиями или классами объектов, а также для ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов»⁷ и позволяет зафиксировать «закономерные связи между классами объектов с целью определения места объекта в системе, которое указывает на его свойства»⁸.

¹ См., например: Медведев И. Г. Доказательства в информационном обществе // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 3. С. 15–19; Миронова С. Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М., 2010.

² См., например: Лобастова О. В. Информационное обеспечение участников процесса на стадии подготовки дела о несостоятельности (банкротстве) к судебному разбирательству // Известия РГПУ им. А. Герцена. 2007. № 31. С. 85–88; Решетняк В. И. Применение видеоконференцсвязи в арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 154–159; Склярова Е. В. Аудиопротоколирование как составной элемент концепции электронного правосудия // Администратор суда. 2016. № 4. С. 49–53.

³ См., например: Брановицкий К. Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009; Зайченко Е. В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁴ См., например: Фалькович М. С., Венгеров А. Б. ЭВМ и договорные отношения в народном хозяйстве // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 48–54.

⁵ См., например: Мурадян Э., Фалькович М. Машинный документ как доказательство в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 1980. № 11. С. 48–51.

⁶ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 214.

⁷ Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 257.

⁸ Там же.

Иными словами, использование метода классификации наиболее оправданно в тех ситуациях, когда имеется несистематизированное множество однородных объектов, обладающих различными характеристиками, и есть необходимость в выделении наиболее существенных свойств таких объектов, в определении, исходя из выявленных свойств, места каждого из таких объектов относительно других. Цифровые технологии в современном российском гражданском процессе, полагаем, как раз являются подобными объектами.

В настоящий момент в гражданском судопроизводстве используется огромное число цифровых технологий, различных по своему функциональному (от технологий хранения информации до систем аналитической обработки информации) и процессуальному назначению (от систем коммуникации между участниками судопроизводства до систем анализа и подбора судебной практики) и масштабу (от принтера, телефона и персонального компьютера до национальных и глобальных информационных систем). Если же подойти к вопросу шире и принять во внимание также перспективные технологии (предиктивное правосудие, самообучающиеся киберфизические системы, блокчейн) и технологии, применяемые другими органами гражданской юрисдикции (нотариат, органы принудительного исполнения), то спектр используемых технологий многократно увеличится. Такое многообразие объектов исследования не может не затруднять их теоретическое осмысление, выделение в них общего и отличного, сущностного и частного. Именно по этой причине, на наш взгляд, большинство исследований в данной сфере, за некоторыми исключениями, носят прикладной характер и делают акцент на практических аспектах внедрения и использования той или иной технологии, не пытаясь вписать такую технологию в общую, концептуальную картину гражданского судопроизводства.

Таким образом, есть все необходимые предпосылки для того, чтобы попытаться выработать классификацию цифровых технологий в российском гражданском процессе.

Как было указано, в основу всякой классификации однородных объектов должен быть положен существенный признак, свойственный всем таким объектам. Вопрос о том, что является наиболее существенным признаком цифровых технологий, используемых в гражданском судопроизводстве, решается в науке гражданского процесса неоднозначно. Однако позволим себе предположить, что господствующим здесь является так называемый инструментальный подход, в рамках которого внимание акцентируется на инструментальном аспекте таких технологий, т. е. на их способности ускорять, упрощать, оптимизировать определенные процессы¹. Не вдаваясь в вопрос об обоснованности и плодотворности такого подхода, укажем только, что он не лишен, на наш взгляд, теоретических и практических оснований; во всяком случае, именно прикладные соображения обусловили внедрение цифровых технологий в гражданское судопроизводство.

Другой вопрос состоит в том, на усовершенствование каких именно процессов, какой именно деятельности в рамках гражданского судопроизводства направлены цифровые технологии. Чтобы ответить на него, необходимо, на наш взгляд, обратиться к имеющимся в науке представлениям о сущности и содержании гражданского процесса как правового явления.

В науке гражданского процесса общепризнанно, что гражданский процесс – это государственно-властная правоприменительная деятельность². Исходя из этого, гражданский процесс состоит, условно, из трех функциональных блоков: а) установление фактических обстоятельств; б) установление юридической основы дела; в) принятие государственно-властного решения по гражданскому делу³. Несмотря на то что каждый из этих блоков имеет для гражданского процесса большое значение, именно

¹ Подробнее об инструментальном подходе к пониманию сущности цифровых технологий см.: Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В., Ярков В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 56–68.

² См., например: Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 17.

³ Осипов Ю. К. Элементы и стадии применения норм гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2004. С. 308–326.

установление фактических обстоятельств является, на наш взгляд, решающим этапом правоприменительной деятельности.

Все этапы доказывания предполагают взаимодействие участников судопроизводства со сведениями (т. е. информацией) о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. Определение предмета доказывания представляет собой анализ (т. е. процесс извлечения информации) норм материального права, фактического основания предъявленного иска и возражений против него; сбор и представление доказательств подразумевают необходимость фиксации, хранения и передачи информации о фактах; исследование доказательств есть процесс непосредственного восприятия судом информации, представленной участниками судопроизводства; оценка – процесс обработки полученной информации, ее анализа и синтеза с точки зрения установления фактических обстоятельств дела; проверка правильности судебного доказывания в порядке пересмотра судебных актов предполагает осуществление тех же манипуляций с информацией, но в усеченном виде¹.

Даже если отвлечься от доказывания как смыслового центра гражданского процесса, то два других этапа правоприменительной деятельности – установление юридической основы дела и принятие решения по делу – также можно рассматривать как процесс взаимодействия с информацией. В основе установления юридической основы дела лежит юридическая квалификация его фактов, что можно представить как процесс сличения информации об обстоятельствах дела, полученной из его доказательственной базы, с информацией об установленном правиле поведения, полученной при анализе нормы материального права², т. е. как обработку информации, собранной по делу. Принятие решения по делу – это также процесс взаимодействия с информацией, поскольку без фиксации информации о сути принятого решения в том виде, в котором она может быть воспринята участниками данной деятельности, и доведения такой информации до всех заинтересованных лиц подобное решение лишено практического смысла³.

Таким образом, суть гражданского процесса как правоприменительной деятельности может быть охарактеризована через призму различных форм (видов) взаимодействия участников судопроизводства с информацией о фактических и юридических обстоятельствах дела. И цифровые технологии выступают в первую очередь как средства, способы, инструменты осуществления такого взаимодействия.

Данная мысль также может быть подтверждена с позиций генетического подхода к пониманию цифровых технологий как технологического явления. Анализ истории возникновения и развития таких технологий, в частности, показывает, что генетически и сущностно цифровые технологии представляют собой не более чем группу технологий, основанных на цифровом способе записи информации⁴.

Итак, именно в опосредующем взаимодействии с информацией назначении цифровых технологий и проявляется их существенный признак, который может быть положен в основу их дифференциации. Цифровые технологии в гражданском процессе опосредуют взаимодействие участников судопроизводства с информацией, но выполняют в таком взаимодействии разные функции, что и является основанием их классификации.

Анализ процессуальной модели, представленной в гражданском процессуальном законодательстве, показывает, что в российском гражданском процессе реализуются следующие типы взаимодействия с информацией: а) фиксация, хранение и отображение информации; б) передача информации; в) обработка информации. В соответствии с выявленными типами взаимодействия с информацией цифровые технологии, используемые в гражданском процессе, могут быть подразделены на: а) технологии

¹ Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000. С. 97–104, 205–208.

² Тарханов И. А. Юридическая квалификация: понятие и место в правоприменительном процессе // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 131.

³ См., например: Чертова Н. А., Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 119.

⁴ Токхейм Р. Основы цифровой электроники / пер. с англ. М., 1988. С. 35–36.

фиксации, хранения и отображения (воспроизведения) информации; б) технологии передачи информации; в) технологии обработки информации.

В рамках первой группы технологий возможно и более частное деление, однако объединение в эту группу сразу трех видов технологий, имеющих на первый взгляд различную функциональную направленность, оправдано тем, что все три функции (фиксация, хранение и отображение / воспроизведение) тесно взаимосвязаны и имеют единую процессуальную цель – сохранение информации для возможности ее последующего использования. Вполне очевидно, что нет смысла фиксировать информацию, если в последующем ее нельзя будет сохранить, как не имеет смысла хранить информацию, если в последующем ее нельзя будет воспроизвести.

К числу цифровых технологий, входящих в первую группу, могут быть отнесены физические и аппаратные средства фиксации (микрофоны, диктофоны, видеокамеры, фотоаппараты, принтеры, смартфоны, GPS-трекеры, программное обеспечение компьютеров, предназначенное для создания текстов, графических изображений, аудио- и видеозаписей), хранения (CD, DVD, HDD, SSD, флеш-накопители, а также виртуальные или облачные хранилища) и отображения (воспроизведения) информации (диктофоны, видеокамеры, принтеры, смартфоны, телевизоры, компьютеры и их программное обеспечение, предназначенное для воспроизведения текстов, графических изображений, аудио- и видеозаписей).

К настоящему моменту именно технологии первой группы получили наибольшее признание и распространение в российском гражданском процессе. Можно упомянуть, например, признание за аудио- и видеозаписями, электронными документами и скан-образами документов доказательственной силы (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 2 ст. 64 АПК РФ, ч. 2 ст. 59 КАС РФ), применение технологий аудио- и видеозаписи для целей ведения протокола (ч. 1 ст. 155 АПК РФ, ч. 1 ст. 230 ГПК РФ, ч. 1 ст. 206 КАС РФ), повсеместное распространение компьютерной и другой офисной техники.

Причин масштабного внедрения данных технологий, как представляется, несколько. Во-первых, это существующий уровень техники: распространение цифровых технологий фиксации, хранения и воспроизведения информации достигло в повседневной жизни такого уровня, что с психологической и социально-экономической точек зрения их применение в гражданском процессе кажется вполне органичным, почти не вызывает затруднений. Во-вторых, это легкость научного осмысления данных технологий: будучи лишь средством фиксации, хранения и воспроизведения информации о фактах объективной действительности, с доктринальной точки зрения такие технологии воспринимаются главным образом в инструментальном аспекте доказывания и организации процессуального документооборота. С этих позиций можно утверждать, что внедрение таких технологий в гражданское судопроизводство было связано с рядом научных проблем, но не потребовало масштабной ревизии доктрины гражданского процесса.

Ко второй группе технологий следует отнести все используемые в рамках гражданского судопроизводства физические и аппаратные средства передачи информации, т. е. прежде всего телекоммуникационные технологии (телефон, факс, компьютеры, системы видеоконференцсвязи, сервисы коротких текстовых сообщений, системы электронного документооборота, в том числе ГАС «Правосудие» и система «Мой арбитр», информационные ресурсы (сайты) судов РФ).

Технологии, относящиеся ко второй группе, также достаточно широко представлены в современном российском гражданском судопроизводстве. Более того, если основываться на программных документах¹ и практических мерах по их реализации², то развитие именно этих технологий является для государства в настоящий момент приоритетным направлением цифровизации гражданского процесса.

В то же время в силу специфических требований к процессуальной форме (ее формализм и даже ритуальность), которые распространяются и на процессуальную

¹ Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы“».

² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

коммуникацию, многие из технологий, относящихся к данной группе, которые могли бы применяться в гражданском судопроизводстве (например, различного рода мессенджеры или система государственной электронной почты), остаются для него скорее перспективными, чем готовыми к внедрению. В сфере цифровизации процессуальной коммуникации по-прежнему есть много нерешенных научных и практических проблем¹.

В этом плане следует указать, что те усилия по «официализации» (переводу в официальное, урегулированное законом русло) коммуникации между судами и участниками судопроизводства по цифровым каналам (электронной почте, например), которые предпринимаются в последнее время, вполне отвечают отмечаемой некоторыми авторами тенденции к «деритуализации» гражданского процесса². Такие усилия, полагаем, следует оценивать положительно.

К третьей группе цифровых технологий, применяемых в гражданском процессе, могут быть отнесены физические и аппаратные средства обработки информации (компьютеры и специфическое программное обеспечение, предназначенное для анализа информации). Перечень таких технологий не очень обширен. Среди технологий аналитической обработки информации, используемых непосредственно в судопроизводстве, можно упомянуть только специализированные системы анализа судебной статистики (подсистема «Судебное делопроизводство и статистика» ГАС «Правосудие»)³ и подбора судебной практики (подсистема «Банк судебных решений (судебной практики)»⁴). При этом в юридической практике, например, крупными юридическими компаниями, имеющими несравненно меньшие – по сравнению с государством – возможности для анализа информации по гражданским делам, уже активно используются такие перспективные технологии анализа, как алгоритмы обработки «больших данных», предиктивное правосудие и т. п.

Обширному внедрению цифровых технологий обработки информации препятствуют некоторые не до конца решенные научные и практические проблемы. На данном же этапе исследования приходится констатировать, что активное использование технологий третьей группы в гражданском процессе является пока перспективой.

Одним из наиболее актуальных и одновременно наименее исследованных вопросов использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве является вопрос о степени и характере их воздействия на концептуальные основы судопроизводства⁵. Полагаем, что предложенная классификация цифровых технологий, применяемых в гражданском процессе, способна стать основой для более предметного и систематизированного обсуждения данной проблемы. Исходить при этом надлежит из следующих посылок.

Суть гражданского процесса как правоприменительной деятельности (повторим) может быть описана через то или иное взаимодействие участников данной деятельности с информацией, а одним из существенных признаков цифровых технологий выступает то, что они опосредуют такое взаимодействие. Из этого утверждения, помимо прочего, следует, что от того, на опосредование каких именно процессов взаимодействия с информацией направлена та или иная технология, зависит и степень ее возможного влияния на суть судопроизводства.

Так, вопросы надлежащей фиксации, хранения, отображения (воспроизведения) и передачи информации для гражданского процесса традиционно являются гораздо более «технологическими», нежели концептуальными. Например, еще во времена возникновения двух основных современных процессуальных моделей было понятно,

¹ См., например: Пономаренко В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России. Штрихи концепции. М., 2015.

² Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В., Ярков В. В. Указ. соч. С. 62.

³ Ловцов Д. А., Черных А. М. Модернизация системы судебной статистики на основе новой геоинформационной технологии // Правовая информатика. 2016. № 1. С. 8.

⁴ Приложение № 1 к приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16 сентября 2010 г. № 197 «Об утверждении Положения об организации и порядке обеспечения функционирования комплексов средств автоматизации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации „Правосудие“»

⁵ Брановицкий К. Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ); Зайченко Е. В. Указ. соч.; Аносов А. В. Указ. соч.

что подавляющее большинство фактов и обстоятельств, которые устанавливаются по делу, не могут восприниматься судом непосредственно. По этой причине за обеспечением фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации всегда стояли определенные технологии. Вследствие этого вопросам формирования надлежащей технологической основы данных процессов и наукой, и практикой гражданского процесса всегда уделялось пристальное внимание; к настоящему моменту эти процессы (фиксации, хранения, отображения и передачи информации) в должной степени разработаны и технологически, и концептуально.

Можно утверждать, что смена технологической основы этих процессов, замена «старых» (условно, «бумажных») технологий технологиями «новыми» (цифровыми) создаст для гражданского процесса новые научные и прикладные проблемы, но не приведет к изменению их концептуальной основы, а значит, не вызовет необходимости в полной ревизии самой сути гражданского судопроизводства.

Анализ достигнутого в науке гражданского процесса уровня понимания цифровых технологий, отнесенных нами к первой и второй группам, показывает, что их использование не лишено теоретико-практических трудностей (проблемы идентификации участников цифровой коммуникации, верификации электронной информации) и способно видоизменить отдельные институты цивилистического процессуального права (например, привести к модификации принципов доступности, открытости и гласности судопроизводства, в определенной степени дезавуировать значимость территориальной подсудности). Но названные проблемы достаточно освещены в литературе, а главное – решаемы в рамках существующей парадигмы гражданского процесса.

Гораздо более сложным представляется вопрос о влиянии на суть судопроизводства технологий, относящихся к третьей группе. В отличие от технологий фиксации, хранения, воспроизведения и передачи данных, технологии автоматизированной (т. е. отделимой от мыслительной деятельности человека) обработки информации, ее анализа с целью получения новой информации ранее не были известны человечеству. По этой причине модель гражданского судопроизводства (неважно, состязательная или следственная) складывалась вокруг того, что все выводы относительно фактических и правовых обстоятельств дела формулируются судьей – пусть беспристрастным, независимым и квалифицированным, но человеком. Иными словами, в концепции гражданского судопроизводства аналитическая составляющая таких процессов, как доказывание, определение юридической основы дела и принятия решения, увязана исключительно с человеком как единственным субъектом, обладающим автономным аналитическим аппаратом – мышлением. Эта концептуальная установка гражданского судопроизводства проявляется и в состязательной процессуальной модели (стороны пытаются убедить изначально беспристрастного арбитра в своей правоте), и в принципах гражданского судопроизводства (например, состязательности), и в отдельных институтах гражданского процессуального права (судебное усмотрение, судебное заседание, которое без судьи-человека, вероятно, бесполезно).

Помимо чисто прикладных соображений (отсутствие иных, кроме человеческого мышления, технологий обработки информации), в основу концепции гражданского судопроизводства были положены гуманистические идеи о том, что только человек как существо, обладающее представлением о справедливости, способное понимать чувства и мотивы поведения других людей, вправе вершить над ними правосудие. Все это обусловило то, что вопрос обработки информации, особенно аналитической или синтетической, т. е. направленной на получение из имеющейся информации новых сведений об исследуемых объектах, является для гражданского судопроизводства концептуальным, а не технологическим.

Можно утверждать, что внедрение в гражданское судопроизводство полноценных технологий автоматизированной (автономной от человеческого мышления) обработки информации (алгоритмов обработки «больших данных», технологии предиктивного правосудия) и в перспективе построение автоматизированных систем правоприменения будут связаны с необходимостью не только решения ряда прикладных проблем, но и серьезной ревизии представлений о самой сущности правосудия по гражданским делам.

Так, вызывает вопросы сама способность какой бы то ни было технологии осуществлять за человека познавательную деятельность, направленную на установление фактических обстоятельств дела или определение круга обстоятельств, имеющих правовое значение для дела; весьма сложно с теоретической точки зрения заложить в алгоритм возможность усмотрения, которая, как известно, не только не отрицается законодателем, но и сознательно закладывается им в деятельность любого правоприменителя. Но, пожалуй, наиболее острым и сложным вопросом, на который придется ответить в случае внедрения в гражданский процесс полноценных технологий автоматизированной обработки информации, является вопрос о том, готов ли человек, будучи свободным и волевым субъектом, претерпевать ограничения своих прав и возможностей на основании решения, принятого не другим человеком, а технологией. Ответ на данный вопрос, полагаем, потребует не только широкой теоретико-правовой, но и философской дискуссии.

Список литературы

Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Брановицкий К. Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В., Ярков В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2.

Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

Зайченко Е. В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.

Лобастова О. В. Информационное обеспечение участников процесса на стадии подготовки дела о несостоятельности (банкротстве) к судебному разбирательству // Известия РГПУ им. А. Герцена. 2007. № 31.

Ловцов Д. А., Черных А. М. Модернизация системы судебной статистики на основе новой геоинформационной технологии // Правовая информатика. 2016. № 1.

Медведев И. Г. Доказательства в информационном обществе // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 3.

Миронова С. Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М., 2010.

Мурадян Э., Фалькович М. Машинный документ как доказательство в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 1980. № 11.

Осипов Ю. К. Элементы и стадии применения норм гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2004.

Пономаренко В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России. Штрихи концепции. М., 2015.

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000.

Решетняк В. И. Применение видеоконференцсвязи в арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

Романов А. К. Правовая система Англии: учеб. пособие. М., 2000.

Склярова Е. В. Аудиопотоколирование как составной элемент концепции электронного правосудия // Администратор суда. 2016. № 4.

Тарханов И. А. Юридическая квалификация: понятие и место в правоприменительном процессе // Российский юридический журнал. 2012. № 3.

Токхейм Р. Основы цифровой электроники / пер. с англ. М., 1988.

Фалькович М. С., Венгеров А. Б. ЭВМ и договорные отношения в народном хозяйстве // Советское государство и право. 1980. № 7.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983.

Чертова Н. А., Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3.

References

- Anosov A. V. Informatsionnoe-pravovye voprosy formirovaniya elektronnoho pravosudiya v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2016.
- Branovitsii K. L. Informatsionnye tekhnologii v grazhdanskom protsesse Germanii (sravnitel'no-pravovoi analiz): dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009.
- Branovitskii K. L., Rents I. G. Neznamov Al. V., Neznamov An. V., Yarkov V. V. Tsifrovye tekhnologii i tsivilisticheskii protsess: problemy vzaimovliyaniya // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2.
- Degtyarev S. L. Realizatsiya sudebnoi vlasti v grazhdanskom sudoproizvodstve (teoretiko-prikladnye problemy): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2008.
- Zaichenko E. V. Informatsionnoe obespechenie v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013.
- Kondakov N. I. Logicheskii slovar'. M., 1971.
- Lobastova O. V. Informatsionnoe obespechenie uchastnikov protsessa na stadii podgotovki dela o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) k sudebnomu razbiratel'stvu // Izvestiya RGPU im. A. Gertsena. 2007. № 31.
- Lovtsov D. A., Chernykh A. M. Modernizatsiya sistemy sudebnoi statistiki na osnove novoi geoinformatsionnoi tekhnologii // Pravovaya informatika. 2016. № 1.
- Medvedev I. G. Dokazatel'stva v informatsionnom obshchestve // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2001. № 3.
- Mironova S. N. Ispol'zovanie vozmozhnostei seti Internet pri razreshenii grazhdansko-pravovykh sporov. M., 2010.
- Murad'yan E., Fal'kovich M. Mashinnyi dokument kak dokazatel'stvo v arbitrazhnom protsesse // Khozyaistvo i pravo. 1980. № 11.
- Osipov Yu. K. Elementy i stadii primeneniya norm grazhdanskogo protsesual'nogo prava // Kratkaya antologiya ural'skoi protsessual'noi mysli. 55 let kafedre grazhdanskogo protsessa Ural'skoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. Ekaterinburg, 2004.
- Ponomarenko V. A. Elektronnoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Rossii. Shtrikhi kontseptsii. M., 2015.
- Reshetnikova I. V. Kurs dokazatel'stvennogo prava v rossiiskom grazhdanskom sudoproizvodstve. M., 2000.
- Reshetnyak V. I. Primenenie videokonferentssvyazi v arbitrazhnom sudoproizvodstve // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 1.
- Romanov A. K. Pravovaya sistema Anglii: ucheb. posobie. M., 2000.
- Sklyarova E. V. Audioprotokolirovanie kak sostavnoi element kontseptsii elektronnoho pravosudiya // Administrator suda. 2016. № 4.
- Tarkhanov I. A. Yuridicheskaya kvalifikatsiya: ponyatie i mesto v pravoprimenitel'nom protsesse // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2012. № 3.
- Tokkheim R. Osnovy tsifrovoi elektroniki / per. s angl. M., 1988.
- Fal'kovich M. S., Vengerov A. B. EVM i dogovornye otnosheniya v narodnom khozyaistve // Sov. gosudarstvo i pravo. 1980. № 7.
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red.: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. M., 1983.
- Chertova N. A., Yurinskaya I. S. Mekhanizm prinyatiya sudebnogo resheniya: teoreticheskie aspekty // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 3.

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОЮЗНИКИ ИЛИ АНТАГОНИСТЫ?

Осинцев Дмитрий Владимирович

Главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук,
e-mail: dimios@mail.ru

В отечественной юриспруденции появление, развитие и совершенствование института административной ответственности, со временем трансформировавшегося в отдельную подотрасль административного права, считается одним из выдающихся достижений в правоведении. Действительно, его идеология, направленная на гуманизацию и декриминализацию отдельных недостойных поступков, выступала одним из способов обеспечения прав и свобод личности. Названный институт напрямую следовал из института уголовной ответственности, во многом заимствовал характерные для него юридические конструкции, однако со временем стало очевидным, что они не имеют ничего общего. Административная ответственность устанавливается на основании отклонений от административных требований (закон лишь формально ее легитимирует); по сути, не имеет состава правонарушения; связана с соучастием в рамках формальной противоправной деятельности; предполагает принятие мер в зависимости от предоставляемых административных статусов и режимов регламентации, которые проявляются в рамках не охранительного, а регулятивного воздействия; те меры, что считаются наказаниями, выступают лишь средствами индивидуальной корректировки поведения, поэтому правоохранительных задач не решают.

Ключевые слова: административная ответственность, состав правонарушения, административная регламентация, уголовные наказания, категории правонарушений

CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: ALLIES OR ANTAGONISTS?

Osintsev Dmitrii

Chief researcher, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: dimios@mail.ru

In the domestic jurisprudence, the emergence, development and improvement of the institution of administrative responsibility, which has transformed into a separate sub-sector of administrative law over time, is considered as one of the outstanding achievements in jurisprudence. Indeed, its ideology, aimed at humanizing and decriminalizing certain unworthy acts, was one of the ways to ensure the rights and freedoms of the individual. The named institute followed from the institute of criminal responsibility and in many respects borrowed its legal constructions; however, over time it became evident that they have nothing in common. Administrative responsibility is established on the basis of deviations from administrative requirements (the law only formally legitimizes it); in fact, has no corpus delicti; is connected with complicity in the framework of formal illegal activity; implies the imposition of measures depending on the granted administrative statuses and regulatory regimes that are manifested in the framework of not protective but regulatory influence; those measures that are considered punishments are only means of individual behaviour correction, so they do not solve law enforcement tasks.

Key words: administrative responsibility, constituent elements of an offence, administrative regulations, criminal penalties, categories of offenses

Как бы ни различались позиции правоведов в части соотношения и дифференциации уголовной и административной ответственности, какие бы серьезные дискуссии ни разворачивались, вывод все равно был один: названные виды ответственности неразрывно генетически связаны, административная сопутствует уголовной (действительно, КоАП РСФСР (РФ) появился позже УК РСФСР (РФ), занимает второстепенную роль, может обеспечивать реализацию уголовно-правовой репрессии в мягких формах)¹. Иногда категориальные оговорки носили такой характер, что показывали сходство этих видов ответственности до степени смешения².

С позиций юридической техники инструментальный аппарат административной ответственности неуклонно следовал за конструктивно-техническими построениями и приемами, используемыми в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. То же понимание *состава административного правонарушения* явно заимствовано из науки уголовного права, а не является оригинальным новшеством административных исследований³.

Что же касается криминологии, административной деликтологии и политики, то тут законодатель не придерживается какого-то строгого курса на усиление или ослабление ответственности по существу и ее последствий, хотя сам по себе переход от уголовной ответственности к административной является смягчением карательной практики, а дальнейшие шаги свидетельствуют о декриминализации отдельных статей и переводе их из разряда уголовно наказуемых в административно санкционируемые⁴. Правда, должного эффекта это не дает, даже наоборот, криминогенная ситуация только ухудшается, но псевдогуманизация и смена моделей регламентации все равно продолжают от случая к случаю⁵.

Можно утверждать, что в науке административного права сложилась догматическая позиция, согласно которой административная и уголовная ответственность настолько близки⁶, что их порой трудно различить. Однако это лишь видимость, так как они близки по искусственно подогнанным конструктивно-техническим признакам (внешней оболочке), но как модели правового регулирования отстоят друг от друга, как полюса планеты, причем центробежные силы, разъединяющие эти виды охранительного воздействия, проявляются в законодательстве все больше.

¹ Ядыкин Ю. Уголовная и административная ответственность за хищение // Законность. 2006. № 1; Ангандоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. 2009. № 2; Лыков В. А. Соотношение административной и уголовной ответственности // Там же. 2010. № 5. С. 50–51; Федосеева Н. Н., Чугунов Н. А. Совершенствование механизмов привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, уклоняющихся от призыва // Военно-юридический журнал. 2010. № 9. С. 16–21; Иванов И. С. Продажа товара с истекшим сроком годности: уголовная или административная ответственность? // СПС «КонсультантПлюс». 2011; Ильин И. В. Вопросы установления административной ответственности за нарушение правил обеспечения безопасности как меры охранительного предупреждения экономической преступности // Российский следователь. 2012. № 9. С. 30–32; Киринов А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 53–57; Попугаев Ю. И. О внутриотраслевой коллизии норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, способы ее разрешения // Там же. 2013. № 10. С. 10–15.

² Сырых В. М., Панкратов И. Ф. Дисциплинарная и административная ответственность за экологические преступления // Журнал российского права. 1998. № 7; Панкова О. В. Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика применения КоАП РФ // Журнал российского права. 2004. № 1.

³ Чаннов С. Е. Состав административного правонарушения как основание административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». 2008.

⁴ Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 46–49; Пурге А. Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 1–9; Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1. С. 26–34; Хоменко А. Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1. С. 37–42.

⁵ МВД предложило ужесточить наказание за насилие в семье // НТВ. 2017. 17 дек. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580>.

⁶ Головкин Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica. 2016. № 1. С. 139–145; Кисин В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 12–16.

Юридическая ответственность, в том числе административная, может наступать только за те деяния, которые *законом*, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие *состава правонарушения* является необходимым основанием для всех видов ответственности, а признаки и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование *справедливости*, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности. Общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента *субъективной стороны* состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе (см. постановления Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П, от 17 июля 2002 г. № 13-П, от 18 мая 2012 г. № 12-П и др.)

Действительно, оба кодекса позиционируют построение охранительного законодательства на основании лишь законодательных актов. Часть 1 ст. 1 УК РФ гласит: уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ; новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ; последний основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. В свою очередь законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях; если международным договором РФ установлены иные правила, то применяются правила международного договора (ст. 1.1 КоАП РФ).

Подавляющее большинство статей УК РФ вводятся законом как актом прямого действия, но с нормами КоАП РФ ничего подобного не происходит. Многие статьи названного Кодекса сформулированы отсылочным способом и направляют к правилам (ст. 5.50, 6.3, 7.18, 8.2, 9.3 и др.), требованиям (ст. 5.6, 6.4, 7.3, 8.1, 9.1 и др.), порядку (ст. 10.2, 11.3, 12.1, 13.4, 14.1.1 и др.) и т. д. Очевидно, что административная ответственность устанавливается не законом и не исключительно КоАП РФ или законами субъектов РФ, а теми правилами, которые признают охраняемыми представители государственной администрации в зависимости от их нормативности или ненормативности, общезначимости или общеобязательности, добровольности или директивности в применении и т. д.

Итак, первое и коренное отличие административной ответственности от уголовной – оригинальность законодательной регламентации или производность подзаконного регулирования, т. е. если не будет правил, установленных административными органами, не будет и административной ответственности. Ведь не случайно частным случаем применения ст. 1.7 КоАП РФ является отмена или изменение административного порядка регламентации отношений (например, отмена лицензирования после того, как был выявлен факт ведения деятельности без лицензии или нарушения лицензионных условий, либо ведомственного акта, установившего порядок представления отчетности¹). Производство по делу об административном правонарушении в таких случаях подлежит прекращению.

О применении норм международного права в административно-юрисдикционных правоотношениях можно забыть. Это правило как было декларацией, так и осталось, а иного и быть не могло: автономия исполнительной власти никогда не позволит устанавливать внешний диктат над суверенными структурами государственного управления. Если и встречаются иные правила, предусмотренные международными договорами, то они зачастую относятся к иностранным или зарубежным элементам, причастным к административным правонарушениям по российскому законодательству, которое к ним неприменимо.

Дискуссия по вопросу о полномочиях субъектов РФ в сфере административной ответственности за многие годы привела лишь к выводам, что они способны устанавливать только отдельные административные правила; но это не опровергает сути административной ответственности как последствий невыполнения требований, введенных и (или) поддерживаемых административными органами².

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 24 января 2008 г. № Ф09-10729/07-С1.

² Масленников М. Я. Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности: правотворчество и центробежные импровизации // Административный процесс: теория

Кстати сказать, даже если не будет закона, предусматривающего административную ответственность, то применение мер охранительного воздействия по аналогии предполагает Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в ст. 20 которого сказано: «1. Официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения объявляется лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, при отсутствии оснований для привлечения его к уголовной или административной ответственности и содержит обязательное для исполнения требование о недопустимости таких действий либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения».

2. Порядок объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения), форма официального предостережения (предостережения), а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение (предостережение), устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов профилактики правонарушений, которые указаны в части 2 статьи 17 настоящего Федерального закона и которым законодательством РФ предоставлено право объявления официального предостережения (предостережения)».

Иными словами, правила административной деликтности и юрисдикции остаются в стороне и не учитываются.

Необходимым и достаточным основанием для квалификации поступка (в том числе намерения, высказывания) как административного правонарушения выступает *наличие факта неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных административных или иных правил, охраняемых административными санкциями*. Отступление от установленных правил и требований само по себе уже влечет административную ответственность, поэтому обсуждение вопроса о приготовлении или покушении на административное правонарушение является логической ошибкой, означающей, что в законодательство РФ об административных правонарушениях включены составы оконченных противоправных действий (бездействия).

Все межсубъектные взаимодействия могут быть подвержены правовому влиянию, будь то явно выраженное *намерение, высказывание или поступок*. Что же выступает основой для квалификации деяния как правового, а тем более административно наказуемого? Полагаем, что квалификация начинается на интенциональной стадии, так как натуралистическое понимание приведет нас в западню. Г. П. Щедровицкий отмечал, что «для интерпретации получаемых нами значений как характеристик изменения или развития мы должны иметь еще один показатель, гарантирующий нам то, что мы имеем дело все время с *одним и тем же* объектом или явлением. В некоторых случаях таким показателем может служить чувственное представление о единстве объектов, в других – специальный параметр, остающийся в ходе всех измерений неизменным»¹. Юрист без опоры на твердую почву деятельности оценки может попасть в дурной круг анализа поступков, где передача вещи может трактоваться как подарок, благотворительность, взятка, помощь, временное заимствование, пожертвование, частичное исполнение отдельных видов обязательств, проверка материала и пр. Как утверждал Э. Фромм, «основной бихевиористский тезис, согласно которому наблюдаемое поведение представляет собой надежную с научной точки зрения ве-

и практика / отв. ред. А. С. Дугенец. М., 2008. С. 183–205; Болотин В. С., Старостин Б. А. Проблемы правового регулирования субъектами России вопросов административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ // Административное право и процесс. 2010. № 4. С. 19–22; Александрова Р. С. К вопросу о законотворчестве субъектов РФ в области установления административной ответственности // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 6–9; Россинский Б. В. О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 26–31; Брциева З. Г. Коллизия норм по передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях субъектами Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 15. С. 27–31.

¹ Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении: курс лекций. М., 2003. С. 43–46 (Сер.: Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6).

личину, совершенно ошибочен. На самом деле поведение различно в зависимости от различия мотивирующих его импульсов, а они-то часто скрыты от наблюдателя»¹.

Нет ничего удивительного в том, что административно наказуемыми становятся явно выраженные намерения: явное неуважение к обществу (ст. 20.1 КоАП РФ), пропаганда (ст. 20.3 КоАП РФ), уклонение (ст. 20.25 КоАП РФ), так как этого вполне достаточно, чтобы посчитать нормальный режим функционирования исполнительной власти дискредитированным.

Обратимся к составу административного правонарушения, о котором говорится в ч. 2 ст. 4.4, ст. 14.1, пп. 2, 9 ч. 1 ст. 24.5, ст. 28.6 КоАП РФ, где даже проводится разграничение составов по формально-логическим признакам. Однако если в УК РФ вычленение данной юридической конструкции обоснованно (важны операционные характеристики поступков до их мельчайших отличий), то в КоАП РФ ни легальное включение, ни модельное построение «состава административного правонарушения» не требуется, так как найти хотя бы одно правонарушение, которое предполагало бы ответственность за совершение единичного деяния, практически невозможно; в большинстве случаев описываются варианты деятельности, а не действий. Если такие случаи и встречаются, то они свидетельствуют лишь о том, что в КоАП РФ по недоразумению попали правонарушения иной отраслевой принадлежности. Речь идет о материальных или физических повреждениях различного рода, низвержении нравственности (проституция, оскорбление, пропаганда извращений и пр.), хулиганских проявлениях во всех их видах и т. д., которые являются разновидностями преступлений, пусть и с привилегированными составами, и должны занять свое место в УК РФ.

Более того, так ли важно установление того, кто задействован в соответствующей деятельности? Конечно, чтобы индивидуализировать ответственность, установление виновного лица обязательно (хотя в отношении неустановленных лиц дела возбуждаются²), но в деятельности не может быть виновно одно лицо. В том-то и состоит особенность административной ответственности, что в ней институт соучастия специально не должен рассматриваться, так как каждое правонарушение совершается только в соучастии; в противном случае можно говорить о том, что правонарушение ошибочно попало в административно-деликтное законодательство.

Здесь можно привести два серьезных аргумента. Во-первых, большинство составов предполагают ответственность за одно и то же правонарушение как граждан, так и должностных и юридических лиц (при этом названные субъекты являются специально обязанными (уполномоченными) на выполнение режимных и (или) статусных профессиональных правил поведения в различных отраслях и сферах деятельности, т. е. генеральный субъект административной ответственности отсутствует, как бы это ни провозглашалось в ст. 2.3 КоАП РФ). Во-вторых, если в санкции статьи предполагается ответственность, условно говоря, общего субъекта, который что-то распивает, что-то потребляет, что-то расклеивает и т. д., это говорит о том, что есть и иные лица, которые ранее прямо или косвенно способствовали совершению соответствующего правонарушения (предоставляли запрещенные вещества; реализовывали лицу, находящемуся в состоянии опьянения, алкогольную продукцию; выпускали на линию неисправное транспортное средство; печатали запрещенные материалы и пр.); кроме того, в сложившейся ситуации трудно объяснить попустительство контрольно-надзорных органов, чьи задачи и функции направлены на противодействие подобным инцидентам.

Допустим, дело об административном правонарушении было возбуждено в отношении неустановленного лица, до стадии рассмотрения дела названный субъект так

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М., 2015. С. 73.

² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27 сентября 2010 г. по делу № А43-9395/2010; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 января 2015 г. № Ф01-5865/2014 по делу № А43-2391/2014; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 апреля 2011 г. по делу № А33-8368/2010; постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 5 ноября 2009 г. по делу № А03-9563/2009; от 3 февраля 2009 г. № Ф04-387/2009(20107-А45-29) по делу № А45-10747/2008; постановление ФАС Московского округа от 28 июня 2005 г., 27 июня 2005 г. № КА-А40/5611-05; постановление ФАС Поволжского округа от 4 июня 2013 г. по делу № А65-19404/2012; постановление ФАС Уральского округа от 15 декабря 2009 г. № Ф09-10102/09-С1 по делу № А60-39174/2009-С9; постановление ФАС Центрального округа от 17 декабря 2007 г. по делу № А23-720/07А-3-33.

и не был определен с достоверностью. Напрашивается вполне логичный вывод: производство по делу об административном правонарушении нужно прекратить (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Но разве при этом можно довольствоваться принятым решением и остановить розыск лица, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях, или отказаться от профилактических, контрольно-надзорных, пресекательно-восстановительных мер, проведения мероприятий по устранению причин и условий совершения административного правонарушения? Конечно, нет. Таким образом, даже если нет субъективного элемента правонарушения (виновность в этом случае само собой отрицается, так как нет субъекта или деятельность настолько сложна, что их количество трудно определить), административные меры все равно будут приняты, пусть не в виде административных наказаний, пусть не к формализованному субъекту и даже пусть деятельность формально не является противоправной, но лишь несет в себе элементы опасности. Главное – повлиять на ход деятельности, а не только наказать специально отобранное для этого лицо.

К ответственности может быть привлечено именно юридическое лицо, а не его филиал, представительство или иное обособленное подразделение¹. Вместе с тем суды принимают к рассмотрению заявления административных органов о привлечении к административной ответственности юридических лиц, если деяние было связано с функционированием филиала (представительства), по месту нахождения последних². Помимо мер ответственности, к любому лицу (группам лиц) в случае нарушения им установленных административных правил можно применить иные меры административного принуждения, поэтому формальное отсутствие субъекта – вовсе не препятствие для начала правоохранительной работы.

Стоит обратить внимание на правовоположения, сформулированные в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П: «Виновность юридического лица в совершении административного правонарушения является так или иначе следствием виновности его должностных лиц или работников, привлечение которых к административной или уголовной ответственности не освобождает... от административной ответственности само юридическое лицо, притом что за совершение одного и того же административного правонарушения для юридических лиц обычно предусматриваются более высокие по размеру санкции по сравнению с физическими лицами. Такое правовое регулирование, будучи обусловленным спецификой административной деликтоспособности юридических лиц, сопряженной с причастностью к совершению административных правонарушений не отдельных индивидов, а создаваемых... организаций, на которые как на участников гражданского оборота возлагаются и сопутствующие осуществляемой ими деятельности риски и которые – в отличие от физических лиц – не признаются субъектами уголовной ответственности, является конституционно допустимым (постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П, от 26 ноября 2012 г. № 28-П и от 17 января 2013 г. № 1-П)».

Поступки (намерения и высказывания), формально влекущие неисполнение или ненадлежащее исполнение административных правил и требований, но не отвечающие решению задач административно-деликтного законодательства, могут повлечь административную ответственность, хотя и *не содержат объект противоправного посяательства*. В данном случае не исключается применение иных мер защиты нарушенных прав и законных интересов государственного, в том числе административного, принуждения. Необходимо критически пересмотреть те административные правонарушения, юридическая конструкция которых находится за пределами публичного администрирования и граничит с недостойными поступками лица, чье вызывающее поведение никакой угрозы безопасности не представляет, но и оставлять его без должного внимания невозможно.

Объект посяательства отсутствует в ключевом составе административного правонарушения – самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ), при совершении которого не причиняется вред иным лицам, а лишь создается новый объект правового регулирования,

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 28 апреля 2008 г. № А60-4731/2008-С5.

² Немова О. Ю. Изменение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с деятельностью филиалов (представительств) юридического лица // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 2.

правда, вопреки установленному порядку. Кстати, ст. 19.2 КоАП РФ, связанная с умышленным повреждением или срывом печати (пломбы), также не содержит объекта посягательства; то же самое можно наблюдать в ст. 19.6, 19.7–19.7.13, 19.10, 19.15 и ее производных, ст. 19.21 и ряде других, что вполне закономерно, так как этот объект реально не существует, а конструируется административной властью для собственных целей и интересов. Поэтому поддержание порядка управления в должном состоянии возможно иными способами, помимо привлечения к ответственности.

Можно сделать следующий вывод: *состав административного правонарушения для применения принудительных мер, в том числе административных наказаний, не требуется, достаточно самого поступка (деятельности).*

В силу ст. 1.7 КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения. *Закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность* за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, его совершившего, *имеет обратную силу*, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено. *Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность* за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, *обратной силы не имеет.*

Сходная норма содержится в ст. 10 УК РФ. Но возникает вопрос: если нормы, смягчающие или отменяющие ответственность, встречаются в УК РФ с завидной регулярностью, много ли было законов, которые смягчали или устраняли административную ответственность? Наряду с тысячами статей, которые либо устанавливали, либо усиливали ответственность, о ее смягчении можно было говорить лишь в однотипных ситуациях:

1) изменились правила регулирования, за нарушение которых была установлена административная ответственность. Это момент юридической политики, лишь косвенно относящийся к смягчению ответственности; причем остаются случаи, когда само основание административной ответственности сохраняется (могут измениться промилле, но ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения останется – ст. 12.8 КоАП РФ);

2) изменились правила назначения наказания. Например, под «давлением» положений Конституционного Суда РФ были дифференцированы правила применения административного штрафа¹, но на саму ответственность это не повлияло.

Что же касается отмены закона, устанавливающего административную ответственность, то Конституционный Суд РФ распорядился следующим образом: «Отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой ее уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния, иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публично-правовой ответственности за такое деяние.

Более того, криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности. Отмена законом административной ответственности за определенное деяние с одновременным переводом такого деяния под действие Уголовного кодекса Российской Федерации означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности.

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 16 ноября 2016 г. № 33-АД16-12; постановление Президиума ВАС РФ от 24 июля 2012 г. № 2522/12 по делу № А40-99688/11-148-888; постановление Верховного Суда РФ от 16 сентября 2011 г. № 18-АД11-14 и др.

Соответственно, применительно к вопросу о возможном прекращении на основании пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в подобных случаях исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания отмена административной ответственности за конкретное деяние с его одновременной криминализацией по своим правовым последствиям от ужесточения административной ответственности за административное правонарушение принципиально не отличается: и в том и в другом случае для прекращения исполнения судебного постановления нет оснований.

Данный вывод базируется, в частности, на вытекающих из конституционных принципов справедливости и равенства требованиях неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, а также определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования...

...необходимо, чтобы, во-первых, положения закона, отменяющие административную ответственность за конкретное деяние и вводящие за него уголовную ответственность, вступали в силу одновременно, а во-вторых, чтобы при законодательном преобразовании состава административного правонарушения в состав преступления сохранялась ответственность именно за то деяние, за которое ранее предусматривалось административное наказание»¹.

На основании изложенного в ч. 2.1 ст. 1.7 КоАП РФ появилось следующее правило: в случае одновременного вступления в силу положений закона, отменяющих административную ответственность за содеянное и устанавливающих за то же деяние уголовную ответственность, лицо подлежит административной ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Однако если административная ответственность будет заменена, допустим, гражданско-правовой или налоговой, бюджетной, дисциплинарной и пр., их следует считать более мягкими или более строгими по отношению к административной ответственности? При этом опять же ответственность как таковая за тождественное деяние не устраняется, только изменяется ее отраслевая принадлежность. Как получилось, что деяние, которое всегда считалось административным правонарушением, вдруг стало экологическим или муниципально-правовым? Напрашивается единственный вывод: законодатель ошибочно посчитал поступок с административной противоправностью наказуемым в соответствии с КоАП РФ, а затем эту неточность исправил. Но так можно поступить с каждым из административных правонарушений, что полностью дискредитирует институт административной ответственности: она становится как бы «тренировочной площадкой» для «более могущественных» видов государственного принудительного воздействия, а ее юридические конструкции – нормами-накопителями противоправных признаков.

Однако возвратимся к разговору о *справедливости* двух кодексов.

Статья 4 УК РФ гласит: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

В соответствии со ст. 1.4 КоАП РФ физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности. Особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц), устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами. Особые условия применения мер административной ответственности в отношении являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства лиц, осуществляю-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П.

щих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридических лиц, а также руководителей и иных работников указанных юридических лиц, совершивших административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, устанавливаются КоАП РФ.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ принцип равенства всех перед законом гарантирует равные права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления различных норм в отношении лиц, принадлежащих к другим категориям¹. Иначе говоря, равными перед законом они становятся, поскольку административная власть не предоставила им соответствующего статуса или режима регламентации их деятельности, т. е. такое равенство носит производный и относительный характер.

В другом постановлении Конституционный Суд РФ утверждает: «Поскольку ни часть 1 статьи 1.4 КоАП РФ, согласно которой юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств, ни иные положения данного Кодекса не проводят каких-либо различий между юридическими лицами, судьи и другие правоприменители исходят из того, что при наложении административного штрафа его минимальный размер, установленный за соответствующее административное правонарушение, должен соблюдаться равным образом в отношении всех юридических лиц – независимо от их вида. В результате для отдельных коммерческих организаций, относящихся, как правило, к субъектам малого предпринимательства, а тем более – для осуществляющих социальные, культурные, образовательные, научные и другие функции некоммерческих организаций, в том числе государственных и муниципальных учреждений, привлечение к административной ответственности сопровождается такими существенными обременениями, которые могут оказаться для них непосильными и привести к самым серьезным, вплоть до вынужденной ликвидации, последствиям»².

Аутентично принцип справедливости сформулирован следующим образом: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 1.6 УК РФ).

Законодатель, увлекшись правоположениями Конституционного Суда РФ, определил для частного случая проявления принципа справедливости неустойчивые правила назначения административного штрафа.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 12 мая 1998 г. № 14-П отметил, что установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, требованиям справедливости, характеру совершенного деяния, быть соразмерным, дифференцированным и индивидуализированным.

В п. 5 постановления от 25 февраля 2014 г. № 4-П Конституционный Суд указал следующее: «Вводя для юридических лиц административные штрафы, минимальные размеры которых составляют значительную сумму, федеральный законодатель, следуя конституционным требованиям индивидуализации административной ответственности и административного наказания, соразмерности возможных ограничений конституционных прав и свобод, обязан заботиться о том, чтобы их применение не влекло за собой избыточного использования административного принуждения, было сопоставимо с характером административного правонарушения, степенью вины нарушителя, наступившими последствиями и одновременно позволяло надлежащим образом учитывать реальное имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности юридического лица...

Поскольку вытекающие из Конституции РФ и общих принципов права критерии (дифференцированность, соразмерность, справедливость), которым должны отвечать

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 424-О.

² Пункт 4.1 постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

санкции за административные правонарушения, и, соответственно, сформулированные на их основе... требования к минимальным размерам административных штрафов, устанавливаемых для юридических лиц за конкретные административные правонарушения, распространяются и на иные... положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, внесение в данный Кодекс изменений... должно быть направлено на *исключение возможности чрезмерного ограничения экономической свободы и права собственности* (курсив наш. – Д. О.) юридических лиц при их привлечении к административной ответственности и за другие административные правонарушения, минимальные размеры административных штрафов за которые сопоставимы с теми, что установлены законоположениями, признанными... не соответствующими Конституции Российской Федерации, т. е. по крайней мере составляют сто тысяч рублей и более. При этом федеральный законодатель не лишен возможности закрепить – как на универсальной основе, так и применительно к отдельным видам административных правонарушений – предельный размер административного штрафа, назначаемого юридическому лицу, ниже которого его снижение не допускается».

В п. 4.2 того же постановления Конституционного Суда сказано: «...институт освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения ориентирован исключительно на правоприменительную оценку самого правонарушения и не предназначен для целей учета имущественного и финансового положения юридических лиц или иных смягчающих административную ответственность обстоятельств, а потому не может быть отнесен к средствам, которые позволяли бы при определении меры административной ответственности скорректировать последствия законодательного установления значительных минимальных размеров административных штрафов и тем самым избежать непропорционального ограничения имущественных прав юридических лиц».

Статья 4.1 КоАП РФ гласит: «2.2. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II настоящего Кодекса, в случае, если минимальный размер административного штрафа для граждан составляет не менее десяти тысяч рублей, а для должностных лиц – не менее пятидесяти тысяч рублей...»

При наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II настоящего Кодекса, в случае, если минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет не менее ста тысяч рублей...

3.6. В случае, если при назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 4 или 5 статьи 20.31 настоящего Кодекса, суд, учитывая продолжительность проживания иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории РФ, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства, придет к выводу, что административное выдворение за пределы РФ является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания, назначается административное наказание в виде административного штрафа в раз-

мере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения на срок от одного года до семи лет».

Статья 4.1.1. КоАП РФ вообще предполагает замену административного штрафа предупреждением, исходя из приоритета личности субъектов малого и среднего предпринимательства.

На первый взгляд эти правила достаточно продуманные и взвешенные, но если внимательно прочитать тексты статей, то становится очевидным, что много предусмотренных в них условий и исключений отдано на откуп административным инстанциям, которые по своему усмотрению могут подтвердить или опровергнуть возможность их применения. Причем административный статус или режим является главенствующим при назначении или освобождении от административного наказания, но такая позиция неустойчива и подрывает стабильность правоохранительных отношений.

В вышеназванных постановлениях Конституционный Суд РФ сформулировал интересное положение о том, что административный штраф не должен становиться чрезмерным регулятором экономической деятельности. Но административный штраф никогда и не был регулятором предпринимательской деятельности, его сделали таковым в результате спонтанных реформ административной юрисдикции в России. Получается, что административные наказания и иные средства принудительного влияния используются административной властью как оперативные инструменты воздействия на подведомственную среду и никакого значения как институт ответственности не имеют?

В этом месте внимательный читатель скажет, что автор загнал себя в ловушку, ведь наказания за совершение преступления и административные наказания – однородные, хотя и разноотраслевые средства правоохранительной деятельности (ст. 44 УК РФ, ст. 3.2 КоАП РФ). Действительно, штрафы предусмотрены в обоих Кодексах, разного рода лишения прав и статусов почти идентичны, например, имеются сходные отработки часов в пользу государства, а уж о практике ограничения личной свободы и говорить не стоит.

Если речь идет о полной идентичности наказуемости, значит, все же меры административного воздействия и уголовно-правовой охраны генетически связаны? Ничего подобного. Так, штраф – это не системная мера наказания, а регулятор экономической деятельности, он в оба кодекса попал случайно как превращенная форма налогового обязательства. Лишения статусов – это производные меры дисциплинарного воздействия; если бы их в УК РФ не было, то в законах об отдельных видах государственной и муниципальной службы, актах трудового законодательства такие ограничения все равно появились бы.

Что же касается задержаний, арестов, ограничения, лишения свободы и т. п., то это все производные меры одного рода, причем, как ни прискорбно, это растянутые во времени меры административного пресечения, направленные на оперативное сдерживание противоправных и (или) опасных поступков. На однородность данных мер еще лет десять назад указал Конституционный Суд РФ: «Понятие „лишение свободы“ в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы».

Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. В связи с этим Европейский Суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как

принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц»¹.

В данном контексте проблемной является категория «наказание за совершение преступления» как юридический феномен. Очевидно, что на современном этапе гуманизации юрисдикционного законодательства идея наказания оказалась выхолощена и девальвирована, т. е. от ее диких и бесчеловечных форм произошел переход к административным механизмам, которые лишь на время помогают достичь цели правоохранительной работы, но не могут всецело заменить институты социальной ответственности (О каком ограждении от социума можно говорить, если коллективы лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания, сопряженные с лишением личной свободы, лишь временно находятся под наблюдением охраны; произойдет ли изменение противоправных установок, если вся суть наказания сводится к унижительной работе на холоде, с тяжестями и нечистотами, а воспитательный эффект должны принести отметки в журнале о явке в положенный срок?)

В завершение скажем несколько слов о видах преступлений и административных правонарушений. Если градация первых легальна и имеет объективные критерии (ст. 15 УК РФ), то относительно административных правонарушений возможно лишь одно разделение: малозначительные и иные (ст. 2.9 КоАП РФ), причем категориальная разница не прослеживается объективно, а зависит от усмотрения правоприменителя.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность административного правонарушения. Они в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания².

Конституционный Суд РФ указал, что использование в оспариваемом законоположении оценочного понятия малозначительности не свидетельствует о неопределенности его содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П; определения Конституционного Суда РФ от 21 августа 2008 г. № 120-О-О, от 19 марта 2009 г. № 231-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1316-О и от 17 февраля 2015 г. № 278-О). Тогда зачем нужен закон, если он не устанавливает никаких правил?

Вот яркий пример малозначительности административного правонарушения. Статья 10 Закона Свердловской области от 14 июня 2005 г. № 52-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области» предусматривает административную ответственность за торговлю вне мест, специально отведенных для этого органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, в том числе торговлю с рук, лотков, автомашин на улицах, площадях, во дворах, в подъездах, скверах, на станциях метрополитена, в аэропортах, на вокзалах³. К. осуществляла торговлю газетами в месте, которое не входит в перечень мест, отведенных для торговли печатной продукцией. Оснований для применения положений ст. 2.9 КоАП РФ не было выявлено, поскольку с учетом конкретных обстоятельств и характера совершенного К. правонарушения оно представляет существенную угрозу установленному порядку осуществления торговли в отведенных для этого местах. Вследствие чего такая угроза возникла?

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П.

² Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5.

³ Постановление заместителя председателя Свердловского областного суда от 20 сентября 2012 г. по делу № 4а-668.

Признается, что имеет место тенденция, когда за выполнение формального состава административного правонарушения положения о малозначительности не применяются, так как особый порядок охраны отношений не требует установления причиненного вреда¹. Например, в случае нарушения законодательства о рекламе значимыми являются посягательство на сам установленный порядок ее распространения, нарушение прав потребителей на получение достоверной информации, что представляет собой существенную угрозу охраняемым правом общественным отношениям в сфере потребительского рынка. Отсутствие вредных последствий не имеет значения для наступления ответственности за указанное административное правонарушение².

В любом случае возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно. Применение положений о малозначительности должно быть мотивировано³. Существенная угроза охраняемым общественным отношениям выражается не в наступлении материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении общества к исполнению своих публично-правовых обязанностей, к формальным требованиям публичного права⁴.

Отдельные виды правонарушений, за совершение которых, например, установлен повышенный срок давности (ст. 4.5 КоАП РФ), возможны исчисление административного штрафа специальным образом (ст. 3.5 КоАП РФ), назначение основного и дополнительного наказания (ст. 3.3 КоАП РФ), проведение административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ), и ряд других не могут быть отнесены к разряду малозначительных, а иные случаи усмотрения в правоприменении – коррупциогенный фактор. Поэтому полагаем, что деление административных правонарушений по критерию малозначительности недопустимо, так как непонятно, зачем администрация устанавливает правила, за нарушение которых и наказать не может.

Подведем итоги. Говоря об административной ответственности, приходится констатировать, что наполнение поступков признаками противоправности напрямую зависит от административных регламентов и стандартов, иных правил регулирования, обеспечение реализации которых осуществляют органы государственного управления. Справедливость примененных мер определяется обеспечением должного порядка управления, а дифференциация воздействия по различным критериям зависит от усмотрения представителей административной власти, устанавливающих особенности статусов и режимов регламентации соответствующих видов деятельности. Поэтому субъективная часть в рамках примененных мер воздействия зачастую нейтральна, влияние оказывается в первую очередь на саму деятельность (отклонение от норм ее ведения), а не на лиц, ее осуществляющих.

Полагаем, что с методологических позиций имеющиеся меры административного влияния ошибочно рассматривать как институт ответственности. В крайнем случае есть основания полагать, что в КоАП РФ и соответствующих законах субъектов РФ представлен арсенал пресекаательно-восстановительных мер, которые наказаниями считаться не могут. Названные меры генетически связаны не с мерами уголовной репрессии, а с иными методами административно-правового воздействия (учетно-регистрационными, санкционированием, лицензированием, содействием, оперативным реагированием). Их включения в самостоятельный законодательный акт, посвященный охранительному воздействию, не требуется, так как представленные средства носят регулятивный характер; достаточно их включения в единый арсенал средств, предусмотренных в соответствующем регламенте или стандарте. Формальная противоправность поступка вовсе не свидетельствует о его опасности (вредности, нежелательности и пр.) для социума. Есть лишь отклонение от заданной оптимальной линии поведения, от порядка управления, который навязан административной властью, в связи с чем можно утверждать, что корректирующие и компенсирующие меры лишь дисциплинируют, но не наказывают.

¹ Постановление ФАС Поволжского округа от 6 июля 2007 г. № А65-324/07; постановления ФАС Северо-Западного округа от 12 июля 2007 г. № А56-52293/2006, от 7 августа 2007 г. № А66-389/2007.

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2008 г. № 17АП-1763/2008-АК.

³ Постановление ФАС Уральского округа от 2 декабря 2008 г. № Ф09-9077/08-С1.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2011 г. № 09АП-5549/2011-АК.

Список литературы

- Александрова Р. С. К вопросу о законотворчестве субъектов РФ в области установления административной ответственности // Российская юстиция. 2010. № 9.
- Анганзоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. 2009. № 2.
- Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1.
- Болотин В. С., Старостин Б. А. Проблемы правового регулирования субъектами России вопросов административной ответственности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ // Административное право и процесс. 2010. № 4.
- Брциева З. Г. Коллизия норм по передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях субъектами Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 15.
- Головкин Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russica. 2016. № 1.
- Иванов И. С. Продажа товара с истекшим сроком годности: уголовная или административная ответственность? // СПС «КонсультантПлюс». 2011.
- Ильин И. В. Вопросы установления административной ответственности за нарушение правил обеспечения безопасности как меры охранительного предупреждения экономической преступности // Российский следователь. 2012. № 9.
- Киринов А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7.
- Кисин В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7.
- Лыков В. А. Соотношение административной и уголовной ответственности // Законность. 2010. № 5.
- Масленников М. Я. Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности: правотворчество и центробежные импровизации // Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А. С. Дугенец. М., 2008.
- МВД предложило ужесточить наказание за насилие в семье // НТВ. 2017. 17 дек. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580/>.
- Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2.
- Немова О. Ю. Изменение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с деятельностью филиалов (представительств) юридического лица // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 2.
- Панкова О. В. Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика применения КоАП РФ // Журнал российского права. 2004. № 1.
- Попугаев Ю. И. О внутриотраслевой коллизии норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, способы ее разрешения // Административное право и процесс. 2013. № 10.
- Пурге А. Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. № 9.
- Россинский Б. В. О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 6.
- Сырых В. М., Панкратов И. Ф. Дисциплинарная и административная ответственность за экологические преступления // Журнал российского права. 1998. № 7.
- Федосеева Н. Н., Чугунов Н. А. Совершенствование механизмов привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, уклоняющихся от призыва // Военно-юридический журнал. 2010. № 9.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М., 2015.
- Хоменко А. Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1.
- Чаннов С. Е. Состав административного правонарушения как основание административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». 2008.
- Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении: курс лекций. М., 2003 (Сер.: Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6).
- Ядыкин Ю. Уголовная и административная ответственность за хищение // Законность. 2006. № 1.

References

- Aleksandrova R. S. K voprosu o zakonotvorchestve sub"ektov RF v oblasti ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti // Rossiiskaya yustitsiya. 2010. № 9.
- Anganzorov O. Privlechenie litsa k ugovolnoi otvetstvennosti posle privlecheniya ego k administrativnoi otvetstvennosti za to zhe pravonarushenie // Zakonnost'. 2009. № 2.
- Antonovich E. K., Osipov A. L. Aktual'nye voprosy primeneniya instituta administrativnoi preydutsii v ugovnom sudoproizvodstve // Advokat. 2017. № 1.
- Bolotin V. S., Starostin B. A. Problemy pravovogo regulirovaniya sub"ektami Rossii voprosov administrativnoi otvetstvennosti v sfere oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Administrativnoe pravo i protsess. 2010. № 4.
- Brtsieva Z. G. Kolliziya norm po peredache MVD Rossii chasti polnomochii po sostavleniyu protokolov ob administrativnykh pravonarusheniyakh sub"ektami Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii sledovatel'. 2016. № 15.
- Channov S. E. Sostav administrativnogo pravonarusheniya kak osnovanie administrativnoi otvetstvennosti // SPS «Konsul'tantPlyus». 2008.
- Fedoseeva N. N., Chugunov N. A. Sovershenstvovanie mekhanizmov privlecheniya k ugovolnoi i administrativnoi otvetstvennosti lits, uklonyayushchikhsya ot prizyva // Voенно-юридический журнал. 2010. № 9.
- Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / per. s nem. E. M. Telyatnikovoi. M., 2015.
- Golovko L. V. Razgranichenie administrativnoi i ugovolnoi otvetstvennosti po rossiiskomu pravu // Lex Russica. 2016. № 1.
- Il'in I. V. Voprosy ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti za narushenie pravil obespecheniya bezopasnosti kak mery okhranitel'nogo preduprezhdeniya ekonomicheskoi prestupnosti // Rossiiskii sledovatel'. 2012. № 9.
- Ivanov I. S. Prodazha tovara s istekshim srokom godnosti: ugovlnaya ili administrativnaya otvetstvennost'? // SPS «Konsul'tantPlyus». 2011.
- Khomenko A. N. Problemy ispol'zovaniya administrativnoi preydutsii v ugovnom prave // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. 2017. № 1.
- Kirin A. V. Eshche raz o genezise administrativnoi otvetstvennosti v rossiiskom prave (ili otvet stonnikom «shirokogo» ugovlnogo prava) // Administrativnoe pravo i protsess. 2013. № 7.
- Kisin V. R. Sostoyanie granitsy mezhdu administrativnoi i ugovolnoi otvetstvennost'yu // Administrativnoe pravo i protsess. 2016. № 7.
- Lykov V. A. Sootnoshenie administrativnoi i ugovolnoi otvetstvennosti // Zakonnost'. 2010. № 5.
- Maslennikov M. Ya. Zakonodatel'stvo sub"ektov Rossiiskoi Federatsii ob administrativnoi otvetstvennosti: pravotvorchestvo i tsentrobezhnye improvizatsii // Administrativnyi protsess: teoriya i praktika / otv. red. A. S. Dugenets. M., 2008.
- Meshcheryakova T. R. Administrativnaya otvetstvennost' za oskorblenie // Administrativnoe pravo i protsess. 2014. № 2.
- MVD predlozhilo uzhestochit' nakazanie za nasilie v sem'e // NTV. 2017. 17 dek. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1963580/>.
- Nemova O. Yu. Izmenenie sudebnoi praktiki rassmotreniya del ob administrativnykh pravonarusheniyakh, svyazannykh s deyatelnost'yu filialov (predstavitel'stv) yuridicheskogo litsa // Vestnik Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy. 2008. № 2.
- Pankova O. V. Administrativnaya otvetstvennost' za nalogovye prestupleniya: problemy i sudebnaya praktika primeneniya KoAP RF // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 1.
- Popugaev Yu. I. O vnutriotraslevoi kollizii norm, predusmatrivayushchikh administrativnuyu i ugovlnuyu otvetstvennost', sposoby ee razresheniya // Administrativnoe pravo i protsess. 2013. № 10.
- Purge A. R. Administrativnaya otvetstvennost' v semeinykh pravootnosheniyakh // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2017. № 9.
- Rossinskii B. V. O polnomochiyakh Rossiiskoi Federatsii i sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v oblasti ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i protsess. 2015. № 6.
- Shchedrovitskii G. P. Protsessy i struktury v myshlenii: kurs lektsii. M., 2003 (Ser.: Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo. T. 6).
- Syrykh V. M., Pankratov I. F. Distsiplinarnaya i administrativnaya otvetstvennost' za ekologicheskie prestupleniya // Zhurnal rossiiskogo prava. 1998. № 7.
- Yadykin Yu. Ugolvnaya i administrativnaya otvetstvennost' za khishchenie // Zakonnost'. 2006. № 1.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Попов Алексей Викторович

Заместитель начальника межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 12 по Омской области, советник государственной гражданской службы РФ 2-го класса (Омск),
e-mail: a_popov55@bk.ru

В статье рассматриваются материально-правовые и процессуально-правовые вопросы привлечения граждан к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица (ч. 1 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). На основании анализа нормативных правовых актов и практики возбуждения дел об указанном правонарушении автор делает вывод о необходимости уточнения ряда норм КоАП РФ.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, административная ответственность, событие правонарушения, состав правонарушения, возбуждение дела об административном правонарушении

SOME ISSUES OF BRINGING CITIZENS TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Popov Alexei

Deputy head of the Interdistrict Tax Office no. 12 of the Federal Tax Service Administration in the Omsk region (Omsk),
e-mail: a_popov55@bk.ru

The article analyzes the substantive and procedure legal issues of bringing citizens to administrative responsibility for entrepreneurial activities without state registration as an individual entrepreneur or legal entity (an administrative offense provided for by p. 1 of Art. 14.1 of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation). Based on the analysis of legal acts and practice of initiating administrative proceedings the author concludes that there is the need to clarify a number of norms of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation.

Key words: illegal entrepreneurship, administrative responsibility, fact of an offense, constituent elements of an offence, initiation of administrative proceedings

Одним из неблагоприятных последствий осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации (далее – незаконное предпринимательство) является привлечение граждан к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Возбуждение дела об административном правонарушении возможно только при наличии материального и процессуального оснований. Отсутствие их совокупности или существенное нарушение процедуры возбуждения дела исключают применение в отношении лица административного наказания.

Как показывает практика (изучены материалы 100 дел о незаконном предпринимательстве, рассмотренных мировыми судьями в 2017 г. в различных субъектах Российской Федерации), каждое десятое дело о незаконном предпринимательстве прекращается по причине ошибок, допущенных на этапе квалификации административного правонарушения и возбуждения дела о нем. Учитывая это, выделим наиболее

проблемные моменты при определении оснований для привлечения к административной ответственности лица, занимающегося незаконным предпринимательством.

Материальные основания возбуждения дела о незаконном предпринимательстве

1. Событие административного правонарушения. Отсутствие события правонарушения выступает обстоятельством, при котором производство по делу не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению (п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ).

КоАП РФ не содержит определения понятия «событие административного правонарушения», что порождает споры по данному вопросу¹. Вместе с тем анализ понятия административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ), а также судебной практики позволяет предположить, что наиболее точная дефиниция понятия события административного правонарушения дана Л. А. Тихомировой, которая понимает под ним «совершенное противоправное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность»².

Опираясь на данное определение, можно сказать, что предпринимательская деятельность является незаконной только в тех случаях, когда имеется совокупность конкретных факторов. Во-первых, в деянии лица должны содержаться признаки предпринимательской деятельности, указанные в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ³. Во-вторых, лицо не должно обладать специальным статусом, возникающим только после государственной регистрации такой деятельности. В-третьих, факт незаконного предпринимательства должен подтверждаться доказательствами, обладающими признаками допустимости, относимости и достаточности. Отсутствие совокупности указанных факторов влечет за собой либо невозможность возбуждения дела об административном правонарушении, либо вынесение постановления о прекращении уже возбужденного дела⁴. Вместе с тем законодательная нерешенность некоторых правовых вопросов затрудняет выявление совокупности этих факторов.

Одним из признаков предпринимательской деятельности служит систематическое получение прибыли, однако в российском законодательстве отсутствует единое определение понятия систематичности, что приводит к значительному субъективизму в оценке того или иного действия, направленного на получение дохода. При одинаковых обстоятельствах совершенного деяния разные суды принимают различные решения относительно наличия или отсутствия события правонарушения⁵.

В связи со сказанным представляется целесообразным более четкое закрепление понятия систематичности для случаев осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации. На наш взгляд, в качестве систематических можно расценивать действия, схожие по своему характеру и повторяющиеся два и более раза в течение года. Нельзя не отметить, что в некоторых областях административного права подобное положение уже имеет место (п. 11 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 120 Налогового кодекса РФ).

Еще одним признаком предпринимательской деятельности, вызывающим дискуссию, является использование лицом своего имущества в целях получения системати-

¹ См., например: Агапов А. Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях: в 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004; Ефимова Е. И. Об особенностях привлечения к административной ответственности за неиспользование земельных участков по целевому назначению // Экологическое право. 2018. № 4. С. 47–50.

² Тихомирова Л. А. Нюансы законодательства об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

³ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁴ См., например: постановление мирового судьи судебного участка № 1 Орловского района Орловской области от 17 ноября 2016 г. по делу № 5-800/2016; постановление Верховного Суда РФ от 30 июня 2006 г. № 53-ад06-2.

⁵ См., например: постановление мирового судьи судебного участка № 1 Орловского района Орловской области от 17 ноября 2016 г. по делу № 5-800/2016; постановление мирового судьи судебного участка № 3 Железнодорожного района г. Пензы от 25 мая 2017 г. по делу № 5-458/2017.

ческого дохода. Сложность ситуации заключается в том, что в силу норм Конституции РФ (ч. 1 ст. 34) и ГК РФ (ст. 209, 210, 608) собственник вправе самостоятельно распоряжаться своим имуществом, в том числе сдавать его в аренду, не имея статуса индивидуального предпринимателя или юридического лица. Данные положения не подвергались сомнению в судебной практике¹, однако не так давно Верховный Суд РФ указал, что «объективным критерием для квалификации деятельности... по передаче имущественных прав на недвижимое имущество как предпринимательской является предполагаемое назначение нежилых помещений, а также вид разрешенного использования земельных участков, на которых расположены нежилые помещения»². Таким образом, при оценке права лица сдавать в аренду свое имущество в отсутствие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица правоприменителю необходимо учитывать функциональное назначение этого имущества.

На наш взгляд, эта позиция высшего судебного органа должна найти отражение в правовых нормах, определяющих суть предпринимательской деятельности.

Что касается специального статуса, возникающего только после государственной регистрации предпринимательской деятельности, нельзя не отметить, что законодательство все же допускает предпринимательскую деятельность без государственной регистрации. Это возможно при различных вариантах самозанятости в рамках Федерального закона от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» либо Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“ в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным уточнить диспозицию ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ в целях выведения из-под ее действия случаев, когда государственная регистрация предпринимательской деятельности не является обязательной.

Таким образом, упростить процедуру выявления события незаконного предпринимательства возможно за счет: 1) законодательного закрепления определения понятия «событие административного правонарушения»; 2) законодательного раскрытия понятия «систематичность» в отношении предпринимательской деятельности; 3) законодательного урегулирования вопроса использования личного имущества, имеющего «коммерческое» назначение, в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, путем внесения соответствующих изменений в положения ГК РФ; 4) дополнения диспозиции ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ словами «если такая регистрация является обязательной».

2. Состав административного правонарушения. Состав правонарушения включает такие элементы, как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Отсутствие одного из них не позволяет возбудить дело об административном правонарушении, а если оно все же возбуждено, то подлежит прекращению (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ).

Общим объектом состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, выступают общественные отношения в области предпринимательской деятельности. Непосредственный объект определяется как общеобязательное правило: реализация права на занятие предпринимательской деятельностью влечет за собой обязанность ее государственной регистрации.

В большинстве случаев объективную сторону данного правонарушения можно охарактеризовать комплексно – как действие, направленное на получение прибыли, и одновременно бездействие, влекущее отсутствие государственной регистрации.

Субъектом незаконного предпринимательства может выступать только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и действующее самостоятельно. Юридическое лицо не может быть субъектом этого правонарушения в силу ст. 51 и 63 ГК РФ, а также Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной реги-

¹ См., например: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23, от 10 января 2012 г. № 51-АД11-7.

² Определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2018 г. № 16-КП18-17.

страции юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», согласно которым правоспособность организации возникает с момента внесения записи о ее создании и прекращается с момента внесения записи о ее ликвидации в Единый государственный реестр юридических лиц.

Лицо, действующее в рамках трудового договора, не может привлекаться к административной ответственности за незаконное предпринимательство, однако фактическое наличие трудовых отношений является обстоятельством, подлежащим выяснению в рамках производства по делу. Судебная практика показывает, что при установлении формального характера трудового договора (т. е. когда его заключение в действительности не направлено на возникновение взаимных прав и обязанностей сторон) лицо, в отношении которого ведется производство, подлежит привлечению к административной ответственности¹.

Субъективная сторона незаконного предпринимательства может выражаться в форме умысла или неосторожности. В ряде случаев лицо понимает, что отсутствие государственной регистрации формирует благоприятные условия для неуплаты налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей. Наступление этих последствий может быть результатом как желания (прямой умысел), так и безразличного отношения к их возникновению (косвенный умысел).

В то же время отсутствие законодательного закрепления понятия «систематичность» обуславливает возможность совершения рассматриваемого правонарушения по неосторожности.

Процессуальные основания возбуждения дела о незаконном предпринимательстве

1. Наличие повода к возбуждению дела и соблюдение требований, предъявляемых к протоколу об административном правонарушении. Исходя из анализа положений ст. 28.1 КоАП РФ можно сделать вывод, что в отношении незаконного предпринимательства поводами к возбуждению дела об административном правонарушении выступают:

непосредственное обнаружение правонарушения должностными лицами, уполномоченными составлять соответствующие протоколы (п. 1 ч. 1);

поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения (п. 2 ч. 1);

сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения (п. 3 ч. 1).

Протокол об административном правонарушении может быть составлен при наличии хотя бы одного из указанных поводов. При этом возбуждение дела по первому из них не требует обязательного проведения какой-либо проверки².

С учетом п. 3 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ в случае обнаружения признаков незаконного предпринимательства дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления соответствующего протокола или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела (ст. 28.4 КоАП РФ). Протокол об административном правонарушении может быть составлен только уполномоченными должностными лицами. Применительно к незаконному предпринимательству ими выступают:

а) должностные лица органов внутренних дел (полиции) (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

б) должностные лица территориальных органов Федеральной налоговой службы России, за которыми закреплены функции государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – регистрирующие органы) (п. 8 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, п. 5.3.1 Положения о Федеральной налоговой службе³);

¹ Решение Центрального районного суда г. Тольятти от 24 августа 2017 г. по делу № 12-349/2017.

² См., например: постановления Верховного Суда РФ от 29 июля 2016 г. № 310-АД16-2724 по делу № А23-4959/2014, от 22 августа 2017 г. № 11-АД17-37.

³ Утверждено постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506.

в) должностные лица Банка России (п. 81 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

г) должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при условии, что передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий (абз. 4 ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ).

Использование повода, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ, предполагает установление личности лица, совершившего правонарушение (ст. 28.2 КоАП РФ). Идентификация личности должна быть проведена по документам установленной формы (например, паспорт, военный билет и т. п.); в противном случае личность лица считается неустановленной, а составленный протокол не повлечет за собой правовых последствий, что подтверждается судебной практикой¹. Если установить личность нарушителя не представляется возможным при непосредственном обнаружении правонарушения, то к гражданину могут быть применены меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренные гл. 27 КоАП РФ.

Вместе с тем в настоящее время из перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, лишь сотрудники полиции наделены правом проверки документов, удостоверяющих личность гражданина², и правом применять меры обеспечения производства по делу, направленные на установление личности (например, доставление).

Таким образом, действующим законодательством, в том числе КоАП РФ, создаются условия, при которых деятельность должностных лиц регистрирующих органов, Банка России и уполномоченных органов субъектов РФ, направленная на непосредственное обнаружение фактов незаконного предпринимательства и составление соответствующих протоколов об административных правонарушениях, в большинстве случаев неэффективна при отсутствии сотрудника полиции.

На наш взгляд, такая ситуация требует законодательного реагирования, одним из вариантов которого может стать наделение должностных лиц перечисленных выше государственных органов правом применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, например, в виде доставления гражданина в служебное помещение.

Использование поводов к возбуждению дела по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, предусмотренных пп. 2–3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ, также не лишено трудностей. В первую очередь они обусловлены необходимостью вызова лица, в отношении которого поступила информация об осуществлении им предпринимательской деятельности без государственной регистрации, для составления протокола об административном правонарушении. С одной стороны, законодатель не ограничивает правоприменителя в выборе способа вызова лица, оставляя перечень этих способов открытым. С другой – факт вручения соответствующего извещения должен быть зафиксирован (ч. 1 ст. 25.15 КоАП РФ). Данные положения подтверждаются и правовой позицией Верховного Суда РФ³.

При таких обстоятельствах самым надежным способом вызова правонарушителя для составления протокола остается направление заказного письма. Это позволяет представить суду доказательства надлежащего уведомления лица, в отношении которого ведется производство по делу, о необходимости явки для составления протокола.

Вместе с тем использование почтовых отправок сегодня является самым затратным по времени и самым дорогим способом связи. Правоприменитель должен учитывать, что между датой фактической отправки уведомления и датой, назначенной для составления протокола, должно пройти не менее 34 дней. Этот срок обусловлен Правилами оказания услуг почтовой связи⁴, в соответствии с которыми при невозможности вручения адресату почтовое отправление хранится в течение 30 дней со

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 97 в Центральном судебном районе в г. Омске от 16 января 2017 г. по делу № 5-148/2017.

² Пункт 2 ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2009 года: утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г.

⁴ Утверждены приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 31 июля 2014 г. № 234.

дня его поступления в объект почтовой связи, и контрольными сроками пересылки письменной корреспонденции¹. В некоторых случаях (при удаленности места жительства вызываемого лица от места составления протокола) длительность срока между датой направления уведомления и датой составления протокола требует индивидуального определения и может составлять около 50 дней. Связано это с тем, что неявка надлежаще извещенного лица не препятствует составлению протокола в его отсутствие (ч. 4.1 ст. 28.2 КоАП РФ), но причины неявки всегда выступают предметом рассмотрения суда при разрешении дела².

Указанные временные затраты могут быть сокращены, если корреспонденция административных органов, направляемая в рамках производства по делам об административных правонарушениях, будет приравнена к категории «судебная», срок хранения которой в отделении почтовой связи составляет семь календарных дней³.

Помимо этого, на наш взгляд, сегодня взаимодействие между государственными органами и гражданами в рамках законодательства об административных правонарушениях должно предполагать приоритетное использование безбумажных форм связи (СМС-уведомление, отправка электронного письма, телефонограмма и т. п.). Это позволит сократить сроки, необходимые для надлежащего уведомления лиц, участвующих в делах об административных правонарушениях, и удешевить процедуру их вызова для осуществления процессуальных действий.

К сожалению, на текущий момент не сформировано положительной практики использования форм уведомления заинтересованных лиц по телекоммуникационным каналам связи. В ряде случаев их применение расценивается судами как нарушение положений ст. 28.2 КоАП РФ⁴. Изменить сложившуюся ситуацию возможно путем конкретизации положений ст. 25.15 КоАП РФ в части раскрытия формулировки «обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату».

2. Соблюдение сроков привлечения лица к административной ответственности. Согласно чч. 1 и 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, рассматриваются мировыми судьями. По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, постановления о назначении административного наказания по таким делам не могут быть вынесены по истечении трех месяцев со дня совершения правонарушения. Однако большое значение здесь имеет квалификация правонарушения в качестве длящегося, так как в соответствии с ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ срок привлечения к ответственности по таким правонарушениям начинается исчисляться не со дня совершения правонарушения, а со дня его обнаружения.

К сожалению, законодатель не раскрывает признаки длящегося правонарушения, как и не дает ответа на вопрос о том, со дня обнаружения кем именно начинается исчисляться срок привлечения к ответственности за его совершение. В настоящее время данные вопросы урегулированы п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», согласно которому «длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей... Днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения».

¹ Постановление Правительства РФ от 24 марта 2006 г. № 160 «Об утверждении нормативов частоты сбора из почтовых ящиков, обмена, перевозки и доставки письменной корреспонденции, а также контрольных сроков пересылки письменной корреспонденции».

² Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях».

³ Приказ ФГУП «Почта России» от 5 декабря 2014 г. № 423-п «Об утверждении Особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда „Судебное“».

⁴ См., например: постановления Верховного Суда РФ от 9 февраля 2015 г. № 310-АД14-6262, от 7 ноября 2017 г. № 2-АД17-6; решение Волжского районного суда г. Саратова от 8 февраля 2016 г. № 12-92/2016 12-997/2015 по делу № 12-92/2016.

На текущий момент судебная практика по вопросу отнесения незаконного предпринимательства к категории длящихся правонарушений складывается по-разному. При рассмотрении дел большинство судов квалифицируют осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации как длящееся правонарушение и назначают административное наказание в течение трех месяцев со дня его обнаружения лицом, уполномоченным составлять соответствующий протокол¹. Однако в некоторых случаях срок привлечения к ответственности исчисляется судом со дня выявления факта незаконного предпринимательства лицом, не уполномоченным составлять протокол, ввиду чего материалы дел возвращаются в орган, их направивший, на основании п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ².

Вместе с тем, принимая во внимание, что объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, включает в себя, в том числе, неисполнение установленной законом обязанности, мы считаем необходимым квалифицировать его как длящееся правонарушение. На наш взгляд, для обеспечения единообразия судебной практики по данному вопросу положения п. 14 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ должны найти отражение в ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ.

Неоднозначная судебная практика складывается и по вопросу отнесения незаконного предпринимательства к группе правонарушений, связанных с нарушением законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, срок давности привлечения к ответственности за совершение которых составляет один год.

В абсолютном большинстве случаев суды рассматривают подобные дела в течение трех месяцев со дня совершения правонарушения³ (или со дня его выявления, что зависит от повода к возбуждению дела). Но есть и иная практика. Так, суд апелляционной инстанции, отменив постановление мирового суда о назначении административного наказания по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, направил дело на новое рассмотрение, посчитав, что «годовой срок привлечения к административной ответственности со дня совершения административного правонарушения... не истек»⁴. По нашему мнению, такая ситуация сигнализирует о проблеме неоднозначного толкования судами положений ст. 4.5 КоАП РФ.

С нашей точки зрения, под нарушениями законодательства Российской Федерации о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей законодатель понимает административные правонарушения, предусмотренные ст. 14.25 КоАП РФ. Данный вывод основан, в том числе, на анализе судебной практики привлечения граждан к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 14.1 и ст. 14.25 КоАП РФ⁵.

Вместе с тем в целях устранения возможных разногласий относительно срока привлечения к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации, на наш взгляд, целесообразно уточнить ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, дополнив ее после слов «о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» словами «(в части административных правонарушений, предусмотренных статьей 14.25 настоящего Кодекса)». Подобные законодательные формулировки уже используются при описании ряда составов правонарушений (например, ст. 15.39, 7.32.1, 7.32.4 КоАП РФ и др.).

¹ См., например: постановление мирового судьи судебного участка № 109 в Октябрьском судебном районе в г. Омске от 24 июля 2018 г. по делу № 5-4450/2018; постановление мирового судьи судебного участка № 51 в Кировском судебном районе в г. Омске от 1 марта 2018 г. по делу № 5-2076/2018 и др.

² Определения мирового судьи судебного участка № 70 в Октябрьском районе в г. Омске от 24 августа 2018 г. по делам № 5-5691/2018, 5-5692/2018.

³ См., например: решение Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 24 августа 2017 г. № 12-361/2017 по делу № 12-361/2017; определение мирового суда судебного участка № 106 в Кировском судебном районе в г. Омске от 1 августа 2016 г. по делу № 5-8529/2016 и др.

⁴ Решение Свердловского районного суда г. Костромы от 25 мая 2018 г. № 12-132/2018 по делу № 12-132/2018.

⁵ См., например: постановление Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 18-АД17-14; постановление мирового суда судебного участка № 2 Фрунзенского судебного района г. Ярославля от 23 декабря 2016 г. по делу № 5-487/2016; постановление мирового суда судебного участка № 2 Правобережного района г. Магнитогорска Челябинской области от 9 июня 2016 г. по делу № 3-309/2016 и др.

В заключение отметим, что, как показывает изучение 50 постановлений о прекращении производства по делам о незаконном предпринимательстве, вынесенных мировыми судьями в различных регионах России в 2016–2017 гг., наиболее часто применяемыми основаниями для прекращения производства являются отсутствие состава административного правонарушения (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ – 72 % дел) и истечение сроков давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ – 22 % дел).

Реализация сформулированных в настоящей статье предложений о внесении изменений в законодательство об административной ответственности за незаконное предпринимательство, как представляется, повысит эффективность предпринимаемых государством мер по предупреждению и пресечению данного вида административных правонарушений.

Список литературы

Агапов А. Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях: в 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Ефимова Е. И. Об особенностях привлечения к административной ответственности за неиспользование земельных участков по целевому назначению // Экологическое право. 2018. № 4.

Тихомирова Л. А. Нюансы законодательства об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

References

Agapov A. B. Postateinyi kommentarii k Kodeksu Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: v 2 kn. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2004.

Efimova E. I. Ob osobennostyakh privlecheniya k administrativnoi otvetstvennosti za neispol'zovanie zemel'nykh uchastkov po tselevomu naznacheniyu // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 4.

Tikhomirova L. A. Nyuansy zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh. // SPS «Konsul'tantPlyus». 2017.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ, БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ергашев Евгений Рашидович

Заведующий кафедрой прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук,
e-mail: ergashever@mail.ru

Бобина Римма Васильевна

Преподаватель кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: Rimma.uma@mail.ru

В статье анализируются вопросы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, привлечения родителей или иных законных представителей несовершеннолетних к административной ответственности. Авторы предлагают внести дополнения в ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в части ужесточения административной ответственности субъектов за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, что, по их мнению, будет способствовать повышению эффективности этой юридической нормы, а также сокращению масштаба нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: профилактика, семейное неблагополучие, безнадзорность, правонарушения несовершеннолетних, административная ответственность родителей

PROBLEMS OF PREVENTING FAMILY DISTRESS, NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

Ergashev Evgenii

Head of the chair, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: ergashever@mail.ru

Bobina Rimma

Senior lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: Rimma.uma@mail.ru

The article analyzes the prevention of family distress, neglect and juvenile delinquency, bringing parents or other legal representatives of minors to administrative responsibility. The authors propose to make additions to p. 1 of Art. 5.35 of the Administrative Offenses Code of the RF in order to tighten the administrative responsibility of subjects for non-performance or improper performance of duties for the maintenance and upbringing of minors, and this measure, in their opinion, will contribute to the effectiveness of the legal norm and reduce the scale of violations of minors' rights and legal interests.

Key words: prevention, family distress, neglect, juvenile delinquency, administrative responsibility of parents

Практика прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов, профилактике детской безнадзорности и подростковой преступности свидетельствует о том, что несовершеннолетние – самая незащищенная часть российского общества¹. Из-за бедности, пьянства, физического, пси-

¹ См., например: информационные письма Генеральной прокуратуры РФ от 28 июля 2011 г. № 72/2-23д-2011, от 31 января 2012 г. № 72/2-32д-2012, от 4 июля 2016 г. № 72/2-26д-2016, от 14 февраля 2017 г. № 72/2-29д-17.

хического, а иногда и сексуального насилия со стороны родителей, формального отношения должностных лиц органов и учреждений, обязанных оказывать помощь таким детям и принимать меры по их защите и устройству, несовершеннолетние часто оказываются на улице, становятся объектами преступных посягательств или попадают в криминальную среду.

Только на территории Свердловской области органами прокуратуры ежегодно выявляется более 11 тыс. нарушений законов о несовершеннолетних, по актам прокурорского реагирования к дисциплинарной и административной ответственности привлекается свыше 2,5 тыс. виновных должностных лиц¹. Всего на территории Свердловской области на учете в органах системы профилактики состоят более 3,3 тыс. неблагополучных семей, в которых проживает почти 6,5 тыс. детей². В связи с этим необходимо не только улучшение положения детей, проживающих в неблагополучных семьях, но и принятие определенных мер юридического характера, способствующих должному исполнению родителями своих обязанностей.

В соответствии с ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от 100 до 500 руб. Статистические данные свидетельствуют о том, что на территории Российской Федерации количество лиц, привлеченных к административной ответственности по данной статье, фактически не уменьшается³. Только в Свердловской области территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ ежегодно привлекаются от 10 тыс. человек⁴. Так, в 2017 г. около 12 тыс. родителей и иных законных представителей были подвергнуты административному наказанию по указанной статье⁵.

Поскольку практически все факты ненадлежащего исполнения родителями или иными законными представителями своих обязанностей по отношению к детям связаны со злоупотреблением спиртными напитками, нежеланием работать, низкими моральными качествами, предусмотренные КоАП РФ санкции в виде предупреждения и штрафа от 100 до 500 руб. часто оказываются малоэффективными. Лицам, привлекающимся к административной ответственности, комиссиями выносятся предупреждения или налагаются минимальные штрафы. Так, в 2017 г. предупреждения вынесены более 7 тыс. человек⁶.

Как показывает практика прокурорского надзора, применяемые санкции в большинстве случаев не выполняют ни превентивной, ни карательной роли, что свидетельствует о слабой результативности данной меры ответственности, поскольку некоторые родители повторно привлекаются к административной ответственности до 10–12 раз⁷. При этом родители как вели аморальный образ жизни, так и продолжают вести. Так, отец 15-летнего подростка, проживающий в г. Каменск-Уральский Свердловской области, в течение 10 месяцев семь раз привлекался комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в виде предупреждения и административного штрафа, иные меры воздействия к нему не применялись. Лишь после совершения подростком, находящимся в социально опасном положении, тяжкого преступления отец был лишен родительских прав.

¹ Состояние законности на территории Свердловской области и основные показатели работы органов прокуратуры за 2016 год // Сборник прокуратуры Свердловской области. Екатеринбург, 2016. С. 91–95; Состояние законности на территории Свердловской области и основные показатели работы органов прокуратуры за 2017 год // Сборник прокуратуры Свердловской области. Екатеринбург, 2017. С. 92–97; Состояние законности на территории Свердловской области и основные показатели работы органов прокуратуры за 2018 год // Сборник прокуратуры Свердловской области. Екатеринбург, 2018. С. 94–103.

² Номенклатурное дело № 21-30-2016 // Архив прокуратуры Свердловской области.

³ Информационные письма Генеральной прокуратуры РФ от 20 июля 2004 г. № 21-21-04, от 28 июля 2011 г. № 72/2-23д-2011, от 14 февраля 2017 г. № 72/2-29д-17.

⁴ Статистический отчет о работе территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Свердловской области за 2017 год. URL: <http://kdnzp.midural.ru>.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Номенклатурные дела № 21-30-2016, 21-30-2017 // Архив прокуратуры Свердловской области.

Казалось бы, на поверхности лежит вопрос о внесении изменений в ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в целях увеличения штрафных санкций. К тому же данная санкция была установлена еще при принятии КоАП РФ в 2001 г. и не соответствуют степени опасности совершаемых в настоящее время в отношении детей противоправных деяний. Например, прокуратурой Пригородного района Свердловской области выявлено, что мать двух малолетних детей, злоупотребляя спиртными напитками, неоднократно на длительное время оставляла их без еды и присмотра в антисанитарных условиях. В результате дети с различными заболеваниями помещались в стационар детской больницы. Несмотря на то что мать неоднократно привлекалась к административной ответственности по указанной статье в виде предупреждения и штрафа, улучшения ситуации в семье не происходило. Только по иску прокуратуры она была лишена родительских прав, а дети определены в интернатное учреждение.

Следовательно, та мера ответственности, которая предусмотрена ч. 1 ст. 5.35. КоАП РФ, не имеет серьезного предупредительного значения по защите детей от нерадивых родителей, недобросовестных должностных лиц учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. (В этих учреждениях, как показывает практика, также имеют место факты ненадлежащего исполнения обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и законных интересов несовершеннолетних¹.)

Нельзя не отметить, что за неисполнение родителями или иными законными представителями своих обязанностей наложенные комиссиями штрафы в соответствии с санкцией ч. 1 ст. 5.35. КоАП РФ зачастую не взыскиваются². Это объясняется, во-первых, тяжелым материальным положением нарушителей, которые часто не имеют постоянного места работы и стабильного источника доходов, а во-вторых, низкой требовательностью судебных приставов. Родители, привлекаемые к административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию своих детей, в большинстве случаев злоупотребляют спиртными напитками либо употребляют наркотические средства или токсические вещества и имеют единственный источник доходов – детское пособие либо случайные заработки. Так, территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав Свердловской области в 2017 г. с правонарушителей взыскано только 48 % от всей суммы наложенных штрафов³.

Необходимо согласиться с мнением Л. Ю. Михеевой, которая отмечает, что федеральное законодательство об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании⁴. Полагаем, что санкция ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в текущей редакции требует ужесточения.

Многие исследователи и практики предлагают увеличить размер административного штрафа, налагаемого на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних. В частности, Л. Ю. Михеева указывает, что ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в действующей редакции «предусматривает ничтожно малые санкции к родителям и замещающим их лицам, несоизмеримые объему причиненного их действиями вреда... Как представляется, следует повысить размер штрафов»⁵.

Г. Ф. Хаметдинова предлагает «в случае повторности административного правонарушения... ужесточить санкцию части 1 статьи 5.35 Кодекса аналогично части 2 этой же статьи, а именно увеличить размер административного штрафа и в качестве альтернативного наказания предусмотреть административный арест сроком до пяти суток»⁶. Аналогичные предложения высказывают Е. В. Аристов и Г. Г. Фахрутдинова⁷.

¹ Номенклатурные дела № 21-13-2015, 21-30-2016, 21-30-2017 // Архив прокуратуры Свердловской области.

² Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 14 февраля 2017 г. № 72/2-29д-17 // Архив прокуратуры Свердловской области.

³ Статистический отчет о работе территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Свердловской области за 2017 год.

⁴ Михеева Л. Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16–24.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Хаметдинова Г. Ф. Основания ответственности родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 98–107.

⁷ Аристов Е. В., Фахрутдинова Г. Г. Совершенствование административного законодательства о привлечении законных представителей несовершеннолетних к административной ответственности // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 17–24.

По их мнению, в случае повторного в течение года привлечения по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ необходимо применять к нарушителям более строгое наказание в виде увеличения штрафа или административного ареста как альтернативного наказания.

Вместе с тем, учитывая практику прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и опираясь на свой многолетний опыт службы в органах прокуратуры Свердловской области, считаем, что увеличение штрафных санкций за административное правонарушение по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в первую очередь отрицательно скажется на материальном положении семьи (в том числе детей), а следовательно, не может стать эффективной мерой пресечения подобного рода правонарушений. Более того, предложенная мера административного наказания в виде административного ареста сроком до пяти суток отрицательно отразится на несовершеннолетних детях, которые на указанный срок нахождения родителей или иных законных представителей под административным арестом останутся не только без их попечения и содержания, но и без должного контроля и надзора.

Полагаем, что постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 апреля 2010 г. № 3499-5 ГД в 2010 г. был совершенно справедливо отклонен внесенный в Государственную Думу Государственным собранием – Курултаем Республики Башкортостан законопроект № 291005-5 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривающий увеличение штрафных санкций по ст. 5.35 и 5.36 КоАП РФ.

В то же время с учетом сложного материального положения неблагополучных семей, роста количества таких семей, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, увеличения числа родителей и иных законных представителей, привлеченных к административной ответственности, введение более жестких санкций по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ необходимо. Предлагаем установить для родителей и иных законных представителей несовершеннолетних помимо уже существующих санкций – предупреждения или наложения административного штрафа от 100 до 500 руб. – такую меру ответственности, как обязательные работы. Данное предложение нашло поддержку у сотрудников органов опеки и попечительства, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, иных органов и учреждений системы профилактики, чья деятельность непосредственно связана с неисполнением родителями и иными законными представителями своих обязанностей.

В связи со сказанным представляется необходимым дополнить санкцию ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции: «...влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей либо обязательных работ от двадцати до двухсот часов». Административное наказание в виде обязательных работ является более жестким способом воздействия на правонарушителей в целях предупреждения совершения ими повторных злодеяний, чем предупреждение или штраф, а также будет дисциплинировать их в рамках исполнения самого наказания, поскольку уклонение лица от отбывания обязательных работ образует самостоятельный состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 20.25 КоАП РФ.

Указанный вид административного наказания может назначаться только судьей, соответственно, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав должны будут передавать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в предлагаемой нами редакции, на рассмотрение судьи.

Полагаем, что данная мера административной ответственности будет способствовать повышению эффективности юридической нормы, устанавливающей административное наказание за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, сокращению масштаба нарушений прав и законных интересов детей, противодействию семейному неблагополучию и социальному сиротству при живых родителях, а также в целом профилактике безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Список литературы

Аристов Е. В., Фахрутдинова Г. Г. Совершенствование административного законодательства о привлечении законных представителей несовершеннолетних к административной ответственности // Административное и муниципальное право. 2018. № 6.

Михеева Л. Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4.

Хаметдинова Г. Ф. Основания ответственности родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1.

References

Aristov E. V., Fakhrutdinova G. G. Sovershenstvovanie administrativnogo zakonodatel'stva o privlechenii zakonnykh predstavitelei nesovershennoletnikh k administrativnoi otvetstvennosti // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 6.

Khametdinova G. F. Osnovaniya otvetstvennosti roditelei (inykh zakonnykh predstavitelei) nesovershennoletnikh za neispolnenie obyazannostei po ikh sodержaniyu i vospitaniyu // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2014. № 1.

Mikheeva L. Yu. Otvetstvennost' roditelei za vospitanie detei: napravleniya reformy zakonodatel'stva // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2005. № 4.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПРОКУРОРА

Оносов Юрий Викторович

Доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: onosov_nn@mail.ru

В статье рассматриваются понятие требований прокурора, поводы и основания для привлечения к ответственности за неисполнение законных требований прокурора; дается оценка эффективности исполнения требований прокурора с точки зрения юридической практики их обжалования.

Ключевые слова: прокурор, требование, неисполнение, ответственность

LEGAL PRACTICE OF MEETING THE PROSECUTOR'S REQUIREMENTS

Onosov Yuri

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: onosov_nn@mail.ru

The article discusses the concept of prosecutor's requirements, the reasons and grounds for bringing to administrative responsibility for violating the prosecutor's requirements; it also assesses whether the implementation of the prosecutor's requirements is effective enough in terms of the legal practice of appealing them.

Key words: prosecutor, requirement, non-execution, responsibility

Вопрос о том, имеются ли сегодня у прокурора действенные средства реагирования на выявленные нарушения закона или же он практически лишен таких средств, по-прежнему актуален. Теоретическая составляющая этой проблемы проанализирована в значительном количестве научных работ¹. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть существующие подходы к пониманию требований прокурора, а также типичные ошибки прокуроров при формулировании письменных требований.

По мнению Е. Р. Ергашева, в доктрине прокурорского надзора под требованием прокурора следует понимать «выраженное в категоричной форме распоряжение прокурора, изложенное в резолютивной части акта прокурорского реагирования, либо подлежащее безусловному обязательному исполнению распоряжение прокурора, носящее устный либо письменный характер»². В данном определении отражены законодательные положения относительно требований прокурора, вытекающих из его полномочий, предусмотренных п. 1 ст. 22 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре). Так,

¹ См., например: Пригорща П. А. Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011; Ергашев Е. Р. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, как новый вид актов прокурорского реагирования // Уголовное право. 2007. № 6; Викторов И. Ответственность за неисполнение законных требований прокурора // Законность. 1999. № 9; Анисимов В. С. Исполнение командованием требований военного прокурора, изложенных в актах прокурорского реагирования // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2007. № 5; Сабуров Р. С. Особенности требований прокурора в актах прокурорского реагирования // Закон и право. 2011. № 7; Субанова Н. В. Требование прокурора о привлечении лиц, нарушивших закон, к дисциплинарной ответственности: оптимизация правовой модели // Вестник академии Генеральной прокуратуры. 2014. № 5; Терещук С. С. Административная ответственность должностных лиц воинской части за неисполнение законных требований прокурора: пути повышения эффективности // Право в вооруженных силах. 2015. № 4 и др.

² Ергашев Е. Р. Указ. соч. С. 80.

в данной правовой норме указано, что прокурор имеет право на «беспрепятственный вход при предъявлении служебного удостоверения на территории поднадзорных субъектов, что представляет собой возможность фактического попадания прокурора в нужное место и к нужному лицу, а не просто пересечения проходной территории или порога помещения»¹. В случае предъявления служебного удостоверения и оформления надлежащего уведомления о проведении прокурорской проверки прокурор вправе на территории поднадзорного субъекта знакомиться с документами и материалами в целях получения информации о нарушениях закона. Представляется, что устные требования, сформулированные прокурором при осуществлении проверочных мероприятий, входят в объем понятия «требование прокурора».

В юридической науке одну из первых попыток комплексного исследования понятия «требования прокурора» предпринял П. А. Пригорща. По его мнению, требование прокурора – «составляющий компонент средства прокурорского реагирования, структурный, расположенный в резолютивной части средства прокурорского реагирования элемент, представляющий властно-волевое предложение прокурора, направленный на принуждение к исполнению закона, а также распоряжение о сроках и порядке направления прокурору сведений о рассмотрении изложенного требования»².

На наш взгляд, данное определение можно дополнить признаком обязательности требований прокурора, а также ссылкой на устную и письменную форму их выражения. Требование прокурора – обязательное для исполнения властно-волевое веление (указание) прокурора, вытекающее из его полномочий, направленное на обеспечение исполнения закона, расположенное в резолютивной части средства прокурорского реагирования, акте прокурорского реагирования либо заявленное прокурором в устной форме при осуществлении проверочных действий.

С. В. Бажанов отмечает, что в пп. 1–3 ст. 6 Закона о прокуратуре говорится о требовании прокурора как об акте прокурорского реагирования, проистекающем из его полномочий, перечисленных в ст. 9.1, 22, 27, 30 и 33, и подлежащем обязательному исполнению в соответствующий срок, что определяет его письменную форму³. Вместе с тем мы не можем согласиться с позицией автора о том, что требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре, всегда изложены в письменном виде.

Согласно п. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре при наличии оснований прокурор уполномочен требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к ответственности, предупреждая их о недопустимости подобных действий в будущем. В ст. 27, регламентирующей полномочия прокурора при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (его предмет обозначен в п. 1 ст. 26), законодатель отсылает правоприменителя к ст. 22 и использует такие формулировки, как «принимает меры», «предъявляет и поддерживает... иск...», «возбуждает производство», «передает сообщение».

Статья 6 Закона о прокуратуре устанавливает обязательность исполнения требований прокурора, вытекающих из надзорных направлений его деятельности, и предусматривает правовую ответственность за неисполнение таких требований.

Анализ материалов прокурорской практики показал, что поводами для решения о возбуждении административного производства по ст. 17.7 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за невыполнение законных требований прокурора, выступают: неисполнение требований прокурора об обязательном рассмотрении акта реагирования в установленный законом срок; неудовлетворение законных требований прокурора; нарушение сроков представления информации по запросу прокурора; отказ в проведении проверки по требованию прокурора; совершение правонарушений после объявления предупреждений о недопустимости нарушения закона; неиспол-

¹ Кузьмин В. А., Китрова Е. В. Комментарий к Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2007.

² Пригорща П. А. Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 10–11.

³ Бажанов С. В. Правовая природа требований прокурора и их место в числе других актов прокурорского реагирования // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 83.

нение требований по изменению нормативного правового акта органа местного самоуправления в связи с несоответствием нормам федерального законодательства¹; отказ от дачи объяснений в связи с нарушением закона; невыполнение указаний по уголовным делам².

Оценка эффективности исполнения требований прокурора связана с оценкой их законности. Указанные вопросы решаются в административном порядке вышестоящим прокурором либо в судебном порядке. Кроме того, при участии в производстве по делам рассматриваемой категории необходимо руководствоваться требованиями приказа Генерального прокурора РФ от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях», а также учитывать существующую судебную практику.

По данным информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ», всего за 2018 г. по ст. 17.7 КоАП РФ было вынесено 4606 судебных решений³. По 403 решениям (2,8 %) было прекращено производство в суде первой инстанции. По 206 решениям (52 %) производство было прекращено по мотиву отсутствия состава правонарушения; по 103 (26 %) – вследствие истечения сроков привлечения к административной ответственности. Среди иных мотивов прекращения производства были также отсутствие события административного правонарушения (40 решений, или 10 %), малозначительность (30 решений, или 7 %), недоказанность обстоятельств, на основании которых вынесено постановление (10 решений, или 3 %), крайняя необходимость (9 решений, или 2 %). По первой инстанции чаще всего производство прекращалось в Красноярском крае (25), Астраханской области (23), Пермском крае (18).

В апелляционном порядке было вынесено 224 решения об отмене постановления о назначении административного наказания с прекращением производства (1,6 %). Производство было прекращено по мотиву отсутствия состава правонарушения в 104 случаях (46 %), вследствие истечения сроков привлечения к административной ответственности – в 88 (39 %). В числе иных мотивов прекращения производства – недоказанность обстоятельств, на основании которых вынесено постановление (15 решений, или 6 %), малозначительность (10 решений, или 4 %), отсутствие события административного правонарушения (10 решений, или 4 %). В одном определении апелляционной инстанции в качестве мотива прекращения производства была указана крайняя необходимость.

Таким образом, к типичным ошибкам, допускаемым при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ, можно отнести следующие: отсутствие состава правонарушения; истечение сроков привлечения к административной ответственности; прекращение производства в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесено постановление; прекращение производства за малозначительностью; отсутствие события административного правонарушения. Такие ошибки, как несоблюдение сроков давности привлечения к административной ответственности, отсутствие состава административного правонарушения и др., подробно проанализированы Н. В. Субановой, О. В. Бобровой⁴.

На практике при осуществлении надзора прокуроры могут сталкиваться с проблемами, связанными с невыполнением их законных требований. Отступления от требований закона, актов судебных, правоохранительных и контрольно-надзорных органов отмечаются на всех уровнях общественных отношений – от бытовых правоотношений до взаимодействия федеральных органов государственной власти.

Мировые судьи в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ рассматривают подобные дела. Важно обратить внимание на срок исковой давности: согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок, в течение которого лицо может быть привлечено к ответственности за данное правонарушение, составляет один год с момента его совершения. Невыполнение изложенной в акте прокурорского реагирования обязанности в соответствующий срок

¹ Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах теории и практики применения ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за невыполнение законных требований прокурора // Винокуров А. Ю. Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избр. ст. М., 2012. С. 447.

² Там же. С. 5.

³ URL: <https://sudact.ru>.

⁴ Субанова Н. В., Боброва О. В. Вопросы судебной практики привлечения к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора // Законность. 2018. № 7. С. 8–9.

не является длящимся правонарушением (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5).

Принимая во внимание тот факт, что субъект правонарушения имеет возможность обжаловать судебное решение, которым вменяется обязанность представить в прокуратуру документы и информацию, обращение органов прокуратуры в суд не всегда является эффективным средством реагирования на нарушение закона. Обжалование подобных судебных решений может происходить в течение нескольких месяцев, что препятствует выполнению задач, возложенных на прокуратуру. По словам М. А. Магомедова, Ю. А. Шахаева, «зачастую создаются ситуации, когда правонарушителям выгоднее за невыполнение законных требований прокурора уплатить штрафы, существенно не отражающиеся на их финансовом и материальном положении (выигрывая тем самым время для принятия мер по устранению допущенных нарушений законов), чем быть привлеченными по результатам проведенных проверок к более строгим видам юридической ответственности»¹.

Сложилась юридическая практика, согласно которой правонарушителям выгодно оспаривать требования прокурора и фактически продолжать нарушать закон до тех пор, пока суд не разрешит спор². При этом за время рассмотрения дела в судах нарушитель скрывает подтверждение своей противоправной деятельности и иным образом создает препятствия в реализации законных прав граждан, организаций и государства.

Важным элементом состава административного правонарушения по ст. 17.7 КоАП РФ является умышленная форма вины. На практике складывается ситуация, когда соответствующими должностными лицами не направляется ответ на внесенное представление прокурора, должностное лицо не является по вызову прокурора для дачи объяснений по поводу нарушений законов, не представляются в срок истребованные документы и др. Вместе с тем, чтобы избежать административной ответственности, виновные должностные лица в суде доказывают неосторожную форму вины, что влечет прекращение производства по делу ввиду отсутствия состава административного правонарушения. Таким образом, не реализуется основополагающий принцип неотвратимости юридической ответственности. С указанной точкой зрения согласен начальник уголовно-судебного управления прокуратуры Новосибирской области А. Г. Власов, по мнению которого, «законодатель, предусмотрев в ст. 17.7 КоАП положение об умышленном характере невыполнения законных требований прокурора, совершенно неоправданно ограничил правовые гарантии прокурорского надзора»³.

На основании изложенного считаем целесообразным внесение изменений в ст. 17.7 КоАП РФ для возможности привлечения виновных лиц к ответственности в случае неосторожной формы вины. Кроме того, требуется ужесточить санкцию ст. 17.7 КоАП РФ и установить следующий размер административного штрафа за невыполнение законных требований прокурора: от 1 до 3 тыс. руб. для граждан, от 5 до 10 тыс. руб. для должностных лиц, от 50 до 250 тыс. руб. для юридических лиц⁴.

Список литературы

Анисимов В. С. Исполнение командованием требований военного прокурора, изложенных в актах прокурорского реагирования // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2007. № 5.

Бажанов С. В. Правовая природа требований прокурора и их место в числе других актов прокурорского реагирования // Российское правосудие. 2015. № 7.

Викторов И. Ответственность за неисполнение законных требований прокурора // Законность. 1999. № 9.

Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах теории и практики применения ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за невыполнение законных тре-

¹ Магомедов М. А., Шахаев Ю. А. Ответственность за невыполнение законных требований прокурора // Законность. 2014. № 6. С. 49–50. См. также: Терещук С. С. Указ. соч. С. 32.

² Методические рекомендации «Привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора» (одобрены Генпрокуратурой России).

³ Власов А. Г. Форма вины при невыполнении законных требований прокурора // Законность. 2016. № 11. С. 54–56.

⁴ Данной позиции также придерживаются М. А. Магомедов, Ю. А. Шахаев (Магомедов М. А., Шахаев Ю. А. Указ. соч. С. 50), С. С. Терещук (Терещук С. С. Указ. соч. С. 32).

бований прокурора // *Винокуров А. Ю.* Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избр. ст. М., 2012.

Власов А. Г. Форма вины при невыполнении законных требований прокурора // *Законность.* 2016. № 11.

Ергашев Е. Р. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, как новый вид актов прокурорского реагирования // *Уголовное право.* 2007. № 6.

Кузьмин В. А., Китрова Е. В. Комментарий к Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2007.

Магомедов М. А., Шахаев Ю. А. Ответственность за невыполнение законных требований прокурора // *Законность.* 2014. № 6.

Пригорща П. А. Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

Пригорща П. А. Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

Сабуров Р. С. Особенности требований прокурора в актах прокурорского реагирования // *Закон и право.* 2011. № 7.

Субанова Н. В. Требование прокурора о привлечении лиц, нарушивших закон, к дисциплинарной ответственности: оптимизация правовой модели // *Вестник академии Генеральной прокуратуры.* 2014. № 5.

Субанова Н. В., Боброва О. В. Вопросы судебной практики привлечения к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора // *Законность.* 2018. № 7.

Терещук С. С. Административная ответственность должностных лиц воинской части за неисполнение законных требований прокурора: пути повышения эффективности // *Право в вооруженных силах.* 2015. № 4.

References

Anisimov V. S. Ispolnenie komandovaniem trebovaniy voennogo prokurora, izlozhennykh v aktakh prokurorskogo reagirovaniya // *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie.* 2007. № 5.

Bazhanov S. V. Pravovaya priroda trebovaniy prokurora i ikh mesto v chisle drugikh aktov prokurorskogo reagirovaniya // *Rossiiskoe pravosudie.* 2015. № 7.

Ergashev E. R. Trebovanie prokurora ob ustranении narushenii federal'nogo zakonodatel'stva, dopushchennykh v khode doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya, kak novyi vid aktov prokurorskogo reagirovaniya // *Ugolovnoe pravo.* 2007. № 6.

Kuz'min V. A., Kitrova E. V. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-1 «O prokurate Rossii skoi Federatsii» (postateinyi) // СПС «Konsul'tantPlyus». 2007.

Magomedov M. A., Shakhayev Yu. A. Otvetstvennost' za nevypolnenie zakonnykh trebovaniy prokurora // *Zakonnost'.* 2014. № 6.

Prigorshcha P. A. Trebovanie prokurora kak sredstvo obespecheniya ispolneniya zakona: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2011.

Prigorshcha P. A. Trebovanie prokurora kak sredstvo obespecheniya ispolneniya zakona: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2011.

Saburov R. S. Osobennosti trebovaniy prokurora v aktakh prokurorskogo reagirovaniya // *Zakon i pravo.* 2011. № 7.

Subanova N. V. Trebovanie prokurora o privlechenii lits, narushivshikh zakon, k distsiplinarnoi otvetstvennosti: optimizatsiya pravovoi modeli // *Vestnik akademii General'noi prokuratury.* 2014. № 5.

Subanova N. V., Bobrova O. V. Voprosy sudebnoi praktiki privlecheniya k administrativnoi otvetstvennosti za nevypolnenie zakonnykh trebovaniy prokurora // *Zakonnost'.* 2018. № 7.

Tereshchuk S. S. Administrativnaya otvetstvennost' dolzhnostnykh lits voinskoi chasti za neispolnenie zakonnykh trebovaniy prokurora: puti povysheniya effektivnosti // *Pravo v vooruzhennykh silakh.* 2015. № 4.

Viktorov I. Otvetstvennost' za neispolnenie zakonnykh trebovaniy prokurora // *Zakonnost'.* 1999. № 9.

Vinokurov A. Yu. O nekotorykh voprosakh teorii i praktiki primeneniya st. 17.7 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh za nevypolnenie zakonnykh trebovaniy prokurora // *Vinokurov A. Yu.* Aktual'nye voprosy organizatsii i deyatelnosti prokuratury: izbr. st. M., 2012.

Vlasov A. G. Forma viny pri nevypolnenii zakonnykh trebovaniy prokurora // *Zakonnost'.* 2016. № 11.

КОРПОРАТИВНЫЕ СПОРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Терентьев Алексей Викторович

Старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург),
e-mail: terentiev@spbgau.ru

Исследуется понятие корпоративных споров, которое закреплено в ст. 225.1 АПК РФ. Указывается, что открытый перечень корпоративных споров нельзя назвать достоинством процессуального законодательства. С критической точки зрения рассматриваются основания отнесения ряда споров, приведенных в ст. 225.1 АПК РФ, к корпоративным. Высказывается предположение о необходимости закрепления на законодательном уровне правил определения корпоративных споров. Отмечается, что в ст. 225.1 АПК РФ включен ряд споров, которые в силу оснований их возникновения, состава участников и прочих обстоятельств не могут быть отнесены к корпоративным. Автор определяет отношения, из которых может возникнуть корпоративный спор, приводит круг лиц, которые вправе обратиться в суд с требованием о возбуждении дела по корпоративному спору, и круг лиц, которые будут выступать в качестве ответчиков по данной категории дел. Формулируется авторское определение понятия «корпоративные споры».

Ключевые слова: корпоративные отношения, участники корпоративных отношений, корпорация, участники корпорации, юридическое лицо, орган юридического лица, корпоративный спор, стороны корпоративного спора, арбитражный суды

CORPORATE DISPUTES IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Terentyev Alexei

Senior lecturer, St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg),
e-mail: terentiev@spbgau.ru

The article is devoted to the concept of corporate disputes, which is enshrined in Art. 225.1 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (APC RF). The author states that an open list of corporate disputes is not the advantage of procedural law. The article considers from a critical point of view the grounds for attributing a number of disputes set out in Art. 225.1 of the APC RF to corporate disputes. The author suggests that it is necessary to establish and fix at the legislative level the rules for determining corporate disputes. He states that, in the current version of Art. 225.1 of the APC RF, there are a number of disputes, which, due to the reasons for their occurrence, composition of participants and other circumstances, cannot be attributed to corporate ones. The author defines the relations, from which a corporate dispute may arise, indicates a circle of persons, who can apply to court for the initiation of cases on corporate disputes, and a circle of persons, who will act as defendants in this cases. The author attempts to derive his own definition of corporate disputes.

Key words: corporate relations, participants of corporate relations, corporation, participants of a corporation, legal entity, body of a legal entity, corporate dispute, parties to a corporate dispute, arbitration courts

Согласно ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ под корпоративными спорами следует понимать «споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие

организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом (далее – корпоративные споры)».

АПК РФ оставляет открытым перечень корпоративных споров, что тяжело отнести к достоинствам указанной нормы. Открытость дает основания судам по своему усмотрению относить либо не относить споры к корпоративным. В качестве примера такого негативного влияния можно привести определение Верховного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 5-КП15-71. Суть спора, ставшего предметом рассмотрения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ, заключалась в том, что нижестоящие суды отказывались принимать к своему производству исковое заявление о взыскании с ответчика суммы займа и штрафных санкций. Указанные обязательства возникли из учредительного договора, который также содержал обязательства одной стороны при определенных обстоятельствах совершить действия в пользу третьего лица. Нижестоящие суды посчитали, что спор попадает под определение ст. 225.1 АПК РФ, следовательно, является корпоративным и должен быть рассмотрен арбитражным судом. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ не согласилась с нижестоящими судами. Отменяя определения последних и передавая дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, коллегия указала, что суд первой инстанции не установил, элементы какого еще договора помимо учредительного содержит договор, и, соответственно, не определил подведомственность возникшего спора.

Неоднозначно решается также вопрос о квалификации спора о взыскании убытков, причиненных хозяйственному обществу его органами управления. Подтверждение этому служит определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2013 г. № 35-КП13-2.

По нашему мнению, законодателю необходимо исчерпывающе определить круг корпоративных споров либо установить четкие правила их определения. Поскольку первая задача представляется трудновыполнимой, полагаем правильным сосредоточить усилия на второй, а именно определить отношения, из которых могут возникать корпоративные споры, установить круг лиц, которые вправе обратиться в суд с требованием о возбуждении дела по корпоративному спору, и круг лиц, которые будут выступать в качестве ответчиков. Для этого нужно внести соответствующие изменения не только в процессуальное, но и в материальное законодательство, в том числе в Гражданский кодекс РФ.

Согласимся с мнением, что «выделение корпоративных исков основано на классификации исков по материально-правовому признаку»¹. Также нельзя не согласиться с тем, что «деление исков на виды по их материально-правовой природе имеет важное значение: именно материально-правовой природой иска определяются его подведомственность, направленность судебного процесса, субъективный состав участников процесса и те процессуальные особенности, которые характерны для отдельных категорий дел...»².

Осмелимся предположить, что корпоративный спор должен вытекать из корпоративных отношений. Корпоративный спор, на наш взгляд, не может вытекать из отношений, связанных с деятельностью нотариусов, или касаться оспаривания ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, пусть и совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг. Не будут корпоративными спорами и споры по искам учредителей, участников, членов юридического лица о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок.

Для рассмотрения указанных выше споров еще до введения гл. 28.1 в АПК РФ были предусмотрены отдельные процедуры. Например, если мы не согласны с деятельностью нотариусов, пусть и вытекающей из деятельности по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, мы (без учета требований п. 9 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ) можем обратиться в суд общей юрисдикции с требованием о рассмотрении возникшего спора в порядке гл. 37 Гражданского про-

¹ Гражданский процесс / под ред. В. В. Яркова. М., 2009. С. 283.

² Добровольский А. А. Исковая форма защиты права // Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 450–453.

цессуального кодекса РФ. Деятельность нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, по нашему мнению, существенно не отличается от деятельности нотариусов по удостоверению иных сделок, например сделок, направленных на переход прав в праве общей собственности на недвижимое имущество (для указанных сделок их нотариальное удостоверение обязательно в силу закона). Действия нотариуса (нотариальные действия) по удостоверению указанных сделок регулируются одними и теми же нормами закона, а именно гл. IX и X Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Мы не видим процессуальных отличий в обжаловании отказа нотариуса в совершении нотариального действия – удостоверения сделки с долей в обществе с ограниченной ответственностью – или нотариального действия – удостоверения сделки с долей в общей собственности на недвижимое имущество. Основания и предмет заявления, вероятнее всего, будут совпадать.

Важно отметить, что иных споров с участием нотариусов, подведомственных арбитражным судам, АПК РФ не предусмотрено.

Интересным представляется мнение Свердловского областного суда, который указал, что «требования о возмещении вреда, причиненного действиями нотариуса, подлежат рассмотрению судом общей юрисдикции, поскольку нотариус не является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Исключение составляют споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, которые п. 9 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ отнесены к исключительной компетенции арбитражного суда»¹. Иными словами, указанный Суд не видит практической необходимости в отнесении споров, вытекающих из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, к корпоративным спорам. Он лишь констатирует, что данные споры должны быть рассмотрены арбитражным судом в силу прямого указания закона. Однако непонятно, что в данных спорах «корпоративного» и чем оправдано их включение в гл. 28.1 в АПК РФ.

Как указывалось выше, не могут быть отнесены к корпоративным спорам споры, которые связаны с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг. Данные споры, по нашему мнению, должны быть рассмотрены по правилам гл. 24 АПК РФ. Если уполномоченный государственный орган незаконно препятствует эмиссии ценных бумаг, то нарушаются права юридического лица как эмитента – участника гражданского оборота. Отношения между эмитентом (корпорацией) и государственным органом не относятся к корпоративным, они не подпадают под определение корпоративных отношений, закрепленное в ст. 2 ГК РФ. Следовательно, не будет корпоративным и спор, вытекающий из таких отношений. В указанной ситуации речь идет о споре публично-правового характера (обжалование действий (бездействия) государственного органа). И отсылка в п. 2 ст. 225.2 АПК РФ к гл. 24 АПК РФ подтверждает это.

Вместе с тем полагаем, что спор, возникший в ходе эмиссии ценных бумаг внутри корпорации, будет корпоративным. Так, если совет директоров (наблюдательный совет) не утверждает (отказывается утверждать) решение о дополнительном выпуске ценных бумаг, принятое общим собранием, то, по нашему мнению, налицо корпоративный спор, возникший из корпоративных отношений.

Говоря о спорах по искам учредителей, участников, членов юридического лица о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок, отметим, что в данном случае ответчиком будет выступать контрагент юридического лица, истцом – само юридическое лицо, а учредитель (участник, член юридического лица) в силу закона будет представителем истца. Сказанное подтверждается п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹ Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2013 г.) (п. 1 разд. IV).

Отношения между юридическим лицом и его контрагентом, возникшие на основании оспариваемой сделки, трудно отнести к корпоративным. Тогда почему должен быть корпоративным спор? Налицо спор хозяйствующих субъектов, процессуальным представителем одного из которых (истца) выступает его учредитель (участник, член юридического лица).

Причисляя указанные споры к корпоративным, АПК РФ противоречит сам себе. В ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ установлено, что арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, однако названные выше споры не связаны с созданием, управлением или участием в юридическом лице, следовательно, нет оснований относить их к корпоративным.

В научной литературе высказываются сомнения о целесообразности отнесения к корпоративным спорам споров, вытекающих из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг¹.

Как было отмечено, корпоративный спор должен вытекать из корпоративных отношений. Согласно поправкам, внесенным в ст. 2 ГК РФ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», гражданское законодательство наряду с регулированием договорных и иных обязательств, регулированием имущественных и личных неимущественных отношений стало регламентировать «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)». В ГК РФ в определении корпоративных отношений используется термин «корпоративные организации», а в ст. 225.1 АПК РФ в определении корпоративных споров – «юридическое лицо». Как известно, понятие «юридическое лицо» не тождественно понятию «корпоративная организация». Корпоративная организация – это одна из организационно-правовых форм юридических лиц. На наш взгляд, использование законодателем в ст. 225.1 АПК РФ формулировки «юридическое лицо» методически неверно.

В 2014 г. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» § 1 гл. 4 ГК РФ был дополнен ст. 65.1–65.3. В ст. 65.1 ГК РФ было закреплено деление юридических лиц на корпоративные и унитарные. Согласно указанной статье корпорацией признается юридическое лицо, учредители (участники) которого обладают правом участия (членства) в нем и формируют его высший орган в соответствии с п. 1 ст. 65.3 ГК РФ. Унитарным юридическим лицом признается юридическое лицо, учредители которого не становятся его участниками и не приобретают в нем прав членства.

Следовательно, законодатель, внося в ГК РФ указанные поправки, придал корпорации особый статус. Правовому регулированию деятельности (созданию, прекращению) корпорации законодатель посвятил отдельные нормы (например, ст. 60.2, 65.2, 65.3 ГК РФ и др.). Как видно из ст. 65.1 ГК РФ, отношения в корпорации имеют более сложную структуру. А значит, и споры, вытекающие из этих отношений, отличаются от споров, вытекающих из отношений в унитарных организациях. В последних не может быть споров о выделе доли (уплаты ее действительной стоимости) члена (участника) при его выходе, о принадлежности доли конкретному лицу, о созыве общего собрания, об оспаривании решений общих собраний, об избрании (назначении) лица на должность единоличного исполнительного органа и иных подобных споров.

Исходя из деления юридических лиц на корпоративные и унитарные следовало и споры разделить на корпоративные и споры, вытекающие из деятельности некорпоративных организаций. Мы считаем, что методически верным будет выделить

¹ Ионова Д. Ю. Корпоративные споры: новеллы Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 105–119.

в АПК РФ главу о рассмотрении споров из отношений, возникающих при создании, деятельности, прекращении деятельности юридических лиц, а отдельный параграф (раздел) этой главы посвятить непосредственно корпоративным спорам. При этом позволим себе не согласиться с разъяснениями, данными в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, поскольку, на наш взгляд, нет необходимости разграничивать рассмотрение корпоративных споров, вытекающих из деятельности (создания, прекращения) коммерческих и некоммерческих корпораций. То есть необходимо установить исключительную подведомственность корпоративных споров арбитражным судам (п. 6 ст. 27 АПК РФ). Тем более что в ГПК РФ в настоящее время нет норм, регулирующих процедуру рассмотрения «корпоративных споров», связанных с управлением или участием в других корпорациях, являющихся некоммерческими организациями. Также стоит обратить внимание на то, что в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренной в 2014 г., поставлен вопрос о целесообразности унификации порядка рассмотрения корпоративных споров, возникающих в коммерческих и некоммерческих корпорациях.

Переходя к рассмотрению корпоративных отношений, из которых должен вытекать корпоративный спор, отметим, что данный вопрос является дискуссионным¹. В правовой доктрине отмечают, что определение корпоративных отношений, закрепленное в ГК РФ, не в полной мере раскрывает их сущность. Мы не будем останавливаться на рассмотрении и обосновании того, что понимается под корпоративными отношениями. Отметим лишь, что, по нашему мнению, корпоративные отношения – это «внутренние отношения, возникающие в процессе создания, деятельности, прекращения деятельности корпорации, связанные с участием и (или) управлением ей»².

Как указывалось выше, для разработки правил определения споров, относящихся к корпоративным, необходимо установить круг лиц, которые вправе обратиться в суд с требованием о возбуждении дела по корпоративному спору, и круг лиц, которые будут выступать в качестве ответчика; другими словами, определить круг участников корпоративных отношений.

Не останавливаясь детально на вопросе о составе участников корпоративных отношений (так как он требует отдельного рассмотрения), отметим, что мы не можем согласиться с мнением о том, что к числу участников корпоративных отношений необходимо относить «государственные органы, регистрирующие корпорации, допускающие к обращению их ценные бумаги и т. п... потенциальных инвесторов; профессиональных участников рынка ценных бумаг»³. Безосновательно включение в число участников корпоративных отношений кредиторов и реестродержателей⁴. По нашему мнению, наличие широкого круга участников корпоративных отношений придает им безграничный характер и делает их неотличимыми от иных отношений.

На наш взгляд, к участникам корпоративных отношений необходимо причислять членов корпорации, органы корпорации и саму корпорацию. Следовательно, корпоративный спор может быть возбужден только на основании требований одного из указанных участников корпоративных отношений, направленных к участнику этих же отношений.

Таким образом, под корпоративными спорами мы предлагаем понимать споры, вытекающие из отношений, возникающих в процессе создания, деятельности, прекраще-

¹ См., например: *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008; *Корпоративное право: учеб.* / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015; *Сулейменов М. К.* Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // *Вестник гражданского права*. 2016. № 3; *Белых В. С.* О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // *Бизнес, менеджмент и право*. 2006. № 2; *Гутников О. В.* Содержание корпоративных отношений // *Журнал российского права*. 2013. № 1 и др.

² Подробнее см.: *Терентьев А. В.* О понятии корпоративных отношений в современном российском законодательстве // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2018. № 3. С. 40.

³ *Карагузов Ф. С.* Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. 2-е изд. Алматы, 2011. С. 68–69.

⁴ *Настин П. С.* Субъекты корпоративных правоотношений // *Российский юридический журнал*. 2016. № 5. С. 176–183.

ния деятельности корпорации, связанные с участием и (или) управлением ею, участниками которых являются корпорация, ее члены и органы корпорации. Безусловно, данное определение не претендует на абсолютную истину и требует «отшлифовки». С нашей точки зрения, важно установить права всех участников корпоративных отношений, определить права и законные интересы, нарушение которых приведет к возникновению корпоративного спора, а также установить обязанности, неисполнение которых может стать причиной корпоративного спора.

Список литературы

Белых В. С. О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 2.

Гражданский процесс / под ред. В. В. Яркова. М., 2009.

Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1.

Добровольский А. А. Исковая форма защиты права // Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005.

Ионова Д. Ю. Корпоративные споры: новеллы Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3.

Карагузов Ф. С. Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. 2-е изд. Алматы, 2011.

Корпоративное право: учеб. / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.

Настин П. С. Субъекты корпоративных правоотношений // Российский юридический журнал. 2016. № 5.

Сулейменов М. К. Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3.

Терентьев А. В. О понятии корпоративных отношений в современном российском законодательстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3.

References

Belykh V. S. O korporatsiyakh, korporativnykh otnosheniyakh i korporativnom prave // Biznes, menedzhment i pravo. 2006. № 2.

Dobrovol'skii A. A. Iskovaya forma zashchity prava // Grazhdanskii protsess: khrestomatiya / pod red. M. K. Treushnikova. M., 2005.

Grazhdanskii protsess / pod red. V. V. Yarkova. M., 2009.

Gutnikov O. V. Soderzhanie korporativnykh otnoshenii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2013. № 1.

Ionova D. Yu. Korporativnye spory: novelty Kontseptsii edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2015. № 3.

Karagusov F. S. Osnovy korporativnogo prava i korporativnoe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan. 2-e izd. Almaty, 2011.

Korporativnoe pravo: ucheb. / E. G. Afanas'eva, V. Yu. Bakshinskass, E. P. Gubin i dr.; отв. red. I. S. Shitkina. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2015.

Lomakin D. V. Korporativnye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika ee primeneniya v khozyaistvennykh obshchestvakh. M., 2008.

Nastin P. S. Sub"ekty korporativnykh pravootnoshenii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2016. № 5.

Suleimenov M. K. Grazhdanskoe pravo i korporativnye otnosheniya: problemy teorii i praktiki // Vestnik grazhdanskogo prava. 2016. № 3.

Terent'ev A. V. O ponyatii korporativnykh otnoshenii v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2018. № 3.

О ВЕКТОРАХ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Левитан Константин Михайлович

Заведующий кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
доктор педагогических наук, профессор,
e-mail: inyaz@usla.ru

В статье на основе теории контекстного образования выявляются основные векторы эволюции российского юридического образования. Доказывается необходимость обеспечения целостного процесса юридического образования как единства воспитания, обучения и развития компетентной личности юриста. Отмечается, что эффективность образовательного процесса зависит от содержания и характера педагогического взаимодействия обучающихся и педагогов творческой научной школы. Показано влияние вектора жизненного пути, преломленного в биографиях выдающихся ученых уральской научной школы права, на развитие российского права и юридического образования. Представлена идеальная структурная модель компетентной личности юриста-педагога, профессионально значимые качества которого во многом определяют пути развития юридического образования.

Ключевые слова: российское юридическое образование, теория контекстного образования, творческая научная школа, идеальная модель личности юриста-педагога

ON THE VECTORS OF THE RUSSIAN LEGAL EDUCATION EVOLUTION

Levitan Konstantin

Head of the chair, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of pedagogical sciences, e-mail: inyaz@usla.ru

The article reveals the main vectors of the Russian legal education evolution that are based on the theory of contextual education. It proves the need for the integral process of legal education as the unity of education, training and development of the competent personality of a lawyer. It is noted that the effectiveness of the educational process depends on the content and nature of the pedagogical interaction of students and law teachers of the creative scholarly tradition. The influence of the life path vector through the individual biographies of prominent legal scholars of the ural scientific school of law on the development of Russian law and legal education is shown. The article presents the ideal structural model of the competent personality of a law teacher, whose professionally significant qualities largely determine the development ways of legal education.

Key words: Russian legal education, theory of contextual education, creative scholarly tradition, ideal model of a law teacher personality

В сентябре 2018 г. свой 100-летний юбилей отметил один из ведущих научно-образовательных юридических центров России – Уральский государственный юридический университет. Эта дата дает возможность не только вспомнить исторический путь нашего вуза через судьбы его незаурядных ученых-педагогов, но и попытаться определить на основе ретроспективного анализа основные векторы эволюции российского юридического образования, разработать модель профессионально значимых качеств инновационной личности подвижников юридической науки и образования.

Анализируя юридическое образование с позиций современной педагогической науки, в частности получившей широкое признание теории контекстного образова-

ния, вслед за А. А. Вербицким определяем его как тип *контекстного образования*, в котором «на языке наук и с помощью всей системы форм, методов и средств обучения и воспитания – традиционных и новых – моделируется предметное и социальное содержание усваиваемой студентами профессиональной деятельности»¹.

Согласно теории контекстного образования основополагающую роль в профессиональном становлении индивида играют внешние и внутренние условия его жизнедеятельности, которые влияют как на процесс, так и на результат восприятия и преобразования действительности. По определению А. А. Вербицкого, «контекст – это отраженная в сознании и психике человека система внутренних и внешних условий его жизни, поведения и деятельности, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование субъектом конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как целому и ее компонентам. Соответственно, *внутренним контекстом* являются индивидуально-психологические особенности, знания и опыт человека; *внешним* – отраженные в сознании и психике предметные, социокультурные, пространственно-временные и иные характеристики ситуаций, в которых он действует»².

Аналогичную позицию занимают и современные юристы. Так, говоря о разных подходах к объяснению права, В. В. Лазарев указывает, что «сами носители теорий имеют разное происхождение, разное воспитание, разную среду обитания, разные образование, ум, талант, и этим во многом обусловлено содержание соответствующих теорий, их многообразие»³. С этих позиций, по мнению В. Д. Перевалова, «для юридического образования очень важно, чтобы новые методологические средства и способы использовались в образовательном пространстве с учетом закономерностей развития юриспруденции и в свою очередь помогали доискиваться до гносеолого-сущностных пластов права и государства, способствовали выявлению и исследованию юридических знаний как неотъемлемой составляющей различной деятельности человека... Изучая право и государство в отрыве от человека, мы всегда будем упираться в схоластический, наукообразный тупик и вряд ли сможем повысить качество образования и эффективность научных рекомендаций»⁴.

Проблема качества юридического образования обсуждается на протяжении многих лет юридической и педагогической общественностью России. Она не сходит с повесток дня различных научных конференций и форумов, со страниц юридических журналов, освещается блогерами и заинтересованными лицами в Интернете, особенно после принятия в 2000 г. государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция», в которых монопольное положение занял *компетентностный подход*.

Реализация компетентностного подхода в контексте модернизации юридического образования позволяет достичь желаемого результата образования через совокупность компетенций, обеспечивающих необходимый уровень профессионализма личности и деятельности выпускника юридического вуза. Заимствованное из Болонской декларации понятие «компетенция» трактуется разработчиком ФГОС нового поколения для высшей школы как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области»⁵.

Ю. Г. Татур указывает на сложную структуру компетенции, которая включает: 1) *гностический* компонент (предметные знания); 2) *функциональный* компонент (умения выполнять определенные профессиональные действия); 3) *ценностно-этический* компонент (личные качества: ответственность, любовь к профессии, добросовестность, трудолюбие и т. д.). «При этом требования к знаниям и умениям могут рассматриваться как цели нормативные, достижение которых для обучающихся обязательно, а развитие ценностных ориентаций личности – как цель регулятивная и направляющая, как

¹ Вербицкий А. А. Теория и технология контекстного образования. М., 2017. С. 256.

² Там же. С. 200.

³ Лазарев В. В. Об эволюции правопонимания в российской доктрине права // Проблемы правопонимания: коллектив. моногр. по результатам III Алексеевских чтений / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2018. С. 8.

⁴ Перевалов В. Д. Методология юридического образования: истоки и этапы развития // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 199–200.

⁵ Татур Ю. Г. Как повысить объективность измерения и оценки результатов образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 22–23.

желательный результат воспитательной деятельности педагогического коллектива»¹. По мнению Ю. Г. Татура, уровень развития двух первых компонентов легко переводится в балльную шкалу оценок, а для учета ценностно-этического компонента следует оценивать результаты учебной деятельности и поведения студента, отраженные в его портфолио.

Фундаментальный педагогический принцип связи теории с практикой особенно важен для юридического образования, так как нацеливает преподавателей и обучающихся на неразрывное единство ценностных ориентаций, убеждений, знаний, умений, поступков. Исходя из этого принципа и педагогической аксиомы о том, что личность ученика воспитывается личностью учителя путем трансляции этических ценностей, знаний, умений, решающим фактором повышения качества юридического образования следует признать наличие в вузе солидной *научно-педагогической школы*, располагающей высококвалифицированными учеными-педагогами, которые своим профессиональным поведением, образом жизни в целом мотивируют студентов на усиленную учебу и трудовую деятельность.

Анализ трехкомпонентной структуры понятия «компетенция» позволяет выделить еще один важный вектор развития юридического образования – *личностно-ориентированный и личностно-развивающий подход*. В этих современных педагогических концепциях главной ценностью становится развитие целостной личности обучающихся, всех ее составляющих, а личностным смыслом провозглашаются самоактуализация и саморазвитие, что предполагает наиболее полную реализацию человеком своего потенциала, своей компетентности.

Юридическое образование в нашей стране долгое время отождествлялось с профессиональным обучением, повышению эффективности которого традиционно уделяют основное внимание теория и методика профессионального образования. При этом наука и практика явно недостаточно занимаются вопросами воспитания будущих юристов (управление потребностями, формирование способностей и духовно-нравственных ценностей личности).

Большинство преподавателей не выполняют (возможно, и не осознавая этого) свой профессиональный долг по обеспечению целостного процесса юридического образования как *единства обучения, воспитания и развития профессиональной личности юриста*. Среди требований, предъявляемых ФГОС ВО по направлению «Юриспруденция» к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, указано, что выпускник должен обладать такими профессиональными компетенциями, как осознание социальной значимости своей будущей профессии; уважительное отношение к праву и закону; обладание достаточным уровнем профессионального самосознания; проявление нетерпимости к коррупционному поведению; способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста; способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; способность эффективно осуществлять правовое воспитание.

Сами воспитатели должны быть для воспитанников ярким примером социального характера: молодые люди впитывают все то, что можно назвать духовно-нравственной атмосферой общества. Вместе с тем воспитатели всегда должны поддерживать стремление учащихся к профессионально-личностному росту, их желание реализовать свои способности в адекватной образовательной среде. Если студент хочет учиться, это его свободный личный выбор и результат мощной учебной мотивации.

К сожалению, значительная часть профессорско-преподавательского состава вузов при проведении учебных занятий не ставит перед собой воспитательные задачи и не ориентирует студентов на профессиональные, в том числе этические, ценности юриспруденции и юридического образования. При этом часто дискуссия ведется вокруг недостатков, имеющих в системе образования, обществе и государстве, что отнюдь не побуждает будущих юристов к активной рефлексии и конструктивному решению проблем.

В качестве примера приведем острополемическую статью С. Б. Россинского, в которой обсуждается проблема соотношения теории и практики в современном юри-

¹ Татура Ю. Г. Указ. соч. С. 24.

дическом образовании. Ее автор приходит к следующим выводам: «В настоящее время имеются две основные причины практико-ориентированных запросов в высшем юридическом образовании: а) укоренившаяся в конце XX века в определенных кругах российского общества „доктрина“ поголовного преклонения перед Западом; б) отсутствие в системе высшего юридического образования достаточного количества профессиональных преподавателей, способных научить студентов не дословному заучиванию законов, а подлинно хорошей теории»¹. Если вторую из указанных причин трудно оспорить в силу ее очевидности, то с выделением первой вряд ли можно согласиться. Тем не менее суждение автора о «доктрине» поголовного преклонения перед Западом можно объяснить, памятуя о проанализированной выше теории контекстного образования, т. е. обусловленностью авторской позиции внешним и внутренним контекстом его жизнедеятельности.

Другой вывод полностью соответствует современной педагогической концепции личностно-развивающего образования и заслуживает поддержки. Автор полагает, что российская система высшего юридического образования должна сохранять национальные традиции, оставаться нацеленной на формирование эрудированной и самостоятельно думающей личности, обладающей правовой культурой, правосознанием, право- и жизнепониманием, способностью к саморазвитию и самообразованию².

В юридические вузы, к сожалению, иногда попадают вопреки меритократическому принципу малокомпетентные преподаватели, которые под благообразной личиной скрывают свои сугубо корыстные цели и интересы, приводящие порой и к противоправному поведению. Естественно, что такой преподаватель не является образцом для подражания, а само его пребывание в вузе в высшей степени аморально.

На основе изучения жизненного пути выдающихся представителей уральской научной школы права попытаемся описать идеальную модель ученого-преподавателя юридического вуза. Эта модель предполагает наличие *способностей к педагогической и научно-исследовательской деятельности*, включая личные представления о том, как эффективно учить и учиться, *организаторские умения* и собственную *программу самосовершенствования*. Социальная ценность личности преподавателя-юриста определяется социально значимыми видами его профессиональной деятельности, высоким уровнем развития таких компетенций и качеств, как *порядочность, трудолюбие, справедливость, нравственная ответственность* перед обществом за воспитание и обучение компетентных юристов.

Бесспорным лидером уральской научной школы права является Сергей Сергеевич Алексеев (1924–2013). Его фундаментальные идеи в области теории и философии права, конституционного и частного права не просто обогатили и продвинули вперед науку, они сформировали профессиональное мировоззрение многих тысяч юристов, а воплотившись в законопроектах, способствовали созданию условий для дальнейшего развития России как демократического правового государства.

Именно труды С. С. Алексеева во многом определили *гуманистический* вектор развития права и юридического образования. В одной из мемуарных книг ученый подчеркивал: «Одна из основных идей, положенных в основу замысла российской Конституции, и состояла как раз в том, чтобы коренным образом изменить „систему координат“ в постсоветском праве, да так, чтобы „душой“ и нового российского права стали *права и свободы человека*»³. Далее он отмечал: «Нужно отдавать ясный отчет в том, что формирование „другого права“ – права современного гражданского общества, основой которого являются основные права человека (а также – надо добавить – высокие демократические правовые принципы, частное право, независимое правосудие), – задача первостепенной важности, требующая решения „по максимуму“»⁴.

Коллеги и ученики С. С. Алексеева вспоминают, что он достигал незаурядных высот во всех делах, которых касался, благодаря своему таланту и трудолюбию. Психолого-педагогические способности С. С. Алексеева в полной мере проявились в его препода-

¹ Россинский С. Б. Что может быть практичнее хорошей теории: продолжаем обсуждать проблемы юридического образования // Юридическое образование и наука. 2018. № 9. С. 3.

² Там же. С. 10.

³ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 152.

⁴ Там же. С. 156.

давательской деятельности. Его ближайший друг и единомышленник В. Ф. Яковлев отмечал: «Когда мы пришли в вуз, он уже был легендой, Алексеева знали все»¹; «Он умел очень четко ставить вопросы, причем так, что они сразу же порождали дискуссию. Сам он не торопился высказывать свою позицию, устраивал свалку и горячие споры между студентами, а потом спокойно подводил итоги. Его авторитет в качестве преподавателя был необыкновенно высок, поэтому к семинарам все готовились. Сама манера ведения семинара способствовала тому, что студенты усиленно занимались теорией государства и права. Это всегда была *настоящая наука, настоящая теория*, в которой непременно присутствовал и *нравственный аспект*»².

Среди множества проблем, которые интересовали С. С. Алексеева как правоведа, достойное место занимали вопросы юридического образования. Более 40 лет назад С. С. Алексеев сформулировал принципиальное положение о том, что «высшая школа решает две важные взаимосвязанные между собой задачи – обеспечить углубленное усвоение студентами фундаментальных, основополагающих знаний и такую подготовку молодых специалистов, которая вооружила бы их качественными прикладными знаниями, позволяющими в кратчайшие сроки включиться в практическую деятельность и сразу же вести ее на высоком профессиональном уровне»³. Здесь заложен четкий вектор развития юридического образования – *неразрывной связи теории с практикой*.

Как педагог-новатор С. С. Алексеев предвосхитил или существенно обновил многие приемы и методы обучения. Так, в соответствии с современной концепцией развития языковой личности, структура которой включает лексикон, тезаурус, деятельностно-коммуникативный уровень, «студенты-первокурсники должны в итоге изучения общей теории государства и права усвоить основные юридические понятия и термины (язык и словарь юриспруденции)», затем прийти к изучению конкретного нормативного и практического материала по методике «деловых игр»⁴. «Предметное» преподавание, по мнению С. С. Алексеева, «заключается в том, что изучение общих юридических понятий и общетеоретических конструкций осуществляется на основании небольшого числа заранее отобранных юридических дел и всех связанных с ними материалов – нормативных и судебной практики»⁵.

Еще один важнейший вектор эволюции российского права и юридического образования – возрождение и развитие в России *частного права*, что было бы невозможно без поистине титанического труда ученых-цивилистов Исследовательского центра частного права, в числе которых успешно работали и представители уральской научной школы права – С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев, С. А. Хохлов. Обязанности директора Исследовательского центра частного права (1992–1996 гг.), а позже и ректора Российской школы частного права (1995–1996 гг.) исполнял С. А. Хохлов (1941–1996). Российская школа частного права была задумана как элитное учебное заведение для подготовки высококвалифицированных юристов – магистров частного права.

А. Л. Маковский выделяет следующие черты незаурядной личности С. А. Хохлова: «Неожиданными для многих оказались *организационные способности* (курсив здесь и далее наш. – К. Л.) Станислава Антоновича. Замысел создания Исследовательского центра частного права, а затем и разработки президентской программы „Становление и развитие частного права в России“ принадлежит, наверное, в равной мере С. С. Алексееву и Станиславу Антоновичу»⁶. «*Доброжелательность a priori* была и наиболее заметной его внешней чертой, в ней отражались и его главная человеческая сущность – *добрый ум*»⁷. «Но главное, чем отличались эти короткие московские годы

¹ Файзрахманов Р. А. С. С. Алексеев и особенности преподавания теории государства и права // Проблемы правопонимания. С. 163–164.

² Там же. С. 164.

³ Алексеев С. С. О методике преподавания общей теории государства и права. Из опыта кафедры теории государства и права Свердловского юридического института // Правоведение. 1978. № 6. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 94. В дидактике современного юридического образования этот метод известен как *case study*.

⁶ Маковский А. Л. О Станиславе Антоновиче Хохлове // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 17.

⁷ Там же. С. 8.

от жизни в Свердловске, – колоссальная *творческая самоотдача* и последовавшее за ней признание – научное, человеческое, служебное»¹. «Почти все время после окончания института Станиславу Антоновичу пришлось одновременно и заниматься научной работой, и преподавать: такая возможность есть у каждого вузовского преподавателя. Тем не менее, сколько каждый из нас встречал и доцентов, и профессоров, лишь по необходимости тянувших лямку „вузовской науки“! Но Станиславу Антоновичу, которому и научный анализ, и обучение студентов оказались равно интересны и дороги, постоянное сочетание этих занятий принесло неоценимую пользу. Его *творческое мышление* никогда не ограничивалось рамками одного или нескольких правовых институтов»².

Фундамент научного коллектива Исследовательского центра частного права А. Л. Маковский обозначает тремя «П»: *профессионализм*; *порядочность* как главная ценность человеческой натуры; *патриотизм* в самом благородном смысле этого слова³. Помимо этих начал, А. Л. Маковский назвал также обостренное чувство *справедливости* как необходимый атрибут всякой юридической профессии⁴. «Станислав Антонович... стал *душой и нравственным камертоном* нашей небольшой группы цивилистов, а затем и всего коллектива Центра частного права... Он обладал редким профессиональным даром, в котором соединялись *тонкая аналитическая мысль*, стремление к точной юридической конструкции и обязательное *предвидение жизненных последствий нормативного решения*»⁵. «Светлый, не столько критический, сколько *созидательный ум*, *глубокая порядочность*, *скромность*, *доброта* и *мягкость* в общении сочетались у Станислава Антоновича как у *подлинного интеллигента* с *твердостью убеждений*, *верностью принципам* и, что особенно важно, *смелостью* в их отстаивании»⁶.

Выступая на открытии Российской школы частного права 17 октября 1995 г., С. А. Хохлов четко сформулировал ее задачи, а также перспективы развития частного права и юридического образования в России: «Первое – это насущная потребность в обеспечении возрождения и развития частного права. Частное право – это, прежде всего, право свободной личности, право честного человека, свободного от вмешательства в его частные дела, но отнюдь не свободного от соблюдения закона.

Безусловно, второе, чем обусловлено создание Российской школы частного права, это необходимость создать новое поколение юристов, которые бы ушли от того, что у нас тоже еще очень сильно сохраняется, ушли от опубликования права, от чиновничьего, бюрократического права и научились работать в новой обстановке и могли научить этому других»⁷.

Анализируя историю развития уральской научной школы права и связанную с ней эволюцию российского юридического образования, уместно вспомнить, по замечанию Б. М. Гонгалло, «о кумулятивном характере развития науки»⁸. Связь времен, преемственность правовых идей и традиций как раз и обеспечивает творческая научная школа. Возникновение и существование всякой научной школы связаны с появлением благодарных учеников. Среди таких учеников оказались вернувшиеся в СЮИ фронтовики: С. С. Алексеев, О. А. Красавчиков, В. С. Якушев, М. Я. Кириллова. Это поколение обладало обостренным чувством *справедливости* и осознанной *жаждой перемен*.

У истоков цивилистики на Урале стояли Александр Маркович Винавер (1883–1947) и Борис Борисович Черепяхин (1894–1969). А. М. Винавер окончил юридический факультет Московского университета в 1907 г. и до сентября 1911 г. находился «при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре римского права», где он работал под руководством профессоров В. М. Хвостова, С. А. Муромце-

¹ Маковский А. Л. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Хохлов С. А. Выступление на открытии Российской школы частного права 17 октября 1995 г. // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. С. 375–376.

⁸ Гонгалло Б. М. Школа цивилистики на Урале // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М., 2001. С. 4.

ва, Г. Ф. Шершеневича, профессора Оксфордского университета П. Г. Виноградова. В 1913 г. стажировался на кафедре римского права университета г. Фрайбурга, с мая 1917 г. по октябрь 1924 г. был профессором МГУ, редактором журнала «Право и жизнь» (1922–1929), в котором были опубликованы первые статьи работавшего тогда в Иркутске Б. Б. Черепахина¹.

В 1938 г. А. М. Винавер был арестован по ст. 58 УК и лишен свободы на восемь лет. После досрочного освобождения в августе 1944 г. его пригласил на должность профессора кафедры гражданского права и процесса Свердловского юридического института Б. Б. Черепахин, в то время заместитель директора СЮИ по научной и учебной работе. Досрочное освобождение А. М. Винавера в 1944 г. объясняется тем, что именно в том году в системе преподавания юридических вузов была восстановлена дисциплина «Римское частное право». Таким образом, продолжался курс на восстановление *фундаментального юридического образования*. А. М. Винаверу принадлежит афоризм: «Римское право царит над временем, над территорией, над классами»².

С. С. Алексеев делился воспоминаниями о А. М. Винавере: «Он рассказывал не об исторических подробностях, не о житье-бытье в роскошную и грубую древнеримскую пору, а об юридических формулах, понятиях, конструкциях, которые строятся на принципах римского частного права – вселенского шедевра, непонятно как возникшего в древние-преддревние времена. Но от лекции к лекции перед нами, желторотыми первокурсниками, открывались картины из другой галактики – то законченно-стройные, то утонченно-ажурные юридические построения со своей неумолимой логикой, строгой точностью, завершенностью. По сути дела, как я понял потом, Александр Маркович говорил об *основных ценностях – изначальных источниках правовой культуры*. Именно этот подход А. М. Винавера к *юридическим конструкциям как основным ценностям права* закономерно оказался в наши дни самым перспективным направлением в понимании самого права...»³

С глубокой благодарностью вспоминал С. С. Алексеев и другого основоположника уральской научной школы права: «Вместе с А. М. Винавером в мою жизнь вошел и, более того, стал моей судьбой посланец прошедшей эпохи, профессор дооктябрьской поры – Борис Борисович Черепахин. Педагог по гражданскому праву. Крупный ученый-цивилист. Наставник моих научных увлечений на старших курсах института. Руководитель моей аспирантской учебы. Учитель»⁴. «Борис Борисович Черепахин – не только автор оригинальных и свежих научных взглядов, но *интеллигент* в самом высоком значении, *незаурядная и яркая личность*, создающая благоприятный с особым научным настроением творческий климат, который одухотворяет работу коллектива»⁵. С. С. Алексеев сделал знаковое заключение, которое может быть *программой саморазвития личности* любого студента и преподавателя: «Вовсе не случайно, что все видные ученые, с именами которых мы связываем творческие школы в правоведении, отличались высокими человеческими качествами – *подлинной интеллигентностью, добротой, глубокой человечностью, чуткостью к близким, воспитанностью чувств, способностью понять и разделить мысли и настроения своих коллег и сотрудников*»⁶.

В заключение приведем еще одну цитату из автобиографической книги С. С. Алексеева, которая по своему содержанию напоминает духовно-нравственное завещание следующим поколениям юристов. Ученый признается, что «наверняка моим предназначением и главным смыслом жизненных дел является преподавать, учить студентов, аспирантов, передать все, что знаю, что понял и выстрадал, своим сподвижникам, ученикам. Будут, наверняка будут среди них те, кто продолжит в нашей нелегкой жизни дело Бориса Борисовича Черепахина, Александра Марковича Винавера – дело Права. Права, без которого в России нет будущего»⁷.

¹ Мурзин Д. В. Об Александре Марковиче Винавере // Цивилистические записки. М., 2001. С. 364–378.

² Там же. С. 371.

³ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 13–14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Алексеев С. С. Борис Борисович Черепахин // Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 158.

Список литературы

Алексеев С. С. Борис Борисович Черепяхин // *Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву.* М., 2001.

Алексеев С. С. О методике преподавания общей теории государства и права. Из опыта кафедры теории государства и права Свердловского юридического института // *Правоведение.* 1978. № 6.

Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997.

Вербицкий А. А. Теория и технология контекстного образования. М., 2017.

Гонгало Б. М. Школа цивилистики на Урале // *Антология уральской цивилистики. 1925–1989:* сб. ст. М., 2001.

Лазарев В. В. Об эволюции правопонимания в российской доктрине права // *Проблемы правопонимания: коллектив. моногр. по результатам III Алексеевских чтений / отв. ред. В. Д. Перевалов.* Екатеринбург, 2018.

Маковский А. Л. О Станиславе Антоновиче Хохлове // *Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика:* сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998.

Мурзин Д. В. Об Александре Марковиче Винавере // *Цивилистические записки.* М., 2001.

Перевалов В. Д. Методология юридического образования: истоки и этапы развития // *Российский юридический журнал.* 2017. № 6.

Россинский С. Б. Что может быть практичнее хорошей теории: продолжаем обсуждать проблемы юридического образования // *Юридическое образование и наука.* 2018. № 9.

Татур Ю. Г. Как повысить объективность измерения и оценки результатов образования // *Высшее образование в России.* 2010. № 5.

Файзрахманов Р. А. С. С. Алексеев и особенности преподавания теории государства и права // *Проблемы правопонимания: коллектив. моногр. по результатам III Алексеевских чтений / отв. ред. В. Д. Перевалов.* Екатеринбург, 2018.

Хохлов С. А. Выступление на открытии Российской школы частного права 17 октября 1995 г. // *Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика:* сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998.

References

Alekseev S. S. Boris Borisovich Cherepakhin // *Cherepakhin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu.* M., 2001.

Alekseev S. S. O metodike prepodavaniya obshchei teorii gosudarstva i prava. Iz opyta kafedry teorii gosudarstva i prava Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta // *Pravovedenie.* 1978. № 6.

Alekseev S. S. Uroki. Tyazhkii put' Rossii k pravu. M., 1997.

Faizrahmanov R. A. S. S. Alekseev i osobennosti prepodavaniya teorii gosudarstva i prava // *Problemy pravoponimaniya: kolektiv. monogr. po rezul'tatam III Alekseevskikh chtenii / отв. ред. V. D. Perevalov.* Ekaterinburg, 2018.

Gongalo B. M. Shkola tsivilistiki na Urale // *Antologiya ural'skoi tsivilistiki. 1925–1989: sb. st. M., 2001.*

Khokhlov S. A. Vystuplenie na otkrytii Rossiiskoi shkoly chastnogo prava 17 oktyabrya 1995 g. // *Grazhdanskii kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika: sb. pamyati S. A. Khokhlova / отв. ред. А. Л. Маковский.* М., 1998.

Lazarev V. V. Ob evolyutsii pravoponimaniya v rossiiskoi doktrine prava // *Problemy pravoponimaniya: kolektiv. monogr. po rezul'tatam III Alekseevskikh chtenii / отв. ред. V. D. Perevalov.* Ekaterinburg, 2018.

Makovskii A. L. O Stanislave Antonoviche Khokhlove // *Grazhdanskii kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika: sb. pamyati S. A. Khokhlova / отв. ред. А. Л. Маковский.* М., 1998.

Murzin D. V. Ob Aleksandre Markoviche Vinavere // *Tsivilisticheskie zapiski.* М., 2001.

Perevalov V. D. Metodologiya yuridicheskogo obrazovaniya: istoki i etapy razvitiya // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal.* 2017. № 6.

Rossinskii S. B. Chto mozhet byt' praktichnee khoroshei teorii: prodolzhaem obsuzhdad' problemy yuridicheskogo obrazovaniya // *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka.* 2018. № 9.

Tatur Yu. G. Kak povysit' ob'ektivnost' izmereniya i otsenki rezul'tatov obrazovaniya // *Vysshee obrazovanie v Rossii.* 2010. № 5.

Verbitskii A. A. Teoriya i tekhnologiya kontekstnogo obrazovaniya. М., 2017.

СУДЬБЫ ОСТАВШИХСЯ В СССР ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам архивно-следственных дел ГААОСО)

Мотревич Владимир Павлович

Профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор исторических наук,
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

В статье на основе хранящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) архивно-следственных дел советских и иностранных граждан исследована судьба оставшихся в Советской России военнопленных Первой мировой войны, немцев по национальности. Показано, что многие из них в 1930–1940-е гг. стали жертвами политических репрессий. Первая волна репрессий коснулась их в 1937–1938 гг. в ходе так называемой немецкой операции, когда бывшие военнопленные огульно обвинялись в шпионаже. Вторая волна репрессий обрушилась на немецкое население СССР в начале Великой Отечественной войны. Анализ материалов следствия показывает, что арестованным инкриминировали ст. 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» УК РСФСР 1926 г. Не спасало от «расстрельных» приговоров даже иностранное гражданство, хотя в ряде случаев оно являлось основанием для высылки за пределы СССР. Проводимые в те годы репрессивные акции отличались упрощенным порядком ведения следствия и широким применением высшей меры наказания. Вместе с тем нахождение под следствием вовсе не гарантировало вынесение обвинительного приговора. Дела половины арестованных в 1937–1938 гг. по обвинению в шпионаже граждан были прекращены из-за отсутствия в их действиях состава преступления.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, Свердловская область, архивно-следственные дела, политические репрессии, реабилитация

DESTINIES OF THE PRISONERS OF WORLD WAR I WHO REMAINED IN THE USSR (based on the materials from the SAAASR archives)

Motrevich Vladimir

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of historical sciences,
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

On the basis of the archive-investigative files of Soviet and foreign citizens stored in the State Archive of Administrative Agencies of the Sverdlovsk Region (SAAASR), the author investigates the fate of the prisoners of World War I, who remained in Soviet Russia, Germans by nationality. It is noted that many of them became victims of political repression in the 1930–1940s. The first wave of repression affected them in 1937–1938 during the so-called «German operation», when former prisoners of war were accused of espionage. The second wave of repression hit German population of the USSR at the beginning of the Great Patriotic War. The analysis of the investigation materials shows that prisoners were charged with Art. 58-10 «Anti-Soviet agitation and propaganda» of the RSFSR Criminal Code of 1926. Even foreign citizenship did not save from «death» sentences, although in some cases it was the basis for expulsion from the USSR. The repressions carried out in those years were characterized by a simplified procedure of investigation and a wide application of capital punishment. However, there were no guarantees that one, who was under investigation, would be definitely convicted. Cases of half of the citizens arrested on charges of espionage in 1937–1938 were terminated due to lack of corpus delicti in their actions.

Key words: prisoners of war, World War I, Sverdlovsk region, archive-investigative files, political repressions, rehabilitation

Выступая 4 февраля 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин говорил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹. Как известно, с начала 1920-х гг. Советский Союз находился в постоянном ожидании иностранной военной интервенции и новой большой войны. Во второй половине 1930-х гг. международная обстановка еще более накалилась, и в этих условиях под подозрение советского руководства попали лица «иностранного» для СССР национальностей. Они воспринимались руководством страны и как нелояльная режиму среда, и как потенциальная база шпионской и диверсионной деятельности в Советском Союзе. В этой ситуации в 1937–1938 гг. органы НКВД СССР осуществили в стране массовые репрессивные акции, получившие в историографии название «Большой террор». Данные операции проводились, в частности, против национальных меньшинств и граждан иностранных государств. В качестве контингентов были выделены нацменьшинства, национальные государства которых проводили активную подрывную работу против СССР.

Таким образом, в условиях надвигающейся войны И. В. Сталин и его ближайшее окружение планировали уничтожить существовавшую, по их мнению, в Советском Союзе «пятую колонну». В августе 1937 г. началась «польская операция». Затем волна репрессий охватила советских граждан – румын, латышей, литовцев, эстонцев, греков, иранцев, болгар, македонцев и афганцев. Только с 25 августа 1937 г. по 17 ноября 1938 г. в ходе «национальных операций» были осуждены 335 513 и расстреляны 247 157 человек². Зачистку потенциальной «пятой колонны» начали с немцев. Инициатива так называемой немецкой операции во многом принадлежит И. В. Сталину. В архиве Президента Российской Федерации отложилось его рукописное указание: «Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях, всех арестовать». Затем И. В. Сталин собственноручно написал текст решения Политбюро ЦК ВКП(б). В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 г. «ВОПРОС НКВД» Ежову предлагалось издать приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах и высылке части арестованных за границу. На основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 25 июля 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00439, посвященный операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР. В нем речь шла о работавших на оборонных предприятиях и на транспорте гражданах Германии, которых в трехдневный срок предстояло выявить, а с 29 июля 1937 г. приступить к их арестам³.

В дальнейшем перечень репрессируемых контингентов значительно расширился. Арестовывались оставшиеся в СССР немцы – политэмигранты, перебежчики из Германии, «контрреволюционный актив» немецких автономных районов, а также бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте. Аресту подлежали и все те, кто поддерживал связь с немецкими дипломатами в СССР, побывавшие в германском плену во время Первой мировой войны бывшие солдаты и офицеры русской императорской армии, бывшие служащие немецких предприятий, жены осужденных по «немецкой операции» и заключенные, отбывающие срок за шпионаж в пользу Германии. «Немецкая операция» завершилась к 15 ноября 1938 г., в результате было осуждено 55 005 человек, в том числе 41 898 человек приговорены к высшей мере наказания (далее – ВМН). В Свердловской области были осуждены 4379 немцев, из них 1467 человек приговорены к ВМН⁴.

¹ Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 39.

² Кречетников А. Кому не повезло с рождением: интернационализм по-сталински // BBC News. 2017. 25 июля. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40597591> (дата обращения: 21.04.2019).

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 250, 251, 271, 647.

⁴ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75. URL: <http://www.old.memo.ru/history/nem/chapter2.htm> (дата обращения: 21.04.2019).

В фондах ГААОСО хранятся дела 3693 репрессированных советских и иностранных граждан немецкой национальности. Разницу в количестве репрессированных можно объяснить тем, что после выделения в октябре 1938 г. Пермской области из состава Свердловской области часть дел, по-видимому, была передана в архив УКГБ СССР по Пермской области.

В современной историографии имеется немало крупных работ, посвященных репрессиям против немецкого населения СССР, находившимся в годы довоенных пятилеток в стране иностранным специалистам и бежавшим в Советский Союз членам коммунистических партий зарубежных стран¹. Есть и публикации, выполненные на уральских материалах². Однако до настоящего времени мало что известно о судьбах оставшихся в Советской России бывших военнопленных Первой мировой войны из состава австро-венгерской и германской армий, которые также часто оказывались жертвами политических репрессий. В равной степени это относится к уральской историографии. Исследования посвящены пребыванию иностранных военнопленных Первой мировой войны на Урале, их участию в Гражданской войне, а в последние годы и изучению смертности пленных и состоянию мест их захоронений³.

В Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААСО) хранятся 43 архивно-следственных дела находившихся под следствием бывших военнопленных Первой мировой войны, немцев по национальности. Их анализ показывает, что к моменту ареста большинство из оставшихся в России военнопленных приняли советское гражданство. Как известно, в 1933 г. в ходе паспортизации было установлено, что «бывшие военнопленные, не оформившие вид на жительство, рассматриваются наравне с гражданами СССР». Они обязывались оформить советское гражданство, так как теперь без паспорта не имели права проживать в тех местностях, где паспортизация уже была проведена⁴.

В результате изучения архивно-следственных дел военнопленных немцев установлено, что в середине 1930-х гг. советское гражданство из них имели 32 человека; у двоих было гражданство Австрии, у троих – Германии, у одного – Чехословакии и один являлся подданным Венгрии; еще четверо оказались лицами без гражданства⁵. Во второй половине 1930-х гг. только двое из них являлись лицами без гражданства. Это бывшие подданные Австро-Венгерской империи Лев Гайст и Матвей Бондер (Биндер). Бывший дворянин Л. Гайст, уроженец Вены, попавший в русский плен в 1916 г. и проживавший в Свердловске, был арестован в августе 1941 г. по ст. 58-6 «Шпионаж» УК РСФСР 1926 г. и отправлен для отбытия наказания в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) Магадана. Однако спустя месяц он был этапирован обратно в Свердловск для дополнительного расследования и умер в июле 1943 г. в тюрьме № 16. Матвей Бондер (Биндер) попал в плен в 1914 г., после окончания войны остался в России и работал грузчиком на металлургическом заводе в г. Нижний Тагил. В 1938 г. его арестовали по обвинению в шпионаже, однако вскоре он был освобожден⁷.

¹ Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 1995; Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012; Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000; Дель О. А. От иллюзий к трагедии. Немецкие политэмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998 и др.

² Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920–1950-е годы: в 2 ч. Н. Тагил, 1996. Ч. 1–2; Делицой А. И. Участие немецких инженеров в развитии уральской промышленности в конце 20-х – начале 30-х гг. // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Екатеринбург, 2001; Чернова Н. В. Немецкие политические эмигранты на Магнитострое в 1930-е годы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 и др.

³ Мотрович В. П. Захоронения военнопленных из состава австро-венгерской армии на Урале: результаты поисковых и благоустроительных работ // Вопросы истории Венгрии и российско-венгерских отношений. Екатеринбург, 2018; Его же. Смертность военнопленных Первой мировой войны в г. Тобольске, Надеждинском и Ревдинском рабочих поселках Пермской губернии (по данным метрических книг) // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2018; Плотников И. Ф. Участие немцев и австрийцев – военнопленных в России в вооруженном противоборстве «красных» и «белых» на Урале и в Сибири // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Екатеринбург, 2001; Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014 и др.

⁴ Белковец Л. П. Приобретение советского гражданства иностранцами (1920–1930-е гг.) // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 204–210.

⁵ Понятие «лица без гражданства» было введено ст. 8 Закона СССР от 19 августа 1938 г. «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик».

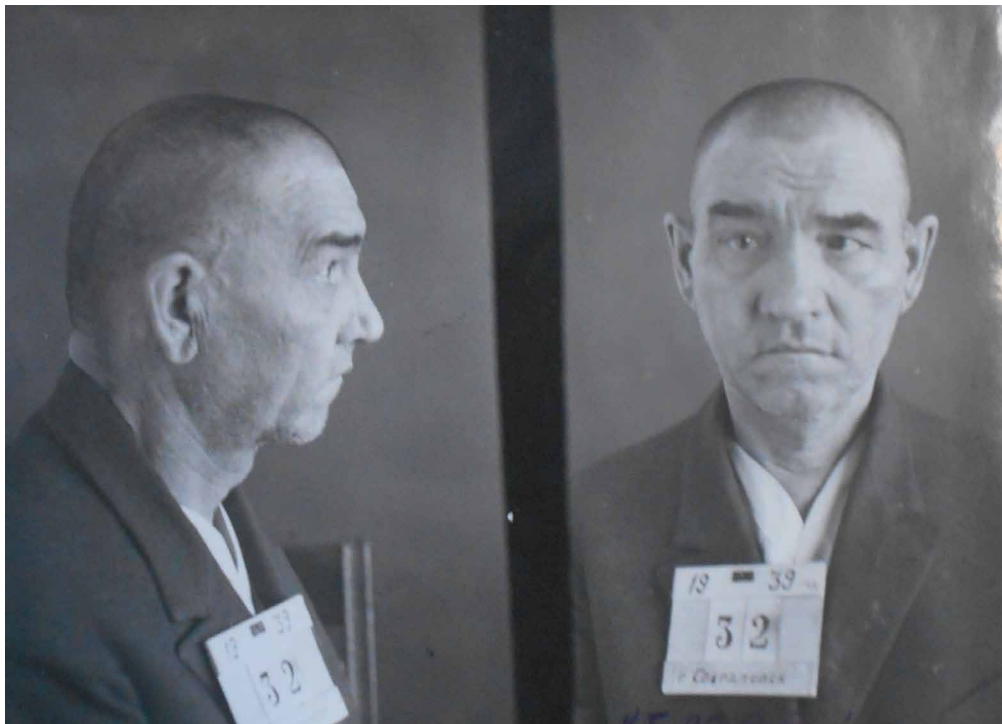
⁶ ГААСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21064.

⁷ Там же. Д. 4925.

Что касается еще двоих бывших военнопленных, то в их делах данные о гражданстве отсутствуют, а сами дела относятся к 1919 г. Судя по ним, уроженец Моравии Генрих Шмалленберг (Сингбартель) проживал в Екатеринбурге и был заведующим секретным подотделом Екатеринбургской губчека¹. Карл Штоль (Штайнкопф) также проживал в Екатеринбурге и был командиром взвода расквартированного в городе батальона интернационалистов². В октябре 1919 г. их практически одновременно арестовали по обвинению в антисоветской пропаганде. Однако в декабре того же года по распоряжению из Москвы они были освобождены и направлены на прежнее место работы.

Большинство архивно-следственных дел бывших военнопленных из состава австро-венгерской и германской армий относятся к временам Большого террора. Судя по ним, 36 бывших военнопленных были арестованы в 1937–1938 гг. в ходе так называемой немецкой операции. Из числа арестованных шесть бывших военнопленных в годы Гражданской войны служили в РККА, семь из них в разное время были членами ВКП(б). Всех их обвиняли по ст. 58-6 УК РСФСР 1926 г. Способы получения признательных показаний от арестованных были самые разные. Так, руководитель духового оркестра клуба им. Сталина в пос. Новая Ляля Севастьян Ияух (Биндер), служивший в годы Гражданской войны в РККА, на допросах показал, что в 1933 г. был завербован немецким шпионом Лейманом. Однако на суде от ранее сделанных показаний он отказался, заявив, что подписал их по просьбе следователя как нужные для органов НКВД. Несмотря на это, решением Особой тройки при УНКВД по Свердловской области Севастьян Ияух (Биндер) был приговорен к пяти годам ИТЛ³.

Некоторым арестованным помимо обвинения в шпионаже инкриминировали и другие преступления: вооруженное восстание, диверсии, участие в контрреволюционных организациях. Например, за шпионаж, подрыв государственной промышленности и транспорта, антисоветскую агитацию и пропаганду к пяти годам ссылки в Красноярский край был приговорен бывший член ВКП(б), инженер по снабжению импортным оборудованием Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле Альфред Келлер (Келишевский). В архивно-следственном деле А. Келлера в ка-

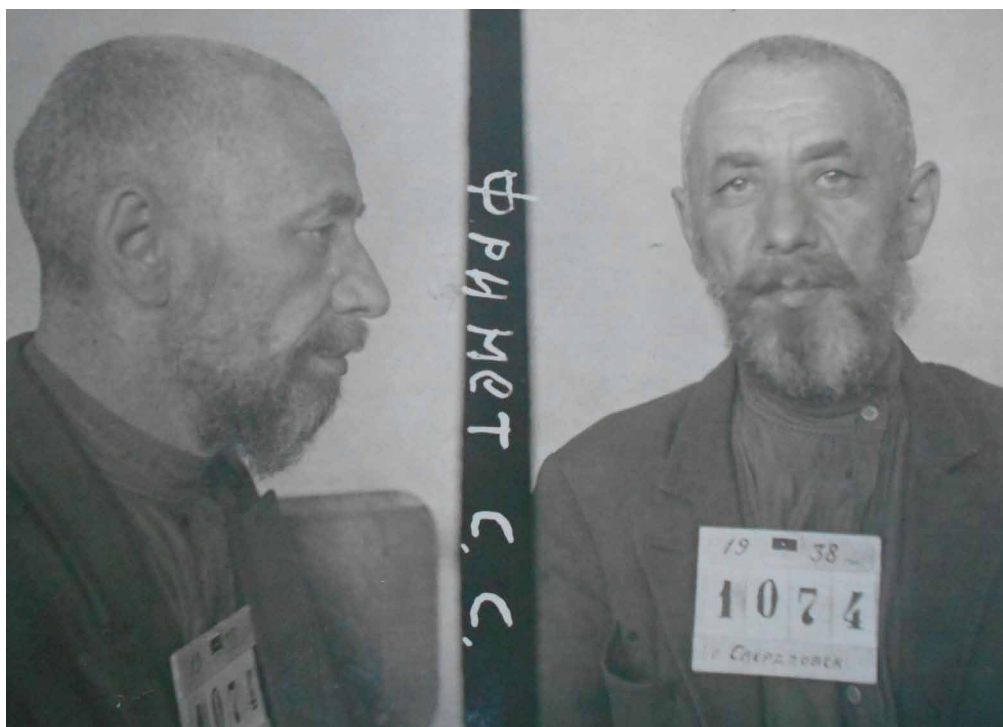

Альфред Келлер

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18278.

² Там же. Д. 18278.

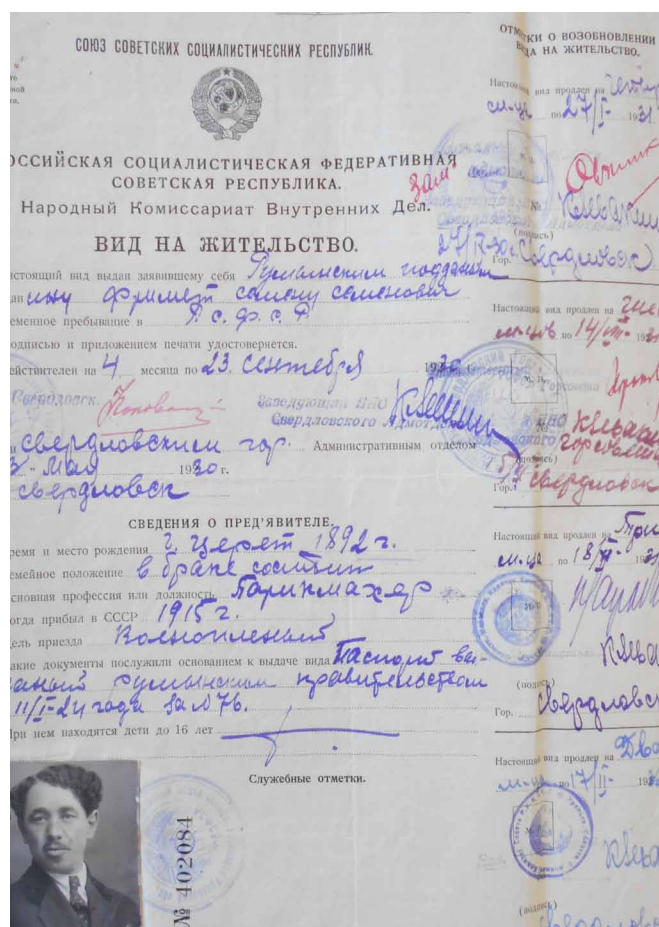
³ Там же. Д. 28404. Л. 91.

Семен Фримет

честве доказательной базы хранятся тексты рассказываемых им «контрреволюционных» анекдотов, дискредитирующих, по мнению обвинения, партию и правительство. Следствие по делу А. Келлера длилось почти два года, через неделю после осуждения он скончался¹.

Обвиняемых по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР 1926 г. часто приговаривали к ВМН. Всего Особой тройкой при УНКВД СССР по Свердловской области, куда входили начальник областного управления НКВД, секретарь обкома и областной прокурор, к ВМН были приговорены восемь обвиняемых. Среди них – Семен Фримет. В справке на арест указывалось, что, по данным УНКВД, он являлся германским разведчиком и по заданию германских разведывательных органов вел шпионскую работу. Семен Фримет долгое время был заведующим парикмахерской при гостинице «Большой Урал» в Свердловске и имел широкие связи с иностранцами. В 1935 г. в одном из номеров гостиницы останавливался германский профессор, которому С. Фримет оказывал услуги по ознакомлению с городом и розыску нужных тому лиц. На основании изло-

Вид на жительство в СССР
С. Фримета

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18303. Л. 3, 80.

КОМИТЕТ
государственной безопасности СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Заведующему отделом ЗАГСа
Свердловского
гор(рай) исполкома Совета
народных депутатов

№ _____
г. Свердловск
ул. Вайнера, 4

т. _____
г. Свердловск

ИЗВЕЩЕНИЕ

Просим произвести регистрацию смерти (без указания её причины) гр. Фримета
Семёна Семёновича 1892 года рождения,
урож. г. Сергеев-Рудницкий
г. Свердловск, который умер в местах
лишения свободы, 15 " 09 1938 года. До ареста он проживал по адресу:
г. Свердловск, ул. Шейкина, 10А, кв. 6
Свидетельство о смерти необходимо выдать _____
умершего _____, проживающе _____
по адресу _____

Начальник подразделения УКГБ СССР
по Свердловской области

А. А. Платников
07.03.89 тир. 8000 зак. 1178

СПРАВКА
о реабилитации

Дело по обвинению Фримета Семёна Семёновича
(ф.и.о.)
1892 г., урож. г. Сергеев-Рудницкий, наместника в
год и место рождения до ареста
государственный г. Свердловск
работавшего
58-6 УК РСФСР
обвинявшегося по статье
пересмотрено " " _____ 1989 г.
Гр-и(ка) Фримет С.С. подпадает под действие
(ф.и.о.)
от. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989
года № ЮС36-ХІ "О дополнительных мерах по восстановлению спра-
ведливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период
30-40-х и начала 50-х годов", и по настоящему делу реабили-
тирован(а).

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ИСТИН

/ КИСЕЛЕВ /

1774/27719

Извещение о смерти и справка о реабилитации С. Фримета

женного С. Фримет подлежал аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-6 УК РСФСР 1926 г. Справка была подписана оперуполномоченным третьего отдела УГБ УНКВД СССР по Свердловской области сержантом госбезопасности Архиповым. В архивно-следственном деле С. Фримета хранится и много других документов. Среди них – вид на жительство в СССР, извещение о смерти, справка о реабилитации и др. 12 февраля 1937 г. С. Фримет был арестован, 15 июля 1938 г. осужден, 15 сентября того же года расстрелян и 25 апреля 1989 г. реабилитирован Военной прокуратурой Уральского военного округа¹.

К ВМН были приговорены и пять других бывших военнопленных немцев, принявших советское гражданство. Среди них – заведующий складом Монетного торфопредприятия Павел Макс (Максимов)², а также проживавшие в областном центре преподаватель немецкого языка Свердловского медицинского института Ганс

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 42545. Л. 5, 14, 58.

² Там же. Д. 27875.

Шуберт (Штыцер)¹, коневодчик треста «Гордормостстрой» Альфред Януш (Штыцер)², возчик Автогужтреста Зигмунд Хайзлер (Биндер)³ и мастер треста «Главрыба» Иосиф Майер⁴.

Кроме того, троих обвиняемых приговорили к трехлетнему гласному надзору, семерых – к заключению в ИТЛ на срок от 5 до 10 лет, а дела 17 человек были прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления⁵. Еще двух бывших военнопленных, являющихся гражданами других стран, выдворили из СССР. По обвинению в шпионаже к выдворению из Союза был приговорен гражданин Чехословакии, уроженец Вены Вильгельм Сингбартль (Сингбартель), работавший кухонным рабочим в гостинице «Большой Урал» в Свердловске (особенностью его биографии было то, что ранее он являлся кандидатом в члены ВКП(б), был интернационалистом и в 1918–1923 гг. служил в РККА⁶). К такой же мере наказания был приговорен гражданин Германии, уроженец земли Гессен Адольф Штейнзик (Штейн), работавший в пос. Новая Ляля Свердловской области преподавателем немецкого языка в средней школе № 1.

Наличие иностранного гражданства вовсе не являлось гарантией от уголовного преследования в СССР. Так, в апреле 1938 г. были расстреляны обвиненные в шпионаже и диверсиях гражданин Австрии Игнатий Рауш (Мистенир) и подданный Венгрии Матяс Франк (Перьян). Первый из них проживал в одной из деревень Челябинской области и работал сапожником, второй трудился парикмахером в г. Камышлов Свердловской области⁷.

С началом Великой Отечественной войны репрессии против немецкого населения СССР снова усилились. Самым распространенным поводом для предъявления обвинения стала ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г. Уже на второй день войны за антисоветскую агитацию и пропаганду был арестован и вскоре приговорен к десяти годам ИТЛ плотник горкомхоза г. Свердловска Лука Цакел (Биндер)⁸. По этой же статье в октябре 1941 г. был арестован работник свердловского треста «Водоканализация» Альберт Казберкович, не доживший до приговора в тюрьме № 1⁹. По обвинению в антисоветской агитации и пропаганде также были осуждены бывшие военнопленные: адвокат из г. Артемовский Август Юван (Эшик) и сапожник из Новолялинского района Франц Марчини¹⁰.

В условиях военного времени некоторые из осужденных по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде были приговорены к ВМН. Судя по архивно-следственным делам, в их число попадали те, кто ранее привлекался к уголовной ответственности по ст. 58-10. Среди них – уроженец австрийского городка Корнойбург Мартын Реннер (Рейнер). Попав в 1916 г. в плен, он остался в России и в 1922 г. принял советское гражданство. Мартын Реннер проживал в Свердловске и работал сапожником в Сталинском райпромкомбинате. В первый раз его осудили в 1936 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду на три года ИТЛ. В октябре 1941 г. по данной статье он был арестован повторно и приговорен к ВМН¹¹.

9 января 1942 г. был расстрелян бывший сторож сельскохозяйственного рабфака в г. Ирбит Свердловской области Карл Шмидт (Цодров). В первый раз он попал в поле зрения правоохранительных органов в 1938 г. и по обвинению в шпионаже был приговорен к трехлетнему гласному надзору. Второй раз его осудили в 1940 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду. В третий раз он был осужден по этой же статье, будучи заключенным Нижнетуринской промколонии НКВД и приговорен к ВМН¹².

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23919.

² Там же. Д. 33675.

³ Там же. Д. 22966.

⁴ Там же. Д. 23274.

⁵ Там же. Д. 1251, 2709, 2773, 3056, 3100, 3231, 3948, 4132, 4184, 4925, 5000, 5160, 16848, 18191, 18207, 18303, 22966, 23274, 23919, 25309, 26738, 26748, 27875, 28404, 33675, 33874, 36180, 36205, 36216, 37317, 38370, 39379, 42545, 43056, 43386, 47416.

⁶ Там же. Д. 38370.

⁷ Там же. Д. 25309, 43056.

⁸ Там же. Д. 35983.

⁹ Там же. Д. 26748.

¹⁰ Там же. Д. 18027, 18191.

¹¹ Там же. Д. 17826, 37035.

¹² Там же. Д. 46386, 47416.

В зоне досягаемости советских спецслужб оказались и некоторые бывшие военнопленные Первой мировой войны, впоследствии уехавшие из России. Так, попавший в 1916 г. в плен военнослужащий австро-венгерской армии Вальтер Эшиг (Эшик) до 1920 г. проживал в Иркутске и Верхнеудинске. После этого уехал в Харбин (Манчжурия), где руководил благотворительным центром. В октябре 1945 г. гражданин Германии В. Эшиг (Эшик) был арестован и осужден по ст. 58-4 УК РСФСР 1926 г. за оказание помощи международной буржуазии. Для отбытия наказания он был отправлен в расположенный на территории Свердловской области Востокураллаг МВД СССР, где и умер в январе 1947 г.¹

Таким образом, многие оставшиеся после окончания Первой мировой войны в Советской России иностранные военнопленные в 1930–1940-е гг. стали жертвами политических репрессий. Первая волна репрессий коснулась их в 1937–1938 гг. в ходе так называемой немецкой операции. Родившиеся за рубежом, хотя и принявшие советское гражданство, бывшие военнопленные огульно обвинялись в шпионаже. Не спасало от «расстрельных» приговоров даже иностранное гражданство, хотя в ряде случаев оно являлось основанием для высылки за пределы СССР. Проводимые в те годы репрессивные акции отличались упрощенным порядком ведения следствия и широким применением высшей меры наказания. Вместе с тем нахождение под следствием вовсе не гарантировало обвинительный приговор. Дела 17 арестованных по обвинению в шпионаже, т. е. почти половины, были прекращены из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Вторая волна репрессий обрушилась на немецкое население СССР в начале Великой Отечественной войны. Многие из бывших военнопленных были мобилизованы в «трудовую армию». Анализ материалов следствия показывает, что теперь арестованным инкриминировали ст. 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» УК РСФСР 1926 г. Если же подследственные ранее уже были осуждены по данной статье, то это выступалоотягчающим обстоятельством и часто служило основанием для приговоров к ВМН.

Список литературы

Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 1995.

Белковец Л. П. Приобретение советского гражданства иностранцами (1920–1930-е гг.) // Российский юридический журнал. 2010. № 6.

Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012.

ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1251, 2709, 2773, 3056, 3100, 3231, 3948, 4132, 4184, 4925, 5000, 5160, 16848, 17826, 18027, 18191, 18207, 18278, 18303, 21064, 22966, 23274, 23919, 25309, 26738, 26748, 27875, 28404, 33675, 33874, 35983, 36180, 36205, 36216, 37035, 37317, 38370, 39379, 42545, 43056, 43386, 46386, 47416.

Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000.

Делицой А. И. Участие немецких инженеров в развитии уральской промышленности в конце 20-х – начале 30-х гг. // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Екатеринбург, 2001.

Дель О. А. От иллюзий к трагедии. Немецкие политэмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997.

Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920–1950-е годы: в 2 ч. Н. Тагил, 1996. Ч. 1–2.

Кречетников А. Кому не повезло с рождением: интернационализм по-сталински // BBC News. 2017. 25 июля. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40597591>.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.

Мотревич В. П. Захоронения военнопленных из состава австро-венгерской армии на Урале: результаты поисковых и благоустроительных работ // Вопросы истории Венгрии и российско-венгерских отношений. Екатеринбург, 2018.

Мотревич В. П. Смертность военнопленных Первой мировой войны в г. Тобольске, Надеждинском и Ревдинском рабочих поселках Пермской губернии (по данным метрических книг) // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2018.

Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

¹ Там же. Д. 35983.

Охотнин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. URL: <http://www.old.memo.ru/history/nem/chapter2.htm>.

Плотников И. Ф. Участие немцев и австрийцев – военнопленных в России в вооруженном противоборстве «красных» и «белых» на Урале и в Сибири // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Екатеринбург, 2001.

Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1951. Т. 13.

Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998.

Чернова Н. В. Немецкие политические эмигранты на Магнитострое в 1930-е годы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4.

References

Belkovets L. P. «Bol'shoi terror» i sud'by nemetskoj derevni v Sibiri (konets 1920-kh – 1930-e gg.). М., 1995.

Belkovets L. P. Priobretenie sovetskogo grazhdanstva inostrantsami (1920–1930-e gg.) // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2010. № 6.

Chentsov V. V. Tragicheskie sud'by. Politicheskie repressii protiv nemetskogo naseleniya Ukrainy v 1920–1930-e gody. М., 1998.

Chernova N. V. Nemetskie politicheskie emigranty na Magnitostroe v 1930-e gody // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2015. № 4.

Del' O. A. Ot illyuzii k tragedii. Nemetskie politemigranty v SSSR v 30-e gody. М., 1997.

Delitsoi A. I. Uchastie nemetskikh inzhenerov v razvitii ural'skoj promyshlennosti v kontse 20-kh – nachale 30-kh gg. // Nemtsy na Urale i v Sibiri (XVI–XX vv.). Екатеринбург, 2001.

GAAOSO (Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti). F. 1. Op. 2. D. 1251, 2709, 2773, 3056, 3100, 3231, 3948, 4132, 4184, 4925, 5000, 5160, 16848, 17826, 18027, 18191, 18207, 18278, 18303, 21064, 22966, 23274, 23919, 25309, 26738, 26748, 27875, 28404, 33675, 33874, 35983, 36180, 36205, 36216, 37035, 37317, 38370, 39379, 42545, 43056, 43386, 46386, 47416.

German A. A. Istoriya Respubliki nemtsev Povolzh'ya v sobyitiyakh, faktakh, dokumentakh. М., 2000.

Kirillov V. M. Istoriya repressii v Nizhnetagil'skom regione Urala 1920–1950-e gody: v 2 ch. N. Tagil, 1996. Ch. 1–2.

Krechetnikov A. Komu ne povezlo s rozhdeniem: internatsionalizm po-stalinski // BBC News. 2017. 25 iyulya. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40597591>.

Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937–1938. М., 2004.

Motrevich V. P. Smertnost' voennoplennykh Pervoi mirovoi voiny v g. Tobol'ske, Nadezhdinskom i Revdinskom rabochikh poselkakh Permskoj gubernii (po dannym metricheskikh knig) // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Екатеринбург, 2018.

Motrevich V. P. Zakhoroneniya voennoplennykh iz sostava avstro-vengerskoj armii na Urale: rezul'taty poiskovykh i blagoustroitel'nykh rabot // Voprosy istorii Vengrii i rossiisko-vengerskikh otnoshenii. Екатеринбург, 2018.

Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. М., 1999.

Okhotnin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoj operatsii» NKVD 1937–1938 gg. // Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. М., 1999. URL: <http://www.old.memo.ru/history/nem/chapter2.htm>.

Plotnikov I. F. Uchastie nemtsev i avstriitsev – voennoplennykh v Rossii v vooruzhennom protivoborstve «krasnykh» i «belykh» na Urale i v Sibiri // Nemtsy na Urale i v Sibiri (XVI–XX vv.). Екатеринбург, 2001.

Stalin I. V. Sochineniya: v 13 t. М., 1951. Т. 13.

Surzhikova N. V. Voennyy plen v rossiiskoi provintsii (1914–1922 gg.). М., 2014.

Vatlin A. Yu. «Nu i nechist'». Nemetskaya operatsiya NKVD v Moskve i Moskovskoi oblasti 1936–1941 gg. М., 2012.

Zhuravlev S. V. «Malen'kie lyudi» i «bol'shaya istoriya»: inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-kh gg. М., 2000.

**«КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ»
В СОСТАВЕ ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА****Овчинникова Ольга Анатольевна**

Доцент кафедры философии и социологии, директор научной библиотеки Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат философских наук, e-mail: olga-2011_11@mail.ru

Морева Ольга Викторовна

Заведующий сектором «Региональный центр „Книжные памятники Свердловской области“» отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (Екатеринбург), кандидат исторических наук, e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

Авторы обращаются к истории бытования изданий из фонда научной библиотеки УрГЮУ, относящихся к категории книжных памятников. Они подчеркивают неисчерпаемый источниковедческий потенциал этих книг, позволяющий проследить, как формировалось крупнейшее специализированное вузовское книжное собрание, и узнать о прошлом библиотек в России с середины XVIII до начала XXI в.

Ключевые слова: вузовская библиотека, история, личные библиотеки, памятники права, книжные памятники, редкие книги, история библиотек

**«BOOK RARITIES»
AS A PART OF THE FUND OF THE SCIENTIFIC LIBRARY
OF THE URAL STATE LAW UNIVERSITY****Ovchinnikova Ol'ga**

Associate professor, director of the scientific library, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of philosophical sciences, e-mail: olga-2011_11@mail.ru

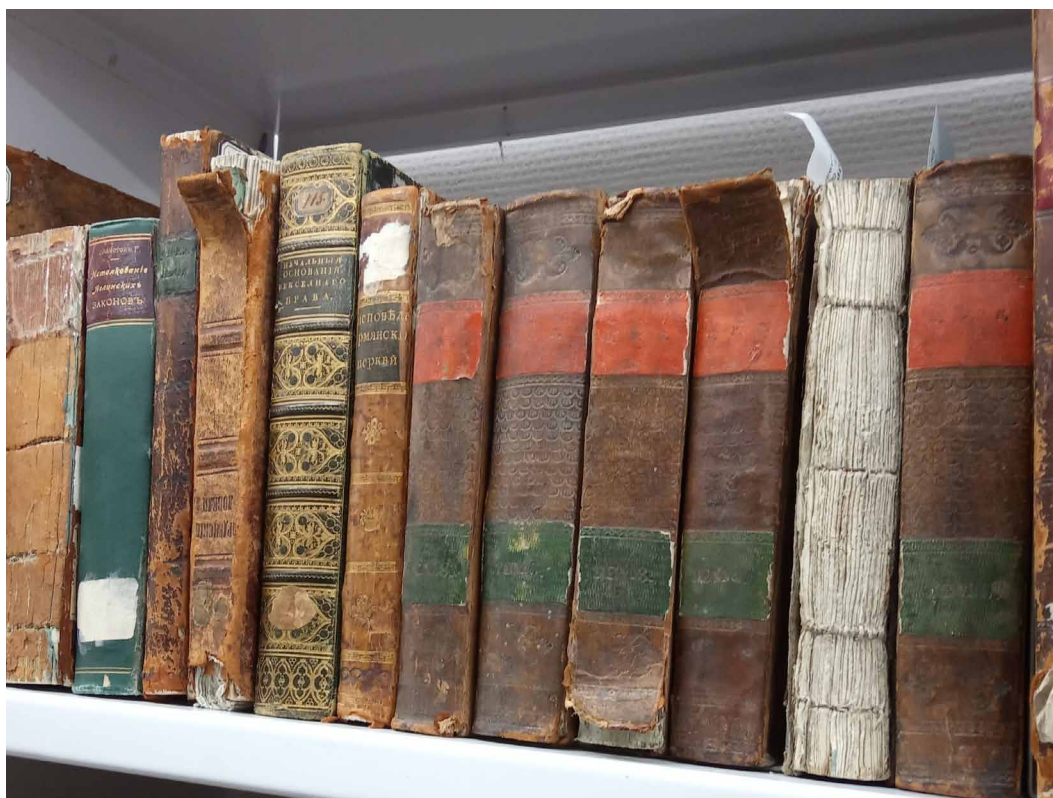
Moreva Ol'ga

Head of sector, Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky (Yekaterinburg), candidate of historical sciences, e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

The authors study the history of publications from the scientific library of the Ural State Law University, which belong to book monuments. They underline the inexhaustible source-study potential of these books, which allows us to trace the formation of the largest specialized university book collection and to learn more about the past of libraries in Russia from the middle of the 18th to the beginning of the 21st century.

Key words: university library, history, personal libraries, monuments of law, book monuments, rare books, history of libraries

История научной библиотеки Уральского государственного юридического университета началась 100 лет назад и разворачивалась в Сибири и на Урале, вмещая в себя все катастрофы революций и войн начала XX в. Следы этих драматических событий сохранились на книгах. Экслибрисы, записи и пометы на полях изданий, относящихся к категории книжных памятников, свидетельствуют о своих прежних владельцах, их интересах, профессиях, визуализируя историю формирования фонда крупнейшей специализированной библиотеки юридического вуза.

Книжные памятники научной библиотеки УрГЮУ

Библиотеке повезло: формированием ее фондов занимались выдающиеся ученые, специалисты в своей области, понимающие важность и ценность вузовской библиотеки. Так было на начальном этапе, так случилось и в июне 1931 г., когда после расформирования Иркутского государственного университета на его основе было организовано три самостоятельных вуза: Педагогический институт, Институт советского строительства и Институт советского права. Документы сообщают, что для раздела и инвентаризации библиотеки вновь образованного Института советского права была создана комиссия в составе трех человек: Товия Семеновича Мошковича (преподавателя криминалистики и первого заведующего институтской библиотекой), Сергея Владимировича Шостаковича (востоковеда-китаиста, кандидата исторических наук) и Бориса Борисовича Черепяхина (специалиста по гражданскому праву, родоначальника свердловской цивилистической школы)¹. С большой долей вероятности можно утверждать, что их участие в отборе книг повлияло на состав и качество научной библиотеки. Представление истории бытования изданий XVIII – начала XIX в. начнем с книжных памятников, сохранивших «иркутский след».

На форзаце пятого издания учебника XVIII в. по вексельному праву² можно обнаружить экслибрисы-наклейки библиотеки принца А. П. Ольденбургского³ и Центрального педагогического музея РСФСР⁴, на титульном листе – штамп Иркутского государственного университета, на с. 17 и 582 – штамп Сибирского института советского права.

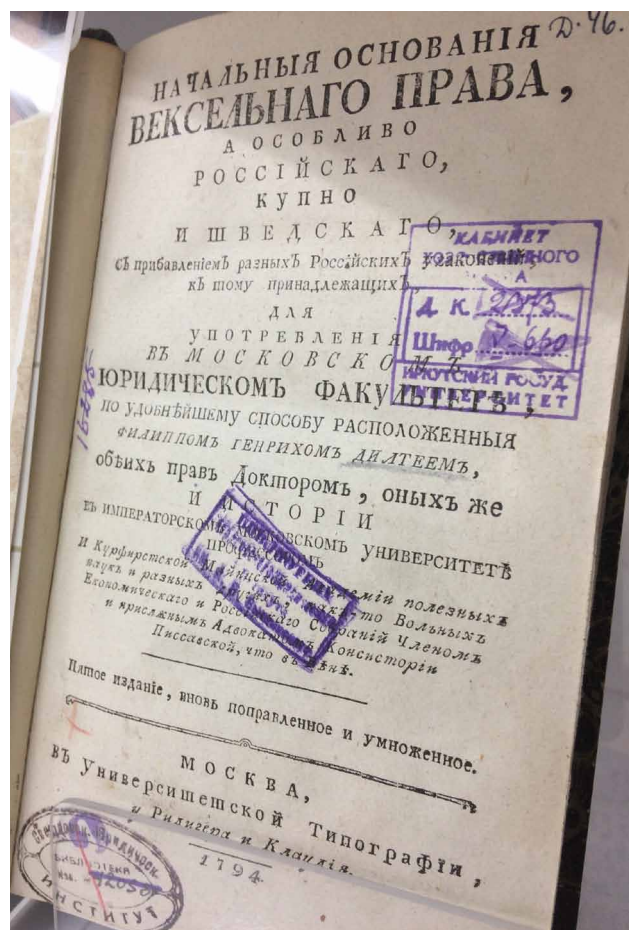
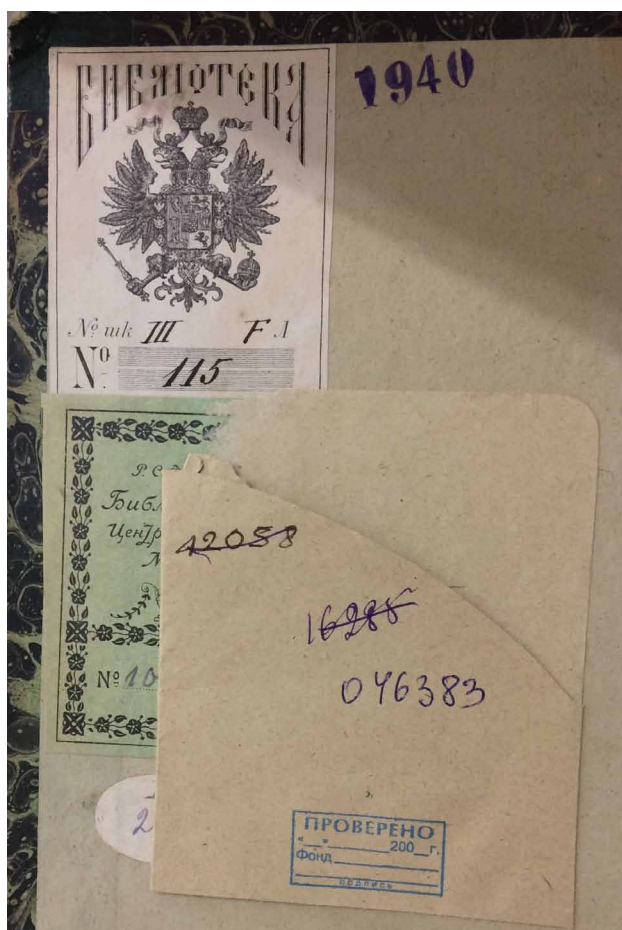
Владельческий книжный знак правнука Павла I А. П. Ольденбургского (литографированная наклейка) создан между 1856 и 1881 гг. Александр Петрович (1812–1881) – доктор права, сенатор, генерал от инфантерии, член Государственного совета, основатель училища правоведения, президент Вольно-экономического общества, почетный член Российской академии наук, был энциклопедически образован и имел прекрасную

¹ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–26об.

² Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского, купно и шведского. С прибавлением разных российских узаконений, к тому принадлежащих. 5-е изд., испр. и доп. М., 1794.

³ Книжные знаки представителей Дома Романовых // Научная библиотека Петрозаводского государственного университета: сайт. URL: <http://library.petsu.ru/collections/red/romanovs.html> (дата обращения: 03.03.2019).

⁴ Экслибрис библиотеки Центрального педагогического музея // Там же. URL: [http://library.petsu.ru/collections/red/exliborg_shrift\(r\).html#2](http://library.petsu.ru/collections/red/exliborg_shrift(r).html#2) (дата обращения: 03.03.2019).

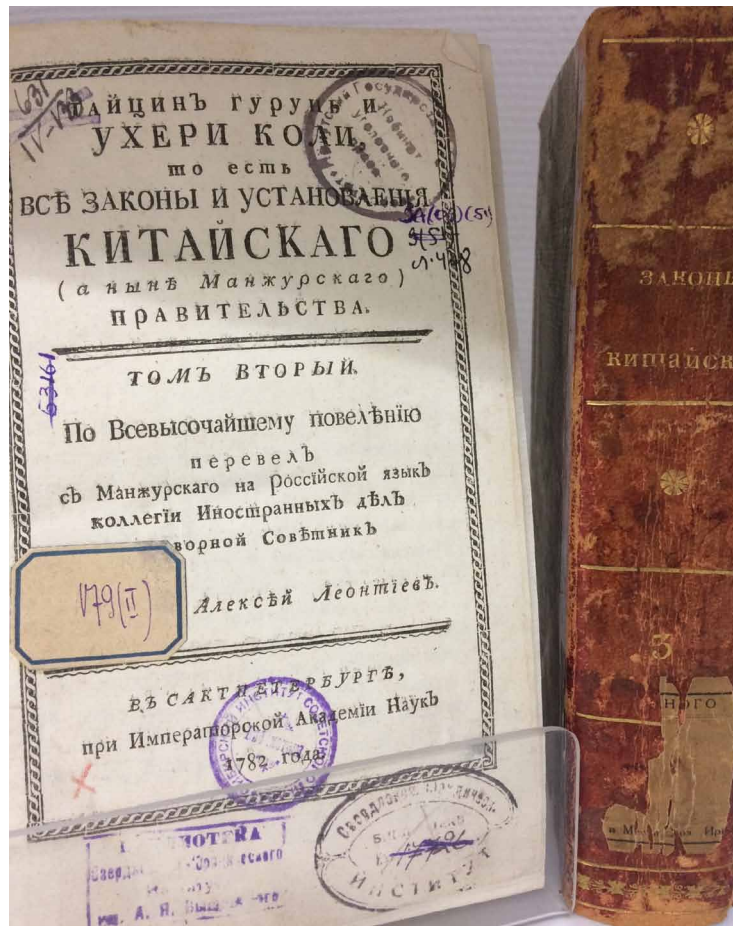

Форзац и титульный лист книги Ф. Г. Дильтея
«Начальные основания вексельного права» (М., 1794)

библиотеку. В национализированном особняке принца после 1917 г. был основан Центральный педагогический музей, при котором организована библиотека. В ее фонд вошло обширное собрание бывшего владельца особняка. После ликвидации музея экземпляры библиотеки перешли в Государственный книжный фонд, а оттуда в конце 1920-х гг. были частично перемещены в Эрмитажное книгохранилище, а частично рассеяны по фондам всей страны. Качественный переплет сохранил это издание XVIII в. в прекрасном состоянии – таким, каким оно попало в руки первого владельца, в наличии даже закладка-ляссе. Эклибрис не содержит указания на владельца, а лишь слова «Библиотека» и изображение увенчанного короной двуглавого орла, на груди которого помещен герб рода Ольденбургских, что и позволяет атрибутировать этот владельческий книжный знак.

Автор книги Филипп Генрих Дильтей (1723–1781), первый профессор права юридического факультета Московского университета, не только собрал все законодательные акты, касающиеся векселей, но и сравнил их со шведскими правовыми нормами. В предуведомлении к своему знаменитому учебнику Дильтей сделал признание, которое свидетельствует о том, что он лично ходил по российским канцеляриям в поисках необходимых законодательных актов: «Если кто усмотрит, что в сем моем сочинении многие российские указы, к вексельному праву принадлежащие, мною пропущены, такого прошу извинить мое в сем непрепобедимом затруднении незнание. Ибо скрывать законы как некоторую тайну есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как то я уже и сам довольно опытом дознал»¹. Учебник в 1768–1804 гг. выдержал шесть изданий, он был популярен среди не только студентов, но и предпринимателей. По словам профессора кафедры права знатнейших древних и новых народов Московского университета Ф. Л. Морошкина (1804–1857), данный

¹ Дильтей Ф. Г. Указ. соч. С. I.

Титульный лист и корешок издания «Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» (СПб., 1781-1783)

трактат был столь удивительным для тогдашнего времени, что «класс деловых людей, увлекшись порядком и полнотой изложения, принял его за руководство в практике и нередко забывал видеть в нем произведение частного человека»¹.

Еще две книги XVIII в. сохраняют следы влияния на комплектование библиотеки историка-востоковеда С. В. Шостаковича. Это два тома издания «Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства»². На томах имеются библиотечные штампы Иркутского государственного университета и Сибирского института советского права. По сведениям из Общероссийского свода книжных памятников, на начало 2019 г. эти тома есть только в научной библиотеке УрГЮУ.

«Иркутский след» находим на издании «Рассуждение о преступлениях и наказаниях»³ Чезаре Беккариа (1738–1794). Это экслибрисы на форзаце: наклейка библиотеки Иркутского военного училища и штамп кабинета общей теории права, появившегося в Иркутском государственном университете.

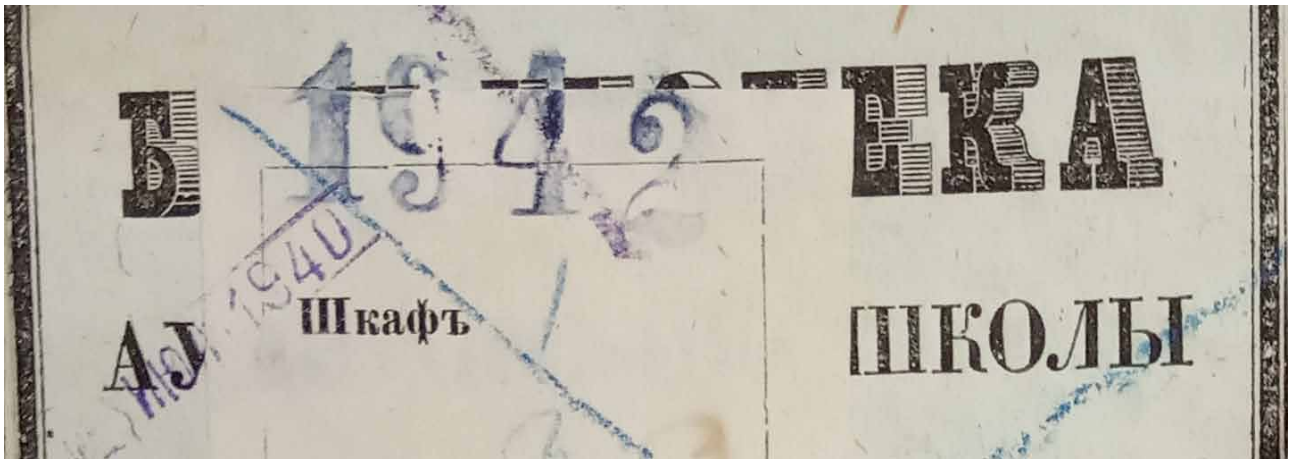
Иркутское военное училище было создано в 1874 г. для обучения вольноопределяющихся из казаков. В декабре 1917 г. преподаватели и юнкера училища приняли активное участие в боевых действиях против большевиков в Сибири, в начале 1918 г. оно было расформировано⁴. В тот период, видимо, книги из училищной библиотеки по-

¹ Цит. по: Томсинов В. А. Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 2015. № 2. С. 16.

² Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства / пер. с маньчжур. А. Леонтиева. СПб., 1781–1783. Т. 2–3.

³ Беккариа Ч. Рассуждение о преступлениях и наказаниях / пер. с ит. на фр. А. Мореллета, с фр. на рус. Д. Языкова. СПб., 1803.

⁴ Подробнее см.: Иркутское военное училище // Regiment.ru. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/C/8/1.htm> (дата обращения: 28.02.2019).

Экслибрис-наклейка библиотеки Аудиторской школы

пали в университетскую. История этого учебного заведения полна драматических событий (пожар, многочисленные переезды и переименования), несмотря на которые в библиотеке сохранился этот труд итальянского философа и юриста, признанный правовой памятник. В нем, исходя из принципов гуманности и законности, автор «обосновывал право наказания с позиций теории общественного договора, т. е. необходимостью защищать „общее благо“ и обеспечивать безопасность и свободу граждан»¹. Ч. Беккариа в своем сочинении впервые выступил против смертной казни. Следы прочтения (записи, пометы) свидетельствуют о востребованности этого издания на протяжении более двух веков. Указанный труд до сих пор оказывает влияние на развитие философско-правовых учений и становится темой для научных изысканий².

От иркутского периода истории библиотеки сохранились «Уголовное право» П. Фейербаха (1775–1833)³ и второй том книги «Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи»⁴. До появления в фонде библиотеки Сибирского института советского права, судя по штампам, они принадлежали Аудиторской школе. Учрежденная в 1832 г. при Санкт-Петербургском батальоне кантонистов для снабжения военно-сухопутного и морского ведомств образованными аудиторами школа в 1860-х гг., после преобразований, была переименована в Александровскую военно-юридическую академию⁵. Книг, изданных после 1830 г., со штампами этого учебного заведения в фонде научной библиотеки УрГЮУ сохранилось более 100: это отечественные и зарубежные издания по юриспруденции. Вероятно, петербургское учебное заведение откликнулось на призыв профессорско-преподавательского состава укомплектовать научную библиотеку нового вуза в Сибири в 1918 г. и выслало дублетные экземпляры в Иркутск в начальный период формирования университета.

Благоприятно отразился на формировании фонда библиотеки перевод института из Иркутска в Свердловск в 1934 г. В тот период несколько технических вузов города были слиты в один – Уральский индустриальный институт (УИИ). В 1935 г. ему было присвоено имя С. М. Кирова. Уральская областная фундаментальная библиотека и библиотеки объединенных вузов образовали общий фонд УИИ⁶. В связи с этой реор-

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин и др. М., 2010. Т. 1: А–Д. С. 230.

² Кокотова Д. А. Современная российская амнистия в контексте идей Ч. Беккариа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

³ Фейербах П. И. А. Уголовное право: в 3 кн. СПб., 1810–1827. Кн. 1.

⁴ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи: в 2 т. СПб., 1821–1822. Т. 2.

⁵ Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк / сост. В. Д. Кузьмин-Караев. СПб., 1891. С. 4–6.

⁶ Кудряшова Г. Ю. Библиотека УГТУ–УПИ в историческом контексте развития университета // Университетская библиотека на рубеже тысячелетий: выбор пути: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (5–7 декабря 2000 г.). Екатеринбург, 2001. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html (дата обращения: 03.02.2019).

**Полное собрание законов
Российской империи
в научной библиотеке УрГЮУ**

ганизацией и появлением в городе юридического вуза вся непрофильная (т. е. не техническая) литература была передана в библиотеку Свердловского правового института. Так, фонд пополнился раритетными изданиями, имеющими сегодня статус книжных памятников. Примеры многочисленны, приведем некоторые из них.

«Имущество Верх-Исетских заводов» – такой штамп стоит на томах Полного собрания законов Российской империи. Это первое в истории Российской империи издание, кодифицирующее законодательные акты, расположенные в хронологическом порядке. Первое собрание составлено под руководством М. М. Сперанского и издано в 1830 г.; включало более 30 тыс. законодательных актов России со времени Соборного уложения 1649 г. до 12 декабря 1825 г.; состояло из 45 томов (40 томов – законодательные акты, 41-й – хронологический указатель, 42-й – алфавитно-предметный указатель, 43 и 44-й – штаты военные, военно-морских и гражданских чинов, 45-й – книга тарифов и несколько томов «приложений» без номеров: книга чертежей и рисунков, гербы городов и пр.)¹.

Кроме штампа первого владельца этих томов – управления Верх-Исетских заводов, есть библиотечные штампы Уральской областной фундаментальной библиотеки и библиотеки Уральского индустриального института им. С. М. Кирова.

Такие же книжные знаки имеются на первом томе «Истолкования английских законов» Уильяма Блэкстона, изданного в 1780 г.² Кроме библиотечных штампов на форзаце издания можно обнаружить экслибрис Владимира Дмитриевича Набокова

(1870–1922), известного юриста, политического деятеля, одного из лидеров конституционно-демократической партии. После отъезда семьи Набоковых в эмиграцию в доме на Большой Морской, 47 осталась богатейшая библиотека (по одним сведениям, она включала более 5, по другим – более 10 тыс. томов)³. Самым обширным в ней был раздел «Правоведение, социология, политические и экономические науки»⁴. Можно предположить, что через Ленинградский государственный книжный фонд этот экземпляр из набоковской библиотеки попал на Урал. Подобная практика распространения книг для вузовских и публичных библиотек существовала в 1940–1960-х гг.⁵

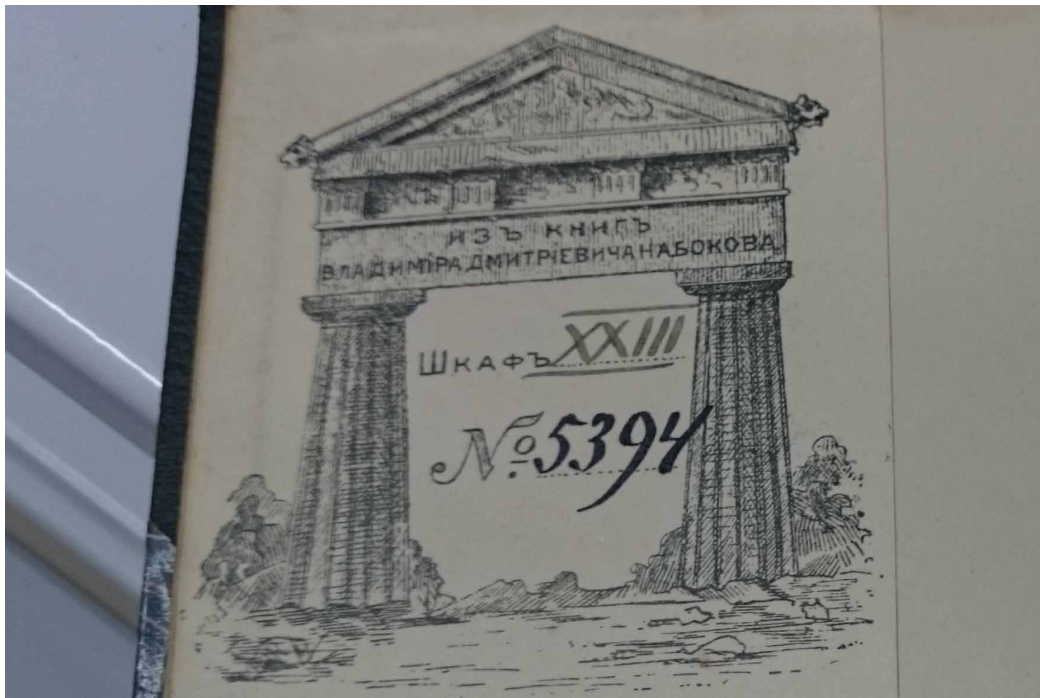
¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 377–378.

² Истолкования английских законов г. Блэкстона / пер. с англ. С. Е. Десницкого при участии А. М. Брянцева. М., 1780–1782. 1780. Кн. 1.

³ В 1904 г. в Санкт-Петербурге был издан «Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова», а в 1911 г. было выпущено дополнение к нему.

⁴ Клименко Л. Ф. Библиотека дома Набоковых // Straipsniai.lt: информ. портал. URL: http://old.straipsniai.lt/ru/V_Nabokov/page/4129 (дата обращения: 03.02.2019).

⁵ Боннер А. Г. Бесценные сокровища: о фонде научной библиотеки Иркутского университета. Иркутск, 1979. С. 59.

Экслибрис-наклейка «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова»

На книгах, относящихся к книжным памятникам¹, имеются владельческие знаки разных людей и эпох. По большей части эти издания влились в библиотеку УрГЮУ уже на Урале. Так, на титульном листе издания «Исповедание христианской веры Армянской церкви»² сохранились выполненная чернилами владельческая запись «В. Величко» и экслибрис-штамп Уральской областной фундаментальной библиотеки. При этом владельческая запись сделана поверх записи предыдущего хозяина книги. Публицистическая деятельность В. Л. Величко (1860–1903) в 1897–1900 гг. была связана с официозной тифлисской газетой «Кавказ», в которой свою редакторскую политику он вел «в духе боевого национализма и ожесточенного армянофобства»³. Возможно, именно в те годы владелец приобрел упомянутый раритет.

Читательская аудитория конца XVIII – начала XIX в. была не так велика⁴, но все же не со всеми владельцами книг мы можем познакомиться, о большинстве известны лишь детали. Так, известно, что хозяин фолианта «Памятник из межевых законов»⁵ Д. А. Алексеева приобрел его в московской книжной лавке М. П. Глазунова, о чем свидетельствует марка книгопродавца (ярлык) на форзаце издания. Книгопродавцы Глазуновы – целая эпоха в истории книжной культуры России. Их торговая и издательская деятельность считались образцом организации книжного дела. Отметим, что 19 ноября 1882 г. по случаю столетия фирмы Глазуновых Константин и Александр Глазуновы были возведены в потомственное дворянское достоинство Российской империи⁶. Том, содержащий актуальное законодательство о межевании⁷, за 200 лет

¹ Статья 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О библиотечном деле» (с изм. и доп., вступ. в силу 3 октября 2016 г.).

² Иосиф. Исповедание христианской веры Армянской церкви / пер. с армян. Иосифа (Аргутинского-Долгорукого). СПб., 1799.

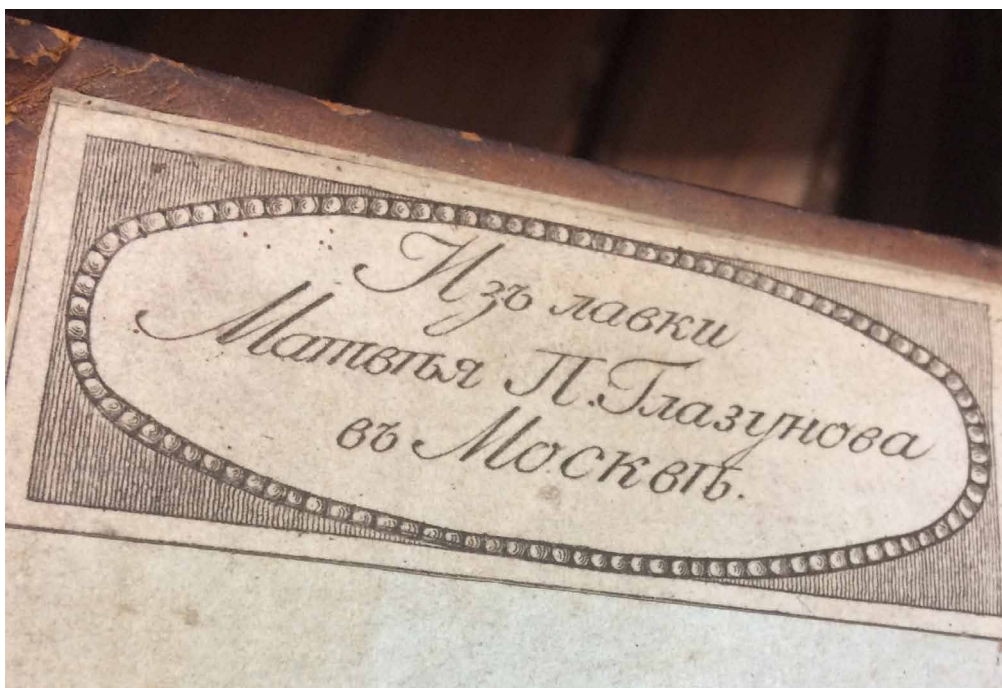
³ Энциклопедический словарь Товарищества «Братья А. и И. Гранат и К°» / под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского и др. М., 1910–1948. Т. II: Воздушная опухоль – Выдача головы. 1938. С. 624.

⁴ Подробнее о читательской аудитории в России того периода см.: Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века: (По спискам подписчиков). М., 2000.

⁵ Алексеев Д. А. Памятник из межевых законов. М., 1806.

⁶ Лица Никольской: династия Глазуновых // Живой журнал ГПИБ России (Историческая библиотека): блог. URL: <https://gpib.livejournal.com/104083.html> (дата обращения: 08.03.2019).

⁷ До сих пор все авторы исторических исследований, посвященных проблеме кадастровых работ, связанных с межеванием, ссылаются на это издание. См., например: Рулев М. С. Органы межевания и разрешения межевых споров в Российской империи: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Марка книгопродавца (наклейка) «Из лавки Матвея П. Глазунова в Москве»

бытования хорошо сохранился. Цельнокожаный переплет с аппликацией на корешке, указывающей автора и название, золотой обрез – все свидетельствует о достатке владельца и бережном отношении к книге.

Ничего не удалось выяснить и о владельце книги «О разуме законов» Ш. Л. Монтескье¹. За более чем двухсотлетнюю историю сохранилось лишь указание на двух владельцев: суперэксlibрис «А. Г.» и штампы научной библиотеки УрГЮУ за разные периоды. Этот первый русский перевод произведения Монтескье «О духе законов» был выполнен по поручению Академии наук В. И. Крамаренковым. Исследователи отмечают популярность французского автора среди русских читателей: «Книги философа и правоведа распространялись как в оригинальных, так и в переводных изданиях, много комментировались, оказали большое прогрессивное влияние»². Но на начало 2019 г. в ОСКП зафиксировано только два экземпляра указанного издания – в научной библиотеке УрГЮУ и Музее истории и культуры Среднего Прикамья (Сарапул); более распространены поздние переиздания и другие переводы³.

Чуть больше нам известно о владельце 6 (с 3 по 8) из 12 томов третьего издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина⁴. В научную библиотеку УрГЮУ они попали после ликвидации Уральской областной фундаментальной библиотеки. Эти тома принадлежали Константину Лисовскому, о чем свидетельствует эксlibрис-наклейка. Кроме имени владельца на польском языке (*Konstanty Lisowski*), есть указание на номер экземпляра и общее количество томов и наименований в библиотеке. Номер экземпляра проставлен на форзаце, титульном листе наборным штампом красным цветом. На эксlibрисе числа вписаны от руки ореховыми, красными и синими чернилами. На всех томах кроме эксlibриса К. Лисовского есть еще один владельческий книжный знак – вензелевый эксlibрис-штамп (буква «К» под короной). Эксlibрис-наклейка почти всегда закрывает эксlibрис-штамп, это дает нам основание утверждать, что у карамзинских томов был еще один владелец.

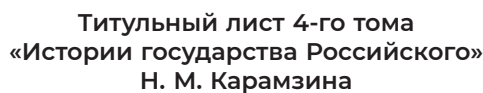
В «Википедии» удалось найти информацию на польском языке о Константине Лисовском (1887–1940), полковнике-ревизоре Польской армии, расстрелянном в Каты-

¹ Монтескье Ш. Л. О разуме законов / пер. с фр. В. Крамаренкова. СПб., 1775. Т. 1.

² Примаковский А. П. Библиография русских переводов произведений Монтескье // Монтескье Ш. Л. де Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлинной. М., 1955. С. 770–771.

³ Книжные памятники Российской Федерации: сайт. URL: <https://kp.rsl.ru/> (дата обращения: 08.03.2019).

⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. 3-е изд. СПб., 1830–1831.

Еще один источник поступления редких книг в фонд библиотеки юридического института – букинистические магазины Ленинграда и Свердловска, о чем свидетельствуют марки книготорговых организаций (штампы). Так, в Ленкниготорге был приобретен «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича»³ с экслибрисом И. И. Срезневского, выдающегося филолога-слависта, этнографа и палеографа; а в Свердкниготорге – «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится»⁴.

⁴ Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. Издано 3-м тиснением. СПб., 1759.

Список литературы

Алексеев Д. А. Памятник из межевых законов. М., 1806.

Беккариа Ч. Рассуждение о преступлениях и наказаниях / пер. с ит. на фр. А. Мореллета, с фр. на рус. Д. Языкова. СПб., 1803.

Боннер А. Г. Бесценные сокровища: о фонде научной библиотеки Иркутского университета. Иркутск, 1979.

Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк / сост. В. Д. Кузьмин-Караваев. СПб., 1891.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–26об.

Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского, купно и шведского. С прибавлением разных российских узаконений, к тому принадлежащих. 5-е изд., испр. и доп. М., 1794.

Иосиф. Исповедание христианской веры Армянской церкви / пер. с армян. Иосифа (Аргутинского-Долгорукого). СПб., 1799.

Иркутское военное училище // Regiment.ru. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/C/8/1.htm>.

Истолкования аглинских законов г. Блэкстона / пер. с англ. С. Е. Десницкого при участии А. М. Брянцева. М., 1780–1782. 1780. Кн. 1.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М., 1998.

Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. 3-е изд. СПб., 1830–1831.

Клименко Л. Ф. Библиотека дома Набоковых // Straipsniai.lt: информ. портал. URL: http://old.straipsniai.lt/ru/V_Nabokov/page/4129.

Книжные знаки представителей Дома Романовых // Научная библиотека Петрозаводского государственного университета: сайт. URL: <http://library.petrso.ru/collections/red/romanovs.html>.

Книжные памятники Российской Федерации: сайт. URL: <https://kp.rsl.ru>.

Кокотова Д. А. Современная российская амнистия в контексте идей Ч. Беккариа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

Кудряшова Г. Ю. Библиотека УГТУ–УПИ в историческом контексте развития университета // Университетская библиотека на рубеже тысячелетий: выбор пути: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (5–7 декабря 2000 г.). Екатеринбург, 2001. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html.

Лица Никольской: династия Глазуновых // Живой журнал ГПИБ России (Историческая библиотека): блог. URL: <https://gpib.livejournal.com/104083.html>.

Монтескье Ш. Л. О разуме законов / пер. с фр. В. Крамаренкова. СПб., 1775. Т. 1.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин и др. М., 2010. Т. 1: А–Д.

Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи: в 2 т. СПб., 1821–1822. Т. 2.

Примаковский А. П. Библиография русских переводов произведений Монтескье // Монтескье Ш. Л. де Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндиной. М., 1955.

Рулев М. С. Органы межевания и разрешения межевых споров в Российской империи: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века: (По спискам подписчиков). М., 2000.

Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768.

Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства / пер. с маньчжур. А. Леонтиева. СПб., 1781–1783. Т. 2–3.

Томсинов В. А. Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 2015. № 2.

Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. Издано 3-м тиснением. СПб., 1759.

Фейербах П. И. А. Уголовное право: в 3 кн. СПб., 1810–1827. Кн. 1.

Экслибрис библиотеки Центрального педагогического музея // Научная библиотека Петрозаводского государственного университета: сайт. URL: [http://library.petrso.ru/collections/red/exliborg_shrift\(r\).html#2](http://library.petrso.ru/collections/red/exliborg_shrift(r).html#2).

Энциклопедический словарь Товарищества «Братья А. и И. Гранат и К°» / под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского и др. М., 1910–1948. Т. II: Воздушная опухоль – Выдача головой. 1938.

Konstanty Lisowski // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Konstanty_Lisowski.

Łaskarzewska H. Starania o zwroty polskich zbiorów bibliotecznych z Kijowa i Petersburga w świetle niepublikowanych dokumentów dotyczących realizacji ustaleń traktatu ryskiego (Ze spuścizny Stanisława Lisowskiego) // Rocznik Biblioteki Narodowej. Warszawa, 2003. Wydanie XXXV. URL: <https://www.bn.org.pl/download/document/1245420522.pdf>.

References

Alekseev D. A. Pamyatnik iz mezhevykh zakonov. M., 1806.

Bekkaria Ch. Rassuzhdenie o prestupleniyakh i nakazaniyakh / per. s it. na fr. A. Morelleta, s fr. na rus. D. Zazykova. SPb., 1803.

Bonner A. G. Bestsennye sokrovishcha: o fonde nauchnoi biblioteki Irkutskogo universiteta. Irkutsk, 1979.

Dil'tei F. G. Nachal'nye osnovaniya veksel'nogo prava, a osoblivo rossiiskogo, kupno i shvedskogo. S pribavleniem raznykh rossiiskikh uzakonenii, k tomu prinadlezhashchikh. 5-e izd., ispr. i dop. M., 1794.

Ekslibris biblioteki Tsentral'nogo pedagogicheskogo muzeya // Nauchnaya biblioteka Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta: sait. URL: [http://library.petsu.ru/collections/red/exliborg_shrift\(r\).html#2](http://library.petsu.ru/collections/red/exliborg_shrift(r).html#2).

Entsiklopedicheskii slovar' Tovarishchestva «Brat'ya A. i I. Granat i K^o» / pod red. V. Ya. Zheleznova, M. M. Kovalevskogo i dr. M., 1910–1948. T. 11: Vozdushnaya opukhol' – Vydacha golovoi. 1938.

Feierbakh P. I. A. Ugolovnoe pravo: v 3 kn. SPb., 1810–1827. Kn. 1.

GASO (Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti). F. 21143-r. Op. 1. D. 21. L. 26–26ob.

Iosif. Ispovedanie khristianskoi very Armyanskoi tserkvi / per. s armyan. Iosifa (Argutinskogo-Dolgorukogo). SPb., 1799.

Irkutskoe voennoe uchilishche // Regiment.ru. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/C/8/1.htm>.

Istchnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: ucheb. posobie / I. N. Danilevskogo, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva. M., 1998.

Istolkovaniya aglinskikh zakonov g. Blakstona / per. s angl. S. E. Desnitskii pri uchastii A. M. Bryantseva. M., 1780–1782. 1780. Kn. 1.

Karamzin N. M. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t. 3-e izd. SPb., 1830–1831.

Klimenko L. F. Biblioteka doma Nabokovykh // Straipsniai.lt: inform. portal. URL: http://old.straipsniai.lt/ru/V_Nabokov/page/4129.

Knizhnye pamyatniki Rossiiskoi Federatsii: sait. URL: <https://kp.rsl.ru>.

Knizhnye znaki predstavitelei Doma Romanovykh // Nauchnaya biblioteka Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta: sait. URL: <http://library.petsu.ru/collections/red/romanovs.html>.

Kokotova D. A. Sovremennaya rossiiskaya amnistiya v kontekste idei Ch. Bekkaria: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2016.

Konstanty Lisowski // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Konstanty_Lisowski.

Kudryashova G. Yu. Biblioteka UGTU–UPI v istoricheskom kontekste razvitiya universiteta // Universitetskaya biblioteka na rubezhe tysyacheletii: vybor puti: materialy Tret'ei Vseros. nauch.-prakt. konf. (5–7 dekabrya 2000 g.). Ekaterinburg, 2001. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html.

Łaskarzewska H. Starania o zwroty polskich zbiorów bibliotecznych z Kijowa i Petersburga w świetle niepublikowanych dokumentów dotyczących realizacji ustaleń traktatu ryskiego (Ze spuścizny Stanisława Lisowskiego) // Rocznik Biblioteki Narodowej. Warszawa, 2003. Wydanie XXXV. URL: <https://www.bn.org.pl/download/document/1245420522.pdf>.

Litsa Nikol'skoi: dinastiya Glazunovykh // Zhivoi zhurnal GPIB Rossii (Istoricheskaya biblioteka): blog. URL: <https://gpiib.livejournal.com/104083.html>.

Montesk'e Sh. L. O razume zakonov / per. s fr. V. Kramarenkova. SPb., 1775. T. 1.

Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. / nauch.-red. sovet: V. S. Stepin, A. A. Guseinov, G. Yu. Semigin i dr. M., 2010. T. 1: A–D.

Osnovaniya rossiiskogo prava, izvlechennye iz sushchestvuyushchikh zakonov Rossiiskoi imperii: v 2 t. SPb., 1821–1822. T. 2.

Primakovskii A. P. Bibliografiya russkikh perevodov proizvedenii Montesk'e // Montesk'e Sh. L. de Izbrannye proizvedeniya / obshch. red. i vstup. st. M. P. Baskina; primech. R. S. Mindlinoi. M., 1955.

Rulev M. S. Organy mezhevaniya i razresheniya mezhevykh sporov v Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018.

Samarin A. Yu. Chitatel' v Rossii vo vtoroi polovine XVIII veka: (Po spiskam podpisnikov). M., 2000.

Sudebnik tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha, zakony iz Yustinianovykh knig, ukazy dopolnitel'nye k sudebniku i tamozhenniy ustav tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. SPb., 1768.

Taitsin gurun' i Ukheri koli, to est' vse zakony i ustanovleniya kitaiskogo (a nyne man'chzhurskogo) pravitel'stva / per. s man'chzhur. A. Leontieva. SPb., 1781–1783. T. 2–3.

Tomsinov V. A. Pervyi professor yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta Filipp-Genrikh Dil'tei (1723–1781) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo. 2015. № 2.

Ulozhenie, po kotoromu sud i rasprava vo vsyakikh delakh v Rossiiskom gosudarstve proizvoditsya, sochinennoe i napechatannoe pri vladenii ego velichestva gosudarya tsarya i velikogo knyazya Alekseye Mikhailovicha vseya Rossii samoderzhitsa v leto ot sotvoreniya mira 7156. Izdano 3-m tisneniem. SPb., 1759.

Voenno-yuridicheskaya akademiya. 1866–1891 gg.: kratkii istoricheskii ocherk / sost. V. D. Kuz'min-Karavaev. SPb., 1891.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗНАНИЙ, ЦИФРОВОЙ МИР И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Несмеянова Светлана Эдуардовна

Профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук,
e-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Бендюрина Светлана Владимировна

Доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: bendurina_s@list.ru

Колобаева Наталья Евгеньевна

Доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: lne@yandex.ru

INFORMATION SPACE OF KNOWLEDGE, DIGITAL WORLD AND CONSTITUTIONAL LAW: A REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

Nesmeyanova Svetlana

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Bendyurina Svetlana

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: bendurina_s@list.ru

Kolobaeva Natal'ya

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: lne@yandex.ru

Следует признать, что с развитием информационно-коммуникационных технологий формируется новое пространство, в рамках которого мы не только передаем и получаем все больше информации, но и реализуем права, свободы и обязанности. Появляются новые формы реализации прав человека, провозглашаются новые права (не предусмотренные национальным законодательством), создаются дополнительные ресурсы вовлечения граждан в управление делами государства. Вместе с тем нередко наблюдается нарушение прав человека в киберпространстве. По этим причинам правовая наука должна выработать общие подходы к определению механизмов реализации и защиты прав и свобод человека, существующих в сети Интернет, поддерживая доверие граждан к государству.

17–21 апреля 2019 г. юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по инициативе кафедры конституционного и муниципального права, Межрегиональной ассоциации конституционалистов и журнала «Конституционное и муниципальное право» провел международную научную конференцию «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право».

В работе конференции приняли участие зарубежные и отечественные специалисты в области конституционного права: заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, экс-председатель Конституционного суда Республики Беларусь, член-корреспондент Академии наук Республики Беларусь Г. А. Василевич; профессор кафедры конституционного и административного права Научно-исследовательского университета «Высшая

школа экономики», доктор юридических наук А. А. Ливеровский; профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки и заслуженный юрист Российской Федерации, судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь; главный редактор журнала «Заманбап илим» (Кыргызская Республика), доктор политических и юридических наук А. Канатбек; ведущий научный сотрудник Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор юридических наук А. А. Арабаев; профессор Университета Грац (Австрия) В. Бернд; руководитель Европейского центра обучения Университета Зальцбург В. Дорис; заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор Г. Н. Комкова; заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук В. И. Крусс; заведующий кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, доктор юридических наук Ж. И. Овсепян; доцент кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук К. А. Иванова и др.

Уральский государственный юридический университет представляли заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук М. С. Саликов; доктор юридических наук, профессор С. Э. Несмеянова; кандидаты юридических наук, доценты А. Н. Мочалов, С. В. Бендюрина, Н. Е. Колобаева.

В современной науке постепенно формируется понимание того, что механизмы реализации и защиты прав и свобод человека в виртуальной среде существенно отличаются от традиционных механизмов, в том числе, за счет вводимых ограничений, связанных с доступом к сети Интернет. Огромное значение имеют анализ использования информационно-коммуникационных технологий и накопленный позитивный опыт зарубежных стран в соответствующей сфере. Особый интерес представляют возможности реализации прав и свобод человека в связи с введением таких сервисов, как электронное правосудие, открытое правительство и др.

Открыл конференцию заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации С. А. Авакьян, указав, что выбор темы конференции не случаен. Намечившийся процесс информатизации и цифровизации публично-правовых институтов, гражданского общества оставляет открытыми многие вопросы: каким будет завтра гражданское общество с учетом цифровых технологий; каковы перспективы развития электронного правосудия, электронной демократии, электронного правительства; какие опасности таит современная цифровая среда; какова степень вторжения искусственного интеллекта в правовую сферу и всегда ли оно обоснованно?

Соглашаясь с тем, что цифровизация правового пространства, в частности конституционного, набирает обороты, Н. С. Бондарь отметил, что цифровой мир с юридических позиций имеет конституционно-правовую природу, так как в нем наблюдается сочетание публичных и частных начал, где частное растворяется в мировом пространстве. Доктринально-практические аспекты цифровизации конституционного пространства подтверждаются конституционным правосудием, которое само становится электронным. С 2003 г. Конституционный Суд РФ в своих решениях формирует новый информационно-правовой портрет человека (цифровая идентификация личности, «право на забвение»).

Вопросы внедрения электронного правосудия, формирования виртуальных судов, цифровизации судебного процесса в своих выступлениях подняли Г. А. Василевич, Е. В. Гриценко, Е. А. Бушев, С. Э. Несмеянова, А. В. Должиков. Участники конференции обозначили перспективы развития электронного правосудия в условиях, когда новые технологии будут служить праву, способствовать быстрому рассмотрению судебных споров, но выявили некоторые связанные с этим проблемы: доступность электронного правосудия, несоблюдение права на защиту персональных данных и т. п.

Вопросы применения электронных форм цифровой демократии затронули М. С. Саликов (практика применения электронного голосования, перспективы и проблемы его реализации), И. С. Алехина (цифровые / электронные выборы и применение совре-

менных устройств при подсчете голосов). Участники конференции согласились с тем, что появление новых публично-правовых институтов и форм цифровой демократии (электронный форум, онлайн-петиции, интернет-обсуждение, электронные парламент, правосудие, правительство и т. п.) делает открытым, доступным, прозрачным деятельность органов власти и расширяет возможности человека принимать участие в управлении делами государства.

В рамках обсуждения вопроса о новом цифровом портрете человека Н. С. Бондарь, С. Э. Несмеянова, Н. Е. Колобаева, А. А. Кондрашев остановились на следующих проблемах: реализация традиционных и новых прав и свобод личности (право на подключение к Интернету, право на забвение); свобода в сети и ее ограничения; информационные манипуляции с общественным мнением; персонификация данных; гарантии личной свободы и безопасности и т. п. С одной стороны, цифровой мир ведет к расширению возможностей, обогащая информационно-правовой статус человека, с другой – в цифровой среде усиливаются ограничения при реализации прав и свобод. Участники конференции констатировали, что наблюдается многослойная фильтрация интернет-контента: принятие нормативных актов, устанавливающих пределы реализации прав и свобод в интернет-среде, рост количества государственных органов, которые принимают решения о блокировке контента, переход от судебного блокирования контента к административному и т. п.

Зарубежный опыт цифровизации общественных отношений был охарактеризован учеными из Кыргызской Республики А. А. Арабаевым и А. Канатбеком. Австрийский ученый В. Дорис представил анализ международных актов, обеспечивающих правовое регулирование электронных ресурсов.

Не менее важным является обсуждение вопросов, связанных с совершенствованием правового регулирования в рассматриваемой сфере, так называемого интернет-законодательства, особенно конституционного. А. А. Кондрашев, Ж. И. Овсепян, А. А. Круковский и другие отметили нечеткость, неопределенность, размытость положений нормативных актов, действующих в интернет-пространстве, и необходимость устранения этих недостатков. В частности, А. А. Ливеровский подчеркнул, что развитие интернет-права реализуется, в том числе, через решения Конституционного Суда РФ, который путем толкования рассматривает конституционные принципы и принимает решения о мере их применения. Участники дискуссии сошлись во мнении, что в сфере интернет-регулирования право приобретает межотраслевой характер (конституционное, уголовное, гражданское, административное, налоговое и т. д.), при этом конституционное право в регламентации интернет-среды занимает ведущее место.

На встрече с председателем ЦИК РФ Э. А. Памфиловой, заместителем председателя ЦИК РФ Н. И. Булаевым, секретарем ЦИК РФ М. В. Гришиной, членами ЦИК РФ А. Ю. Киневым, Б. С. Эбзеевым участники конференции обсудили вопросы цифровизации избирательного процесса (механизм «мобильный избиратель», дистанционное электронное голосование, цифровой избирательный участок). Практики совместно с учеными констатировали, что именно в избирательном процессе более быстро развиваются и применяются цифровые технологии. Цифровой избирательный участок и механизм «мобильный избиратель» с 2017 г. работают на федеральных и региональных выборах, заменив систему открепительных удостоверений и досрочного голосования, сделав процедуру голосования по месту нахождения более доступной и удобной; а в 2019 г. в единый день голосования на выборах депутатов Московской городской Думы будет впервые апробировано дистанционное электронное голосование.

20 апреля 2019 г. состоялся круглый стол «Интернет-ресурсы – новые возможности для преподавателей и студентов в освоении конституционного и муниципального права». Дискуссия носила свободный характер, ее участники (Е. Н. Маркова, И. А. Боброва, К. С. Иванова, В. В. Полянский, Р. М. Дзидоев, И. С. Алехина, Е. В. Герасимова и др.) поделились опытом преподавания, разработки и реализации курсов, организации учебного процесса с использованием интернет-технологий. Так, во многих вузах создана и работает электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС), представляющая собой совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса (автоматизированная система управления образовательным процессом; система электронного документо-

оборота; система контроля знаний; комплекс электронных библиотечных систем; корпоративная почта; совокупность технических, телекоммуникационных и программных средств и т. п.). Участники круглого стола согласились с тем, что цифровая образовательная среда обеспечивает доступность, открытость, системность и ориентированность на пользователя в учебном процессе, но, вместе с тем, возникают проблемы технического характера, появляется зависимость нагрузки преподавателя от выбора студентом электива, утрачивается связь преподавателя со студентом и т. д. Участники круглого стола пришли к выводу о необходимости сбалансированного сочетания традиционных и электронных инструментов в преподавании.

Участники конференции подтвердили актуальность обсуждаемых проблем, пришли к выводу о том, что информационное пространство открывает границы, способствует появлению новых возможностей, но без должного правового регулирования цифровизация публично-правовых институтов и гражданского общества невозможна.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохина*

Подписано к использованию 17.07.19.
Уч.-изд. л. 11,50. Объем 3,00 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит